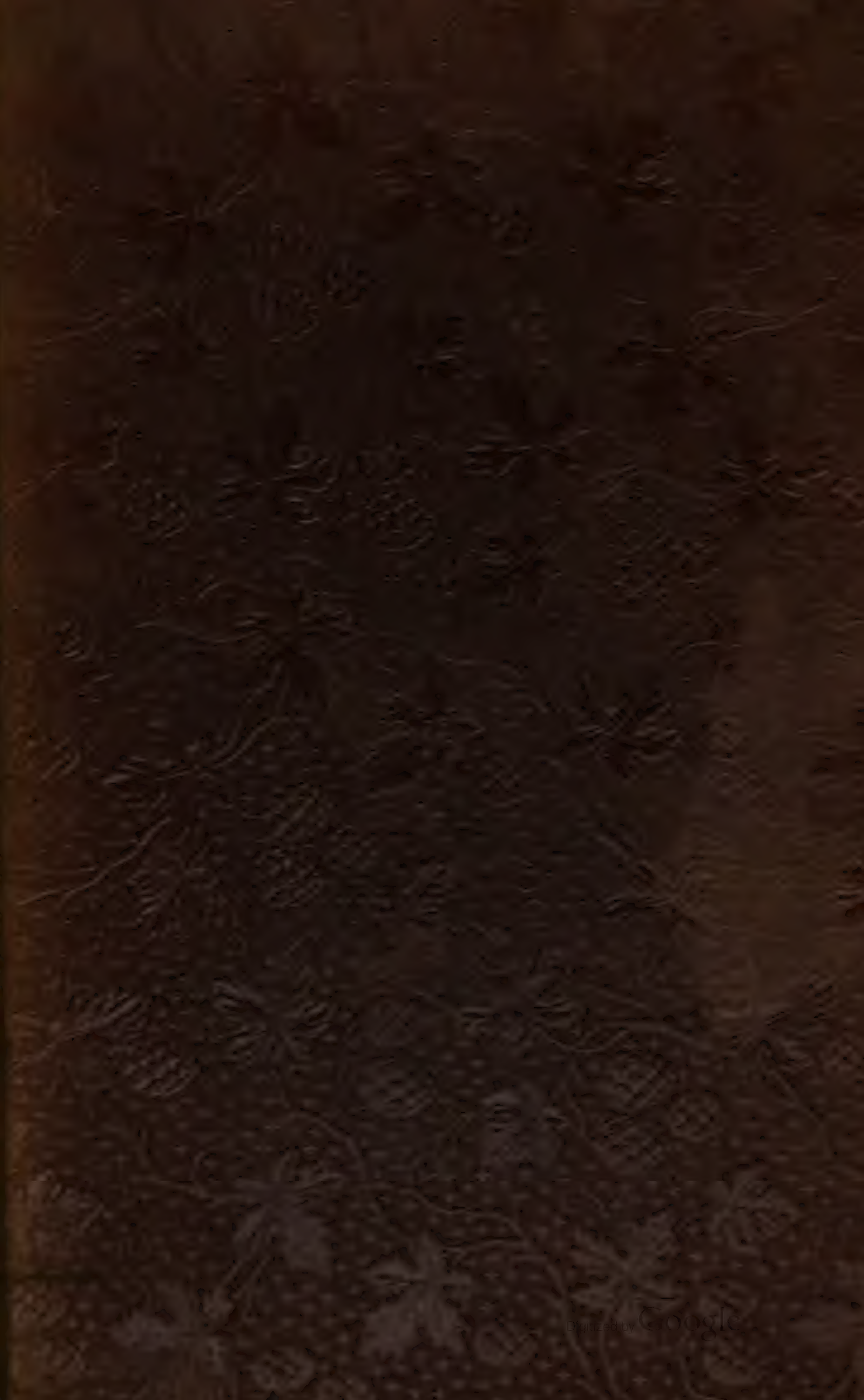
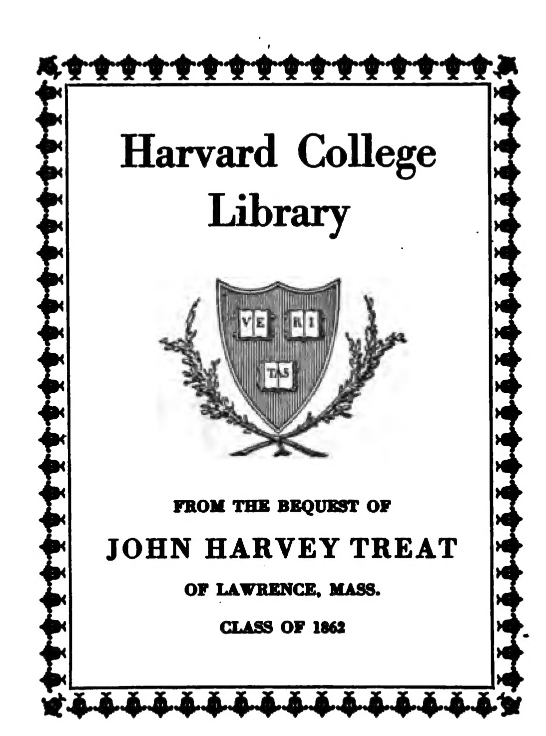

VE
RI
TAS

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Назданѝ на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

ЧАСТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕР. ВНУТР. ДѢЛЪ.

1825 года.

Съ дозволенія

Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи.

I.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРІЯ ВЕЛИКАГО

БЕСѢДА

О достоинствѣ, превосходствѣ, силѣ и дѣйствіи безсмертной души, и о томъ, какъ она искушается сатаною и освобождается отъ его искушеній.

Возлюбленный! не думай низко о разумномъ существѣ души. Безсмертная душа есть нѣкій драгоцѣнный сосудъ. Смотри, каково небо и какова земля: но не удовольствовался ими Богъ, а токмо однимъ тобою. Познай свое достоинство и благородство: ибо не посредствомъ Ангеловъ, но Самъ лично Господь пришелъ ходатайствовать о тебѣ; дабы тебя погибшаго и покрытаго ранами привесть въ прежнее состояніе и возвратить тебѣ первый образъ

чистоты Адама. Ибо человѣкъ былъ владыкою надъ всѣмъ, отъ неба до земли, имѣлъ способность различать страсти, былъ чуждъ демоновъ, чистъ отъ грѣха или отъ пороковъ, и имѣлъ подобіе Божіе: но чрезъ преступленіе онъ погибъ, покрылся ранами и умеръ; ибо сатана помрачилъ его умъ. Такимъ образомъ онъ частію находится въ семъ состояніи мрака, а частію живетъ, разсуждаетъ и имѣетъ волю.

2. *Вопросъ*. Когда приходитъ Духъ Святый; то не искореняется ли вмѣстѣ съ грѣхомъ и естественная похоть?

Отвѣтъ. Я выше сказалъ, что и грѣхъ искореняется, и человѣкъ пріемлетъ первый образъ чистоты Адамовой. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ силы Духа и духовнаго возрожденія онъ приходитъ въ мѣру перваго Адама, и даже превосходитъ его; ибо тогда человѣкъ оботворяется.

3. *Вопр*. Есть ли мѣра, по которой попускается сатана, или онъ воюетъ, какъ хочетъ?

Отв. Онъ устремляется не только на Христіанъ, но и на идолослужителей и на цѣлый міръ: слѣдовательно, естьли бы ему позволено было воздвигать брань, какъ онъ хочетъ; то онъ истребилъ бы всѣхъ. — Почему? Потому что къ сему клонится его желаніе и все стараніе. Но какъ скудельникъ кладетъ въ пещь сосуды, и разжигаетъ ее умѣренно, ни слишкомъ много, чтобы они не перегорѣли и не растрескались; ни слишкомъ мало, чтобы они не были сыры и не развалились; и естьли серебреныхъ и золотыхъ дѣлъ художники разлагаютъ огонь въ извѣстной мѣрѣ,—ибо естьли огонь будетъ великъ, то золото и серебро разрѣшается, растопляется и пропадаетъ; и естьли благоразумный человѣкъ умѣетъ налагать скоту соразмѣрныя тяжести, — на верблюда, или на другаго какого либо животнаго онъ налагаетъ такую тяжесть, какую оно можетъ понести: то кольми паче Богъ, который знаетъ сосуды человѣковъ, различнымъ образомъ попущаетъ на насъ противную силу.

4. И какъ земля хотя одна, но индѣ ка-

менисша, индѣ шучна; иная способна къ произращенію винограда, а другая для посѣва пшеницы, или ячменя: шакъ и сердца и воли, будучи сами въ себѣ однѣ, различны въ различныхъ человѣкахъ. Такъ подаюшся и дары свыше: одному даешся служеніе слова, другому способносшь различенія (духовъ); иному дары исцѣленій; поелику Богъ знаешъ, какъ кшо можешъ располагашь ими, пошому шакъ и даешъ различные дары. Подобнымъ образомъ и въ разсужденіи браней, кшо въ какой мѣрѣ можешъ выдержашь и перенесши ихъ, въ шакой и попускаешся на нихъ прошивная сила.

5. Вопр. Кшо принялъ Божесшвенную силу и ошчасши измѣнился, осшаешся ли шопъ неизмѣненъ въ своей природѣ?

Отв. Дабы можно было и по воспріяшіи благодаши испышашь волю, куда она сшремишся и на чшо соглашаешся; шо природа осшаешся шою же самою; крѣпкій осшаешся при своей крѣпосши, а слабый при слабосши. Случаешся, чшо человѣкъ просшый—неученый, духовно возродившись, перемѣняешся

въ мудраго, и открываются ему сокровенныя таинства, но въ природѣ своей онъ остается простымъ. Иной, будучи неудобопреклоненъ отъ природы, прилѣпляется волею своею къ Богопочитанію, и Богъ пріемлетъ его. Но природа его остается неудобопреклонною, хотя и благоволитъ къ нему Богъ. Другой кроткихъ нравовъ, снисходителенъ, добръ, предаетъ себя Богу, и Господь пріемлетъ его; но естьли постоянно не пребываетъ въ добрыхъ дѣлахъ, то Богъ не благоволитъ къ нему. Вообще природа Адамова удобопреклонна къ добру и къ злу; можетъ допускать зло, но ежели хочетъ, можетъ не совершать его.

6. Какъ на пергаменѣ можно различно писать,—захотѣлъ—написалъ, захотѣлъ—опять стеръ; ибо пергаменъ принимаетъ всякія письмена: такъ и неудобопреклонный человѣкъ предалъ волю свою Богу, обратился къ добру, и принятъ Богомъ. Ибо Богъ, дабы явить свое благоутробіе, всѣхъ и всякое произволеніе пріемлетъ. Апостолы, въ какой городъ входили, проводили въ немъ нѣсколько времени, и изъ страждущихъ однихъ

исцѣляли, а другихъ нѣтъ. Сами по себѣ Апостолы желали воскрешать всѣхъ мертвыхъ и исцѣлять страждущихъ, но не всегда исполнялось ихъ желаніе; ибо не все, чего они желали, позволялось имъ дѣлать. Подобнымъ образомъ и Павелъ, когда областный правитель содержалъ его, сдѣлалъ бы, естьли бы только восхотѣла Благодать присущая ему, что и областный правитель погибъ бы, и разрушилась бы стѣна; ибо онъ былъ такой человѣкъ, который имѣлъ Утѣшителя: но Апостолъ спускается въ коробѣ. (Дѣя. 9, 25, 2 Кор. 11, 32.) Гдѣ присущая ему Божественная сила? Это по мудрому смотрѣнію Божію происходило, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они творили знаменія и чудеса, а въ нѣкоторыхъ являлись немощными; дабы можно было разпознать вѣру невѣрующихъ и вѣрующихъ, испытать свободное ихъ произволеніе, и видѣть, не соблазняется ли кто сею малою немощію, Ибо ежели бы Апостолы все, что хотѣли, дѣлали, то чудесами насильно принудили бы людей принять ихъ вѣру, безъ свободнаго произволенія, и потому не было бы ни вѣ-

ры, ни невѣрія. Поелику Христіанство есть камень претыканія и камень соблазна.

7. Кромѣ сего то, что написано о Іовѣ, какъ просилъ его у Бога сатана,—написано не безъ намѣренія; ибо сей самъ собою безъ позволенія ничего не могъ сдѣлать. Но что говоритъ Господу діаволъ? *Предай мнѣ его въ руки, ежели онъ не благословитъ Тебя въ лице.* (Іов, 2, 11.) Такъ и нынѣ, тотъ же есть Іовъ, тотъ же Богъ, и тотъ же діаволъ. По сему, когда человѣкъ находится подъ защитою Бога, и, по дѣйствію Благодати, является усерднымъ къ Нему и ревностнымъ: то сатана проситъ его и говоритъ Господу: *Поелику Ты вспомоществуешь ему и защищаешь его, то онъ и служитъ Тебѣ; но оставь его и предай мнѣ, ежели онъ Тебя въ лице не благословитъ.* Послѣ сего дѣйствительно Благодать отъемлетъ у души ея утѣшенія, и предается душа искушеніямъ. И такъ приходитъ діаволъ, и приноситъ съ собою безчисленныя бѣды: отчаяніе, отреченіе, злые помыслы; поражаетъ скорбію душу, дабы изнурить ее и лишить упованія на Бога.

8. Но мудрая душа, среди бѣдствій и скорби, не отчаявается, но блюдетъ то, что имѣетъ; и что ни потерпѣла бы отъ безчисленныхъ искушеній, все переноситъ, говоря: *Пусть лучше умру, но я Его не оставлю.* И тогда, какъ человѣкъ претерпитъ до конца, Господь начинаетъ говорить сатанѣ: *Видишь, коликимъ бѣдствіямъ и скорбямъ ты подвергъ его, и онъ тебѣ не покорился, но Мнѣ служитъ и Меня боится.* Тогда срамомъ покрывается сатана, и не знаетъ, что сказать. Естьлибъ онъ и въ разсужденіи Іова зналъ, что сей, подвергнувшись искушеніямъ, претерпитъ оныя и препобѣдитъ; то не сталъ бы просить его, чтобы не потерпѣть срама. Такъ и нынѣ тѣми, которые претерпѣваютъ скорби и искушенія, посрамляется сатана и досадуетъ, что ничего не успѣлъ. Ибо Господь начинаетъ ему говорить: *Вотъ Я тебѣ попустилъ, вотъ Я позволилъ тебѣ искусить его: успѣлъ ли ты сколько нибудь? покорился ли онъ тебѣ?*

9. *Вопр.* Всѣ ли мысли и намѣренія человѣческія знаетъ сатана?

Отв. Ежели человѣкъ, обращаясь съ человѣкомъ, знаетъ его расположенія; ежели ты, будучи двадцати лѣтъ, знаешь свойства ближняго твоего: то неужели сатана, который отъ самаго рожденія живетъ съ тобою, и которому уже шесть тысячь лѣтъ, не знаетъ твоихъ мыслей? Впрочемъ мы не утверждаемъ, что онъ прежде, нежели искуситъ человѣка, знаетъ, что сей намѣренъ сдѣлать. Ибо искушаетъ искуситель, но не знаетъ, покорится ли ему человѣкъ, или нѣтъ, доколѣ душа не отдаетъ ему въ рабство волю свою. Опять мы не говоримъ и того, что всѣ помышленія и желанія сердца знаетъ діаволъ. Ибо душа есть какъ бы древо, которое имѣетъ многія вѣтви и отрасли. Есть нѣкоторыя вѣтви мыслей и намѣреній, которыми владѣетъ сатана: но есть другія мысли и намѣренія, которыя не подлежатъ власти сатаны.

10. Ибо иногда сторона зла превозмогаетъ въ рожденіи помысловъ, а иногда разсудокъ человѣка, пріемля помощь и избавленіе отъ Бога, противится злу и преодолѣваетъ его; иногда онъ въ порабощеніи, иногда имѣетъ

волю. Ибо иногда бываетъ, что онъ съ горячайшимъ желаніемъ обращается къ Богу, и сатана знаетъ и видитъ, что человѣкъ дѣйствуетъ противъ него; но остановить его не можетъ. Почему? потому, что человѣкъ имѣетъ волю взывать къ Богу, имѣетъ естественныя сѣмена любви къ Богу, вѣры въ Него, стремленія и приближенія къ Нему. Ибо духовное дѣланіе, подобно какъ и видимое обработываніе земледѣльцемъ земли, представляется въ зависимости отъ двухъ сторонъ: то есть, человѣкъ самъ тщательно долженъ воздѣлывать землю своего сердца, и надъ нею трудиться; ибо Богъ отъ человѣка требуетъ работы, труда и дѣланія: но естьли Всевышній не наведетъ на небѣ облаковъ и не дастъ дождей благодати, то безъ пользы будетъ трудиться земледѣлецъ.

11. Сіе и служитъ знакомъ Христіанства, чтобы при всѣхъ трудахъ и дѣлахъ правды, почитать себя какъ бы ничего не сдѣлавшимъ, чтобы постящійся говорилъ, что я не постился, молящійся—я не молился, пребывающій въ молитвѣ—я не пребывалъ, а

теперь только начинаю подвизаться и трудиться. Хотя бы кто праведенъ былъ предъ Богомъ, долженъ говорить: *Я неправеденъ и не тружуся, но только каждой день сей трудъ начинаю.* Онъ долженъ только всякой день имѣть надежду, радость и ожиданіе будущаго царствія и избавленія, и говорить: *Ежели сего дня я не освободился, то завтра свободенъ буду.* Ибо какъ насаждающій виноградъ, прежде нежели начнетъ трудъ, радуется самъ въ себѣ, надѣется; предначертываетъ въ умѣ своемъ хранилища для вина, счисляетъ прибытки, когда еще нѣтъ вина, и послѣ сего уже приступаетъ къ труду; ибо надежда и ожиданіе воодушевляютъ его къ трудамъ,—и дотолѣ онъ дѣлаетъ великія издержки изъ собственнаго имущества; равно и строющій домъ, и воздѣлывающій землю въ началѣ много издерживаетъ изъ собственности, въ надеждѣ на будущій прибытокъ: такимъ образомъ бываетъ и здѣсь; естьли кто не имѣетъ предъ очами радости и надежды получить искупленіе и жизнь, тотъ не можетъ перенести скорбей, подъять бремя, и вступить на тѣсный путь. Сія питаемая имъ

надежда и радость дѣйствительно воодушевляютъ его къ трудамъ, къ претерпѣнію скорбей, къ понесенію бремени и къ предпріятію тѣснаго пути.

12. Но какъ не легко горящей головнѣ избавиться отъ огня; такъ не малаго стоитъ труда и душѣ избѣжать огня смерти. Весьма часто сатана подъ видомъ добрыхъ мыслей, что, то есть, *ты можешь симъ угодить Богу*, внушаетъ душѣ пустыя и одинъ видъ истины имѣющія помышленія; и она, увлекаясь сими, не умѣетъ различить ихъ, и такимъ образомъ впадаетъ въ сѣть и погибель діавола. Въ таковомъ случаѣ лучшее оружіе подвижника и воина есть то, чтобы онъ, вошедши въ сердце свое, воздвигъ брань противъ сатаны, чтобы возненавидѣлъ самаго себя, отрекся души своей, гнѣвался на нее, укорялъ ее, противился своимъ пожеланіямъ, противоборствовалъ помысламъ и сражался съ собою.

13. Естьли ты по внѣшности охраняешь тѣло свое отъ растлѣнія и любодѣянія; внутренно же въ помыслахъ своихъ блу-

додѣйствуешь и прелюбодѣйствуешь, то ты прелюбодѣй предъ Богомъ, и безъ всякой для себя пользы сохраняешь дѣвственнымъ тѣло свое. Какъ естьли дѣвица, бывъ коварно обольщена юношею, лишится невинности, то уже она бываетъ ненавистна жениху своему, потому что учинила любодѣяніе: такъ и безтѣлесная душа, сообщаясь съ сокрывающимся во внутренности ея зміемъ—злымъ духомъ, прелюбодѣйствуетъ отъ Бога. И Писаніе говоритъ: *Всякъ воззрѣвый на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* (Матѳ. 5, 28.) Ибо есть блудъ, который совершается тѣломъ, и есть блудъ души, сообщающейся съ сатаною; одна и таже душа бываетъ сообщницею и сестрою или демоновъ, или Бога и Ангеловъ; и естьли она соблудитъ съ діаволомъ, то уже не угодна бываетъ небесному Жениху.

14. *Вопр.* Имѣетъ ли покой когда нибудь сатана, и человѣкъ чрезъ то бываетъ ли свободенъ отъ брани; или во всю жизнь свою онъ имѣетъ брань?

Отв. Сатана никогда не успокоивается отъ брани: доколѣ человѣкъ живетъ въ семъ вѣкѣ и носитъ плоть; онъ не преставаетъ нападать на него. Но, когда разженныя стрѣлы лукаваго угасятся, уже тамъ что можетъ вредить человѣку, хотя сатана и приходитъ въ судъ? Человѣкъ есть другъ Царя, и имѣетъ тяжбу съ противникомъ; а имѣя Царя къ себѣ благосклоннымъ и другомъ, который вспомоществуетъ ему, онъ не терпитъ никакого вреда. Ибо кто умѣлъ пройти всѣ чины и степени, и содѣлаться другомъ Царя, тому уже кто можетъ причинить какой либо вредъ? Въ видимыхъ царствахъ есть города, которые получаютъ отъ Царя дары и содержаніе: по сему естьли они и жертвуютъ ему чѣмъ нибудь, то отъ сего не терпятъ никакого убытка, когда сами столько получаютъ и пріемлютъ отъ Царя: такъ и Христіане, хотя терпятъ нападенія отъ врага, но поелику они сами имѣютъ миръ съ Богомъ и облечены силою и покоемъ свыше, то ни мало и не заботятся о брани.

15. Ибо какъ Господь, оставивши всякое

начальство и власть, облекся тѣломъ: такъ и Христіане облекаются Духомъ Святымъ, и бываютъ въ покоѣ. Хотя брань отвнѣ и угрожаетъ, сатана поражаетъ; но они внутренно ограждены силою Господа, и не безпокоятся въ разсужденіи сатаны. Искушая Господа въ пустынѣ сорокъ дней, какое онъ причинилъ Ему зло, что приступилъ отвнѣ къ тѣлу Его, когда Онъ внутренно былъ Богъ? Такъ и Христіане хотя отвнѣ искушаются, но внутренно они исполнены Божества и потому не терпятъ никакого зла. Естьли же кто пришелъ въ сію мѣру, тотъ достигъ совершенной любви Христіанской и полноты Божества: а кто не таковъ, тотъ еще имѣетъ внутреннюю брань: иногда онъ имѣетъ покой, пребывая въ молитвѣ; въ другое время находится въ скорби и брани. Ибо такъ угодно Господу, что когда человѣкъ бываетъ еще младенцемъ, то Онъ упражняетъ его въ браняхъ; внутрь его открываются двѣ стороны: свѣтъ и тьма, покой и скорбь; иногда онъ молится въ покоѣ, а въ другое время находится въ смущеніи.

16. Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ? *Естьли я имѣю всѣ дары, естьли я предамъ тѣло свое на сожженіе, естьли говорю Ангельскими языками, но не имѣю любви; то я ничто*: (1 Кор. 13, 1.) потому что дары сіи суть только начинательные, и исполненные ими хотя во свѣтѣ находятся, однако суть младенцы. Ибо многіе изъ братій приходили въ сію мѣру, и имѣли дары исцѣленій, откровеніе и пророчество: но поелику не достигли совершенной любви, которая есть *союзъ совершенства*, (Колос. 3, 14.) то и постигла ихъ брань, и они отъ нерадѣнія пали. Естьли же кто достигнетъ совершенной любви, тотъ уже сдѣлался узникомъ и плѣнникомъ благодати. А кто нѣсколько не достигнетъ въ мѣру любви, и сей любви не сдѣлается плѣнникомъ, таковый подверженъ еще страху брани и паденію; и естьли онъ себя не оградитъ, то повержетъ его сатана.

17. Такимъ образомъ многіе потеряли благодать, бывшую въ нихъ. Думая, что уже достигли совершенства, они говорили: *Довольно для насъ, мы не имѣемъ болѣе ну-*

жды. Но Господь безконеченъ и непостижимъ; и Христіане не смѣютъ сказать, что они постигли Его, но смиряются предъ Нимъ день и ночь. Мы на опытѣ видимъ, что въ наукахъ не льзя достигнуть конца, и никому сіе не извѣстно, кромѣ ученаго, довольно свѣдущаго въ наукахъ: такъ и здѣсь, ни для кого непостижимъ Богъ и неизмѣримъ, какъ только для тѣхъ, которые вкусили отъ Того самаго, кого они пріяли, и которые признаютъ свою немощь. Естьли кто, имѣя малыя свѣдѣнія въ наукахъ, придетъ въ деревню, гдѣ одни простолюдины; то онъ слыветъ у нихъ ученымъ; поелику деревенскіе жители не умѣютъ испытать его: но естьли тотъ же самый человѣкъ, малосвѣдущій въ наукахъ, придетъ въ городъ, гдѣ есть риторы и другіе ученые, то онъ не смѣетъ имъ показаться, и слова сказать; потому что сіи ученые признаютъ его за деревенскаго жителя.

18. *Вопр.* Естьли человѣкъ, во время брани, и занятый въ душѣ своей частію образами грѣха, частію образами благодати, преходитъ изъ сего міра; то на которую

*

изъ сихъ двухъ сторонъ увлекающихъ его поступаетъ?

Отв. Куда стремится сердце, и гдѣ предметъ любви его, туда человѣкъ и поступаетъ. Только, естьли постигаетъ тебя скорбь и брань, ты долженъ противоборствовать имъ и ненавидѣть ихъ. Ибо, что наступаетъ брань, сіе не отъ тебя зависитъ, но ненавидѣть ее—это твое дѣло. И тогда Господь, видя сердце твое, что ты подвизаешься и любишь Его всею душею, въ одну минуту удаляетъ смерть отъ души твоей,—ибо для Него это нетрудно,—и пріемлетъ тебя въ свои объятія и въ свой свѣтъ; мгновенно исхищаетъ тебя изъ устъ тьмы, и немедленно переноситъ въ царство свое: ибо Богъ въ одно мгновеніе все можетъ легко сдѣлать, только бы ты имѣлъ любовь къ Нему. Богъ требуетъ отъ человѣка сей дѣятельности потому, что душа его общница Божества.

19. Мы уже многократно предлагали примѣръ земледѣльца, что онъ, трудясь и бросая сѣмена въ землю, долженъ ожидать еще

дождя съ неба. Ибо естьли не явятся облака и не подуютъ вѣтры, то безъ всякой пользы останется трудъ земледѣльца: потому что безъ нихъ зерно голое лежитъ въ землѣ. Приложи сіе и къ вещамъ духовнымъ. Естьли человѣкъ будетъ оставаться только при собственной дѣятельности, и не будетъ принимать ничего чуждаго для своей природы; то онъ не можетъ принести достойныхъ плодовъ Господу.—Въ чемъ состоитъ дѣятельность человѣка? Въ отреченіи и удаленіи отъ міра, въ постоянномъ пребываніи въ молитвѣ, въ бодрствованіи, въ любленіи Бога и братій своихъ; въ семъ постоянно пребывать есть собственное его дѣло. Но естьли онъ останется при собственной дѣятельности и не захочетъ принять ничего другаго; естьли не подуютъ на душу его вѣтры Святаго Духа; естьли не явятся небесныя облака, не пойдетъ съ неба дождь и не ороситъ души: то человѣкъ не можетъ принести достойныхъ плодовъ Господу.

20. А въ Писаніи сказано, что *земледѣлецъ, когда увидитъ виноградную вѣтвь*

приносящую плодъ, очищаетъ ее, чтобы она принесла болѣе плода: а неприносящую плода истореаетъ и предаетъ сожженію. (Іоан. 15, 2. 6.) Кромѣ сего, человѣкъ, постится ли, бодрствуетъ ли, молится ли, дѣлаетъ ли какое доброе дѣло, все долженъ приписывать Господу, такъ говоря: *Естьли бы Богъ не укрѣпилъ меня, я не могъ бы поститься, или молиться, или удаляться отъ міра.* И такимъ образомъ Богъ, видя доброе твое расположеніе, то есть, что ты свои дѣйствія, отъ собственной природы зависящія, приписываешь Богу, Самъ даруетъ тебѣ свои духовныя, божественныя и небесныя блага.—Какія же? Плоды Святаго Духа, радость и веселіе.

21. *Вопр.* Но поелику естественные плоды, каковы: любовь, вѣра, молитва, подобны такимъ же плодамъ Святаго Духа; то опредѣли намъ, что такое здѣсь естественное, и что такое духовное?

Отв. То, что ты самъ по себѣ дѣлаешь, конечно добро и благопріятно Богу, но нечисто. Такъ на примѣръ: ты любишь Бога,

но несовершенно: приходитъ Господь, и даруетъ тебѣ любовь неизмѣнную, небесную. По естественному побужденію ты молишься, но съ развлеченіемъ и разсѣяніемъ; Богъ даруетъ тебѣ молитву чистую въ духѣ и истинѣ. Мы видимъ въ природѣ, что земля весьма много износитъ изъ себя тернія; но земледѣлецъ копаетъ ее, тщательно воздѣлываетъ, брасаетъ въ нее сѣмя: терніе, и не бывъ сѣяно, снова зараждается и расплоджается: (ибо послѣ преступленія сказано Адаму: *Терніе и волчцы возраститъ тебѣ земля.* Земледѣлецъ снова трудится надъ воздѣлываніемъ земли, онъ вскапываетъ терніе, а терніе опять расплоджается. Прими то въ смыслѣ духовномъ. Ибо послѣ преступленія земля сердца износитъ терніе и волчцы; человѣкъ воздѣлываетъ, трудится; но терніе злыхъ духовъ снова возраждается. Потомъ самъ Духъ Святый вспомоществуетъ немощи человѣческой, и Господь бросаетъ на землю сердца сѣмя небесное, и воздѣлываетъ ее: но и послѣ того, какъ сѣмя падетъ, волчцы и терніе выростаютъ. Снова Самъ Господь съ человѣкомъ воздѣлываетъ землю души: но и тутъ седмь злыхъ

дуковъ и терны раждаются и возраждаются, доколѣ не придетъ лѣто, доколѣ не умножится благодать, и отъ жара солнечнаго не посохнетъ терніе.

22. Ибо хотя зло и соединено съ природою, однако въ семъ случаѣ она беретъ верхъ надъ тѣмъ, которое имѣетъ въ ней свою пажить. Плевелы могутъ подавлять нѣжные стебли пшеницы; но по наступленіи лѣта, какъ скоро созрѣютъ плоды, плевелы ни мало не вредятъ пшеницѣ. Ибо естьли когда выйдетъ тридцать мѣръ чистаго хлѣба; то конечно здѣсь примѣщаются плевелы, но ихъ окажется развѣ нѣкоторая часть—осьмушка, и та засыпана множествомъ пшеницы. То же и въ дѣйствіяхъ благодати. Когда даръ Божій и благодать умножается въ человѣкѣ, и когда онъ станетъ богатѣть въ Бога; тогда зло, хотя отчасти находится въ немъ, но не можетъ вредить человѣку и не имѣетъ ни какой силы или пищи въ немъ. Ибо для того и пришествіе Господа и промыслъ, чтобы освободить порабощенныхъ, подвластныхъ и покоренныхъ злу, и содѣлать ихъ побѣди-

телями смерти и грѣха. И такъ братія не должны удивляться, естьли для освобожденія отъ зла бываютъ кѣмъ либо оскорбляемы.

23. Древле Моvсей и Ааронъ, имѣвшіе священство, много терпѣли. Каіафа же, занимая ихъ мѣсто, самъ гналъ и осуждалъ Господа: и Господь изъ уваженія къ священству попустилъ быть сему. Подобнымъ образомъ Пророки гонимы были своимъ народомъ. Въ послѣдствіи преемникомъ Моvсея былъ Петръ, которому вручена новая Церковь и истинное священство; ибо нынѣ крещеніе совершается огнемъ и духомъ, и обрѣзаніе бываетъ въ сердцѣ; потому что Божественный и небесный Духъ приходитъ въ душу. Впрочемъ и сіи еще не совершенны, доколѣ находятся въ плоти. Они безопасны по отношенію къ своей волѣ; но подвержены страху по отношенію къ плоти. По сему имъ и попускается подвергаться искушеніямъ. Душа, когда достигнетъ онаго града Святыхъ, тогда только можетъ быть безъ скорби и искушеній: ибо тамъ нѣтъ безпокойства, нѣтъ скорби, нѣтъ труда,

нѣтъ старости, нѣтъ сатаны, нѣтъ брани: но покой, радость, миръ и спасеніе. Ибо посреди ихъ Господь, который именуется Спасителемъ, потому что спасъ плѣнныхъ; именуется врачемъ, поелику подаетъ небесное и Божественное врачевство, и исцѣляетъ душевныя страсти, которыя иногда овладѣваютъ человѣкомъ. Словомъ сказать: сей Іисусъ есть Царь и Богъ, какъ напротивъ сатана—тираннъ и злой властелинъ.

24. По сему какъ Богъ со своими Ангелами хочетъ пріобщить чаловѣка къ царству своему: такъ діаволъ и ангелы его хотятъ его присвоить себѣ. Такимъ образомъ душа бываетъ среди двухъ видовъ существъ. На которую сторону склонится воля ея, къ той она и принадлежитъ, какъ чадо. Какъ какой нибудь отецъ, посылая сына своего въ чужую землю, на пути къ коей могутъ ему встрѣтиться звѣри, даетъ ему нѣкоторый цѣлебный и предохранительный составъ, дабы онъ, естьли нападутъ на него звѣри, или змѣи, давалъ имъ оный, и такимъ образомъ умерщвлялъ ихъ: подобно тому и вы всѣми силами старайтесь получить

небесный, цѣлебный и спасительный для души составъ, дабы имъ умертвить ядовитыхъ звѣрей — нечистыхъ духовъ. Нелегко стяжать чистое сердце; человѣкъ не прежде получитъ чистую совѣсть и чистое сердце, какъ послѣ долговременнаго подвига и труда вовсе искоренитъ въ себѣ зло. Даже случается, что въ иномъ есть благодать, но сердце его еще нечисто. Отъ того нѣкоторые и падали, то есть, поелику не вѣрили, что вмѣстѣ съ благодатію въ нихъ есть мракъ и грѣхъ. Всѣ праведные благоугождали Господу, шествуя до самаго конца тѣснымъ и скорбнымъ путемъ. Авраамъ, будучи богатъ въ Богѣ и въ мірѣ, называлъ себя *землею и пепломъ.* (Быт. 18, 27.) И Давидъ говоритъ: *Я поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей*; также: *Я червь, а не человѣкъ.* (Псал. 22, 7.) Подобнымъ образомъ всѣ Апостолы и Пророки находились въ уничиженіи и подвергались поношенію. Самъ Господь, который есть путь и Богъ, который пришелъ не для Самаго Себя, но для тебя, дабы быть тебѣ образомъ всякаго блага, смотри до какого дошелъ уничиженія: Богъ, сынъ Божій, Царь, Сынъ Царя,

принявши образъ раба, Самъ подаетъ цѣлительныя врачевства, и врачуетъ уязвленныхъ, Самъ по внѣшности являясь однимъ изъ уязвленныхъ.

26. Видя же Его подобнымъ намъ, униженна по внѣшности, не презри Божественнаго достоинства. Для насъ Онъ явился такимъ, а не для Самаго Себя. Вообрази, сколько Онъ былъ уничиженъ предъ всѣми въ тотъ часъ, когда кричали: *Распни, распни Его,* и когда народъ стекался къ Нему толпами. Обыкновенно между людьми бываетъ, что естьли какой нибудь злодѣй получитъ отъ судіи смертный приговоръ, то онъ всѣми презирается и уничижается: такъ и Господь во время распятія былъ презренъ Фарисеями, какъ человѣкъ, долженствующій по суду умереть. Также когда плевали на лице Его, налагали на Него терновый вѣнецъ, и заущали Его: то до какого не снизшелъ Онъ униженія? Въ Писаніи сказано: *Плещи Мои вдахъ на раны, и лица Моего не отвратихъ отъ студа заплеваній, и ланитъ Моихъ отъ заушеній.* (Иса. 50, 6.) Естьли Богъ подвергся такимъ

оскорбленіямъ, такимъ страданіямъ, и такому уничиженію; то ты, по естеству своему грязь и тлѣніе, сколько бы ни унижался, ничего не сдѣлаешь подобнаго твоему Господу. Богъ для тебя смирилъ Самаго Себя, а ты для себя самаго не смиряешься, но возносишься и надмеваешься. Онъ пришелъ подъять бремя твоихъ скорбей, и даровать тебѣ покой свой; а ты не хочешь понести трудовъ и потерпѣть, чтобы такимъ образомъ раны твои могли получить исцѣленіе. Слава снисхожденію и долготерпѣнію Его во вѣки. Аминь.

II.

СВЯТАГО ИСААКА СИРІЯНИНА

СЛОВО

Объ отреченіи отъ міра и о томъ, чтобъ не надѣяться на людей.

Когда мы рѣшимся удалиться міра и устраниться мірскаго: то ничто столько не отрѣшаетъ насъ отъ міра, не умерщвляетъ въ насъ страстей, не воскрешаетъ и не оживляетъ насъ къ дѣламъ духовнымъ, какъ сѣтованіе и сердечное болѣзнованіе съ размышленіемъ. Ибо лице робкаго чтителя подражаетъ смиренію любимаго. Напротивъ ничто столько не располагаетъ насъ обращаться въ мірѣ, съ живущими въ мірѣ и съ находящимися въ немъ пьяницами и развратными, и ничто столько не удаляетъ насъ отъ сокровищь мудрости и вѣдѣнія таинъ Божіихъ, какъ смѣхъ и мечтаніе о себѣ—соединенное съ многословіемъ. И это есть свойство демона блуда.

Поелику же я знаю любовь твою къ мудро-

сти, возлюбленный; то умоляю тебя съ любовію остерегаться сей вражеской дерзости, чтобы многорѣчіемъ не охладить тебѣ въ душѣ своей горячей любви ко Христу, который вкусилъ для тебя желчь на древѣ крестномъ; чтобы, вмѣсто сладкаго онаго размышленія и разглагольствія съ Богомъ, не занять ее многими мечтами во время самаго бодрствованія, а во время сна не подвергнуть ее нелѣпымъ сновидѣніямъ, коихъ зловонія не терпятъ Святые Ангелы Божіи; и чтобы не быть тебѣ для другихъ преткновеніемъ, а для себя самаго мучителемъ. И такъ понуждай себя подражать смиренію Христову, чтобы больше воспылалъ брошенный Имъ въ тебя огнь, которымъ искореняется всякая привязанность къ міру, убивающая новаго человѣка, и оскверняющая жилище Святаго и сильнаго Господа. Ибо я осмѣливаюсь сказать со святымъ Павломъ, что мы *храмъ Божій.* (1 Кор. 3, 16) Очистимъ же храмъ Его, какъ Онъ Самъ чистъ, дабы Онъ возжелалъ вселиться въ немъ. Освятимъ оный, какъ и Онъ Святъ, украсимъ его всѣми дѣлами благими и честными. Возкуримъ въ немъ ѳиміамъ успокое-

нія въ волѣ Его посредствомъ чистой и сердечной молитвы, которой не льзя пріобрѣсть, находясь въ связи съ непрестанными мірскими волненіями. И тогда облако славы Его осѣнитъ душу, и свѣтъ величія Его освѣтитъ внутренность сердца и исполнятся радости и веселія всѣ обитатели дома Божія. Напротивъ наглые и безстыдные отъ пламени Св. Духа изчезнутъ.

По сему непрестанно, братъ мой! порицай самаго себя, и говори: Увы мнѣ, бѣдная душа! уже близка разлука твоя съ тѣломъ. Для чего ты услаждаешься тѣмъ, что сегодни же должна оставить, и чего вѣчно не увидишь. Обращай вниманіе на то, что впереди тебя, и разсуждай о томъ, что ты сдѣлала, какія и каковы дѣла твои, съ кѣмъ провела ты дни жизни своей, кто принялъ трудъ дѣлъ твоихъ, и кого ты радовала въ борбѣ твоей, чтобы онъ вышелъ срѣтить тебя во время исхода твоего? Кого ты увеселяла въ теченіи твоемъ, дабы можно было успокоиться тебѣ въ пристанищѣ его? Для кого томила себя трудами, дабы прейти къ нему съ радостію? Какого нашла

друга въ вѣкѣ будущемъ, чтобы онъ тотчасъ принялъ тебя по исходѣ твоемъ? На какомъ полѣ работала ты, и кто будетъ отдавать тебѣ плату при закатѣ солнца, то есть, при разлученіи твоемъ?

Испытай себя, душа! и смотри, на какой землѣ участокъ твой, и естьли ты проходишь поле, приносящее горесть воздѣлывающимъ оное, то вопій и взывай со стенаніемъ и скорбію, которыя Богу пріятнѣе жертвъ и всесожженій. Да источаютъ уста твои печальные гласы, которыми увеселяются Святые Ангелы. Орошай ланиты твои слезами очей твоихъ, чтобы вселился въ тебя Духъ Святый и омылъ тебя отъ скверны пороковъ твоихъ. Умилостивляй Господа своего слезами, чтобы Онъ пришелъ къ тебѣ; призывай Марію и Маѳу, чтобы научили тебя плачевнымъ словамъ; взывай ко Господу:

Господи Іисусе Христе Боже нашъ, плакавшій о Лазарѣ и проливщій надъ нимъ слезы печали и состраданія! пріими горькія мои слезы. Твоими страданіями уврачуй мои стра-

данія; Твоими язвами изцѣли мои язвы; Твоею кровію очисти кровь мою, и пролей въ тѣло мое воню живоноснаго Твоего тѣла. Желчь, которою напоенъ Ты былъ отъ враговъ, да усладитъ мою душу въ горести, которою напоилъ меня врагъ. Тѣло Твое, вознесенное на древо крестное, да возвыситъ къ Тебѣ умъ мой, влекомый демонами долу. Глава Твоя, которую Ты преклонилъ на крестѣ, да вознесетъ главу мою, заушаемую отъ супостатовъ. Святыя Твои руки, ко кресту пригвожденныя невѣрными, да изведутъ меня къ Тебѣ изъ бездны погибели, какъ обѣщали всесвятыя Твои уста. Лице Твое, пріявшее заушенія и оплеванія отъ проклятыхъ, да просвѣтитъ лице мое, оскверненное беззаконіями. Душа Твоя, которую Ты, будучи на крестѣ, предалъ Отцу Твоему, да руководствуетъ меня къ Тебѣ благодатію Твоею. Я не имѣю сердца скорбящаго о взысканіи Тебя, не имѣю ни покаянія, ни сокрушенія, которыя вводятъ чадъ въ собственное ихъ наслѣдіе. Я не имѣю, Господи! слезъ молительныхъ. Помрачился мой умъ житейскимъ, и не можетъ воззрѣть къ Тебѣ въ горести. Охладѣло сердце мое

отъ множества искушеній, и не можетъ согрѣться слезами любви къ Тебѣ. Но Ты, Господи, Іисусе Христе Боже, сокровище благъ! даруй мнѣ покаяніе совершенное и сердце болѣзнующее, чтобы я вседушно пошелъ искать Тебя; ибо безъ Тебя отчужденъ я буду отъ всякаго блага. По сему даруй мнѣ, о Благій! благодать Твою. Отецъ, произведшій Тебя изъ собственныхъ нѣдръ, внѣ времени и въ вѣчности, да обновитъ во мнѣ черты образа Твоего. Я оставилъ Тебя, но Ты меня не оставь. Я удалился отъ Тебя, Ты изыди взыскать меня, приведи меня на пажить Твою, причти меня къ овцамъ избраннаго Твоего стада, и напитай меня съ ними злакомъ Божественныхъ Твоихъ таинъ. Чистое ихъ сердце служитъ обиталищемъ Твоимъ, и въ немъ усматривается сіяніе откровеній Твоихъ, что и составляетъ утѣшеніе и отраду тѣхъ, которые томились для Тебя въ скорбяхъ и всяческихъ мученіяхъ. Сего осіянія да сподобимся и мы благодатію и человѣколюбіемъ Тебя Спасителя нашего Іисуса Христа во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

СВ. ИСААКА СИРІЯНИНА

СЛОВО

О любви къ міру.

Истинно слово Господа, которое сказалъ Онъ: что никто не можетъ вмѣстѣ съ любовію къ міру имѣть любви къ Богу; что при сообщеніи съ міромъ не можно быть въ сообщеніи съ Богомъ, и при попеченіи о немъ не можно пещися о Богѣ. (Матѳ. 6, 24.) Когда мы оставляемъ Бога по тщеславію, или чаще по недостатку тѣлесныхъ потребностей: тогда многіе изъ насъ уклоняются въ противную сторону. Нѣкоторые обѣщаются трудиться для царствія небеснаго, но не помнятъ обѣтованія, сказаннаго Господомъ: естьли вы обратите все попеченіе ко взысканію царствія небеснаго; то Я не лишу васъ потребнаго для природы видимой, но вмѣстѣ съ прочимъ все придетъ къ вамъ; ибо Я не допущу васъ заботиться о семъ (Мат. 6, 33.). И о бездушныхъ птицахъ, для насъ созданныхъ, Онъ пе-

чется, и оставитъ ли безъ попеченія насъ? Нѣтъ, кто печется о духовномъ или о чемъ либо подобномъ, тому тѣлесное доставляется безъ его заботы, по требованію нужды и въ надлежащее время. А кто печется о тѣлесномъ болѣе, нежели должно, тотъ невольно отпадаетъ отъ Бога. Естьли мы станемъ пещися о томъ, что служитъ ко славѣ имени Господа; то и Онъ будетъ пещися о томъ и другомъ по мѣрѣ подвига нашего.

Впрочемъ, вмѣсто занятія душъ нашихъ, не будемъ искать опытовъ попеченія Божія въ тѣлесномъ; но всѣ дѣла наши будемъ обращать къ надеждѣ будущаго. Ибо кто однажды по любви къ душѣ своей посвятилъ себя добродѣтели, и возжелалъ достигнуть совершенства въ ней: тотъ не заботится уже о потребностяхъ тѣлесныхъ, есть ли онѣ или нѣтъ. Касательно сего часто Богъ искушаетъ добродѣтельныхъ, и отвсюду позволяетъ востававать на нихъ скорбямъ, и поражаетъ тѣло ихъ, такъ какъ Іова, и доводитъ ихъ до бѣдности и до того, что оставляютъ ихъ люди, и лишаетъ ихъ имѣнія

шолько къ душамъ ихъ не позволяешъ приближашься вреду. Когда пойдемъ по пуши правды; шо не льзя намъ не всшрѣшишь скорби; не льзя, чшобы шѣло не страдало ошъ болѣзней, и пребыло неизмѣннымъ, есшьли рѣшимся жишь добродѣшельно. И человѣкъ, живущій по своей волѣ, или ошъ зависши, или ошъ униженія, или ошъ чего нибудь вреднаго для него получаешъ наказаніе. Есшьли же всшупивъ на пушь правды, и въ шесшвіи своемъ къ Богу нашедши многихъ подобныхъ себѣ сподвижниковъ, онъ всшрѣшишъ нѣчшо прошивное: шо не долженъ уклоняшься съ онаго, но неуклонно съ радосшію долженъ принимашь сіе и благодаришь Бога, чшо Онъ послалъ ему шакую благодашь, и чшо удосшоился для Него впасшь въ искушеніе и участвовашь въ страданіяхъ Пророковъ и Апосшоловъ и прочихъ Свяшыхъ, подъявшихъ на семъ пуши страданія, происходили ли онѣ ошъ людей, или ошъ демоновъ, или ошъ шѣла (ибо безъ воли Божіей не могушъ онѣ придши и посшигнушь человѣка), чшобы имѣшь ему руководсшво къ правдѣ. Ибо Богъ не можешъ иначе облагодѣшельсшвовашь возжелавшаго бышь съ Нимъ,

какъ подвергая его искушеніямъ за истину. Поелику человѣкъ не можетъ самъ собою удостоиться такого величія, чтобы для полученія Божественныхъ благъ сихъ войти въ искушенія, и не можетъ имѣть радости безъ благодати Христовой. О томъ свидѣтельствуетъ Св. Павелъ. Столь важно то, чтобы подвергаться страданіямъ за упованіе на Бога, что онъ ясно называетъ сіе дарованіемъ. Ибо говоритъ: *Отъ Бога намъ даровано не только во Христа вѣровать, но и страдать за Него*; (Филип. 1, 29.) также какъ и Святый Петръ написалъ въ посланіи своемъ: *Когда вы страждете за правду, то блаженны, ибо дѣлаетесь общниками страданій Христовыхъ.* (1 Петр. 3, 15.) И такъ ты не долженъ радоваться, когда находишься въ благополучіи, а въ несчастіяхъ напротивъ не долженъ унывать, и считать оныя какъ бы чуждыми на пути къ Богу. Ибо отъ вѣка и отъ родовъ стезя къ Нему лежитъ крестомъ и смертію. Къ чему же это? Дабы тебѣ знать, что ты не на пути Божіемъ находишься, что удалился отъ онаго, и не хочешь идти по слѣдамъ Святыхъ, ежели хочешь проложить

свой особенной пушь, и безъ страданія идши по нему.

Пушь къ Богу есть ежедневный креспъ. Ибо никшо не возшелъ на небо въ покоѣ. Ибо мы знаемъ, чѣмъ кончишся пушь покойный. Ошнюдъ не хочешъ Богъ, чшобы человѣкъ, всѣмъ сердцемъ Ему предавшійся, былъ безъ забошъ; разумѣешся безъ забошы о испинѣ. Но изъ шого можно узнашь, чшо Богъ печешся о человѣкѣ, когда Онъ непресшанно посылаешъ на него печали.

Живущимъ въ искушеніяхъ Промыслъ никогда не попущаешъ впадашь въ руки демоновъ, а особенно шѣмъ, кошорые лобзающъ ноги брашій, прощающъ вины ихъ и покрывающъ оныя какъ свои собсшвенныя. Кшо хочешъ въ мірѣ семъ бышь безъ печали, и желаешъ шого; но вмѣсшѣ желаешъ и жишь добродѣшельно: шошъ далекъ ошъ пуши сего. Ибо праведные не шолько по своей волѣ подвизающся въ дѣлахъ добрыхъ, но и невольно искушеніями посшавляющся въ великихъ подвигахъ для испышанія ихъ шерпѣнія. Душа, имѣющая сшрахъ къ Богу, ничего

не боится, что можетъ вредить ея тѣлу: поелику на Него уповаетъ отъ нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

СВЯТАГО ИСААКА СИРІЯНИНА

СЛОВО

О пользѣ удаленія отъ міра.

Тягостенъ подлинно, труденъ и неудобенъ подвигъ, совершаемый среди міра. Сколько бы ни усиливался человѣкъ быть непобѣдимъ, сколько бы ни крѣпился; но когда вблизи его причины браней и сраженій: то страхъ нападаетъ на него, и онъ гораздо ближе бываетъ къ паденію, нежели при явной брани съ діаволомъ. Доколѣ человѣкъ не удалится отъ того, къ чему сердце его привязано; дотолѣ всегда врагу его есть случай возстать противъ него; и при малѣйшей дремотѣ, онъ легко погубляетъ его. Ибо когда душа будетъ задерживаться вредными встрѣчами міра, то самыя сіи встрѣчи бываютъ для нее претыканіемъ, и она какъ бы естественно побѣждается, когда съ ними встрѣтится. По сему-то древніе отцы наши, шествовавшіе сими стезями, зная, что умъ не во всякое время бываетъ

твердъ и не можетъ стоять непреклонно въ одномъ и томъ же строѣ, и имѣть надъ собою стражу, но иногда бываетъ неспособенъ усматривать вредное для себя, упражнялись въ мудрости, и какъ оружіемъ облекались бѣдностію; поелику она бываетъ свободна отъ многихъ искушеній, какъ пишется въ Писаніи (дабы такимъ образомъ посредствомъ бѣдности своей можно было избѣгнуть многихъ паденій), и уходили въ пустыню, въ которой нѣтъ предметовъ, служащихъ поводомъ къ страстямъ: дабы, естьли иногда и случится имъ ослабнуть, не имѣть причинъ къ паденію, какъ то ко гнѣву и къ похоти, къ злопамятству и тщеславію, но чтобы сіи и подобныя онымъ страсти ослабить чрезъ такое уединеніе. Тамъ они укрѣпляли себя и ограждали какъ непреоборимою твердынею, и такимъ образомъ въ состояніи были каждый изъ нихъ совершать свои подвиги въ тишинѣ. Тамъ чувства не находили средствъ содѣйствовать противоборнику нашему представленіемъ опасныхъ предметовъ. Ибо лучше намъ умереть въ борьбѣ, нежели жить въ преступленіи.

V.

СВЯТАГО ИСААКА СИРІЯНИНА

СЛОВО

О томъ, что рабу Божію, отрекшемуся отъ міра и пошедшему искать Бога, изъ опасенія того, что онъ не пришелъ еще въ познаніе истины, не должно отставать отъ сего исканія, и охладѣвать въ горячности, раждающейся отъ любви къ Божественному и въ изслѣдованіи таинъ Божіихъ. Симъ образомъ душа естественно возмущается памятію страстей.

Три степени, на которыхъ находится преспѣвающій человѣкъ: степень начинающихъ, степень средняя, и степень совершенныхъ. И что касается до находящагося на первой степени: то хотя бы сердце его стремилось къ добру; однакожъ умомъ его управляютъ еще страсти. Вторая степень занимаетъ средину между страстями и безстрастіемъ. Въ таковомъ равно дѣйствуютъ правые и неправые помыслы, и не-

престанно течетъ свѣтъ и тьма, какъ уже сказано; Ежели онъ хотя на малое время оставитъ непрестанное чтеніе Божественныхъ Писаній и занятіе Божественными размышленіями, отъ коихъ воспламеняется въ немъ ревность сообразоваться, сколько возможно, истинѣ, соединенная съ внѣшнимъ блюденіемъ себя, отъ чего происходитъ и внутреннѣйшее блюденіе и правая дѣятельность: то увлечется въ страсти. Естьли же будетъ питать естественную свою горячность тѣмъ, чѣмъ я сказалъ, и не престанетъ искать, домогаться и любить оныя издалека, хотя и не видѣлъ ихъ, но чтеніемъ Божеств. Писаній, будетъ питать мысли свои и воздерживать, дабы онѣ не наклонялись къ противному, и дабы подъ видомъ истины не принять ему какого либо сѣмени діавольскаго, и съ большею ревностію будетъ оберегать душу свою и просить Бога съ скорбною молитвою и терпѣніемъ: то Богъ исполнитъ его прошеніе и отверзетъ ему дверь свою, а особенно за смиреніе его. Ибо смиреннымъ открываются тайны. Ежели онъ умретъ въ таковой надеждѣ; то хотя бы еще и не видалъ вблизи оной земли,

я думаю, что получитъ наслѣдіе вмѣстѣ съ древними праведниками, которые надѣялись достигнуть совершенства, хотя и не видѣли онаго, по Апостольскому слову. (Евр. 11, 39) Поелику они въ надеждѣ проводили всѣ дни свои и скончались. Но что же мы скажемъ, ежели человѣкъ не успѣетъ войти въ землю обѣтованія, которая есть образъ совершенства, то есть, не успѣетъ постигнуть явственно истины, по мѣрѣ естественной способности? Ужели сіе можетъ быть для него препятствіемъ къ совершенству, и онъ остается на послѣдней степени, въ которой все стремленіе наклонено къ противному? Ужели потому, что не постигъ всей истины, онъ долженствуетъ оставаться на самой послѣдней степени, гдѣ и не знаютъ и не желаютъ сего? Или должно поставить его на среднемъ ономъ пути, о которомъ я говорилъ? Хотя бы онъ не иначе зрѣлъ оный, какъ сквозь тусклое стекло, но поелику надѣялся издалека, то по причинѣ сей надежды долженствуетъ быть поставленъ вмѣстѣ съ отцами его. Хотя онъ и не удостоился здѣсь совершенной благодати, но поелику всегда ею занимается,

всею мыслію въ ней обращается, и поелику въ продолженіи всей жизни объятъ желаніемъ ея: то онъ могъ пресѣчь злые помыслы. И въ таковой надеждѣ сердце его, будучи исполнено Бога, исходитъ изъ міра сего.

Все смиренное прекрасно. Непрестанное размышленіе ума, въ стремленіи къ Богу, будучи отрѣшаемо отъ чувственнаго и управляемо чтеніемъ Божественныхъ Писаній, ограждаетъ душу внутренно отъ предстоящихъ злыхъ помысловъ и содержитъ мысль въ памятованіи о будущихъ благахъ, дабы душа не разслабѣла отъ нерадѣнія о себѣ, и вмѣсто добра не стала бы заниматься воспоминаніемъ о мірскихъ предметахъ. Поелику отъ сего мало по малу хладѣетъ горячность удивительныхъ возбужденій ея, и она впадаетъ въ суетныя и безразсудныя пожеланія. Богу нашему да будетъ слава.

VI.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ПРЕДАВАТЬ АНАѲЕМѢ НИ ЖИВЫХЪ, НИ МЕРТВЫХЪ.

Прежде сего разсуждая съ вами о непостижимости существа Божія, въ многократныхъ бесѣдахъ я доказывалъ вамъ какъ словами Писанія, такъ и разсужденіями естественнаго разума, что и самыя невидимыя силы не могутъ совершенно постигнуть Бога,—тѣ силы, которыя провождаютъ безплотную и блаженную жизнь, тогда какъ мы, во всякой нѣгѣ и разсѣянности живущіе, и всѣмъ порокамъ предавшіеся, стремимся увѣдать то, что и для невидимыхъ существъ остается вовсе невѣдомымъ. Въ столь важномъ дѣлѣ имѣя руководителями сужденія собственнаго разума, и сію суетную отъ человѣковъ славу, не назначая благоразуміемъ надлежащихъ границъ природѣ своей, не слѣдуя Божественному Писанію и Отцамъ, но увлекаясь, какъ бурнымъ стрем-

леніемъ потока, суемудріемъ ума своего, мы необходимо впадаемъ въ такую погрѣшность. Но теперь, предложивъ вамъ слово, какое прилично и объ анаѳемѣ, и показавъ важность сего ни во что вмѣняемаго грѣха, обуздаемъ симъ неукротимыя уста, открывъ предъ вами болѣзнь небрегущихъ о таковомъ злѣ людей. Такъ бѣдственно состояніе наше, что, страдая самою опасною грѣховною болѣзнію, не знаемъ того, что мы не побѣждаемъ и злѣйшихъ страстей, такъ что исполнилось надъ нами Пророческое слово: *Нѣсть пластыря приложити, ниже елея, ниже обязанія.* Иса. 1, 6. Съ чего же начну слово мое, дабы истребить сіе зло? Представлю ли учрежденіе заповѣдей Господнихъ, или безумное невѣжество и безчувствіе ваше? Но когда я буду говорить о семъ, то не станутъ ли нѣкоторые смѣяться надо мною, и я не покажусь ли изступленнымъ? Не возопіютъ ли противъ меня за то, что я избираю для слова такой печальный и плача достойный предметъ? Что буду дѣлать? Скорблю и сокрушаюсь духомъ, и раздираюсь утробою, видя такую нечувствительность: поелику грѣхи наши

превышают и преступленія Іудеевъ, и нечестіе язычниковъ. Входя, я вижу людей, не научившихся изъ Божественнаго Писанія здравому разсужденію, ни мало несвѣдущихъ въ самомъ Писаніи, и покрываясь великимъ стыдомъ молчу, видя людей бѣснующихся, пустословящихъ, *не разумѣющихъ ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ,* 1 Тим. 1, 7.—дерзающихъ вводить сіе одно несмысленное ученіе, и предавать анаѳемѣ то, чего не понимають, такъ что и чуждые вѣрѣ нашей могутъ смѣяться надъ нами, что мы не заботимся о доброй жизни, и не научились дѣлать добро.

О горе, о лютое горе! *Сколько праведниковъ и Пророковъ желали видѣть, что мы видимъ, и не видѣли; и слышать, что мы слышимъ, и не слышали;* Матѳ. 13, 17. а мы обращаемъ то въ шутку! — Внимайте слышанному, прошу васъ, дабы когда нибудь не забыть. Естьли чрезъ Ангеловъ возвѣщенное Слово пребыло ненарушимымъ, и всякое преступленіе и преслушаніе получило достойное мздовоздаяніе; то мы, о толикомъ нерадѣвшіе спасеніи, какъ избѣжимъ

онаго? Скажи, какая цѣль Евангелія благодати? Для того ли Сынъ Божій воплотился, чтобы мы другъ друга угрызали и снѣдали? Нѣтъ! Заповѣди Христовы, будучи вездѣ совершеннѣе повелѣній Закона, требуютъ отъ насъ и большей любви. Въ Законѣ говорится: *Возлюбити искренняго твоего, яко самъ себе*: въ Евангеліи велѣно и умереть за ближняго. Слушай, что говоритъ Самъ Христосъ: *Человѣкъ нѣкій схождаше отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде, иже совлекше его, и язвы возложше, отидоша, оставльше едва жива. По случаю же священникъ нѣкій схождаше путемъ тѣмъ: и видѣвъ его, мимоиде. Такожде и Левитъ, бывъ на томъ мѣстѣ, и видѣвъ, мимоиде. Самарянинъ же нѣкто, пріиде на то мѣсто, и видѣвъ его, милосердова. И приступль обвяза струпы его, возливая масло и віно: всадивъ же его на свой скотъ, приведе въ гостинницу, и прилѣжа ему. И наутрія изшедъ изъемъ два сребреника, даде гостиннику, и рече: прилѣжи ему: и, еже аще пріиждивеши, егда возвращуся, воздамъ ти. Кто убо отъ тріехъ ближній мниттися быти впадшему въ разбойники;*

*

онъ же рече: сотворивый съ нимъ милость. *Рече же ему Іисусъ: иди, и ты твори такожде.* Лук. 10, 30 — 37. О чудо! не Священника, не Левита назвалъ ближнимъ, но сего нарочито отверженнаго отъ Іудеевъ, Самарянина, говорю,—чуждаго, ругателя святыни, сего одного назвалъ ближнимъ, поелику у него обрѣтена милость. Это сказалъ Сынъ Божій, это и Самъ Онъ исполнилъ, когда пришелъ въ міръ, принявъ смерть не за друзей только и близкихъ къ Себѣ, но за враговъ, за тирановъ, за чародѣевъ, за ненавидѣвшихъ, за распинавшихъ Его, о которыхъ Онъ прежде сотворенія міра зналъ, что они будутъ таковыми, и которыхъ, не смотря на то, что предузналъ, сотворилъ, побѣдивъ предвѣдѣніе благостію: за нихъ излілялъ кровь Свою, за нихъ смерти предалъ Себя. *Хлѣбъ,* говоритъ Онъ, *плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра.* Іоа. 6, 51. И Павелъ пишетъ въ Посланіи: *Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его.* Рим. 5, 10. Также и въ Посланіи къ Евреямъ сказалъ, что Онъ *за всѣхъ вкусилъ смерть.* Евр. 2, 9. По сему естьли Онъ показалъ такую любовь, и Церковь обра-

зуешъ оную, каждый день принося моленія за всѣхъ; що какъ шы дерзаешь шакъ говоришь?—Ибо скажи мнѣ, чшо значишъ сія анаѳема, кошорую шы произносишь? Вникни въ слово, разсуди, чшо шы говоришь,—понимаешь ли силу ея? Въ Богодухновенномъ Писаніи найдешь сіе слово произнесеннымъ объ Іерихонѣ: *И проклянеши весь градъ Господу Богу твоему.* Іис. Нав. 6, 16. И у насъ до сего времени во всеобщемъ обыкновеніи говоришь: шакой що, на примѣръ, сдѣлавъ що—що, шѣмъ самымъ принесъ анаѳему. Эшо ли значишъ анаѳема? Но здѣсь слово сіе имѣешъ хорошее упошребленіе, и означаешъ посвященіе Богу. Чшо же значишъ анаѳема въ швоихъ усшахъ, есшьли не що: да будешъ онъ жершва діавола, да не будешъ ему никогда спасенія, будь онъ ошверженъ ошъ Хрисша!—

Но кшо шы, и ошкуда взялъ шакую власшь и силу? Ибо шогда сядешъ Сынъ Божій, и поставишъ овцы одесную, а козлища ошуюю. За чѣмъ восхишилъ честь, кошорая принадлежишъ шолько лику Aпосшоловъ, и исшинно ревносшнымъ ихъ преемникамъ, исполнен-

нымъ духа и силы? Да и они, строго соблюдая сію заповѣдь, съ такимъ чувствомъ изгоняли изъ Церкви еретиковъ, какъ будто бы выкалывали у себя правое око, что показываетъ ихъ великое состраданіе и сокрушеніе, какъ бы при отнятіи нездороваго члена. Почему Христосъ и назвалъ таковаго правымъ окомъ, означая сожалѣніе извергавшихъ. Будучи бдительны, какъ во всемъ другомъ, такъ и въ семъ случаѣ, они обличали и отвергали ереси, но ни одного еретика не подвергли такому наказанію. И Апостолъ въ двухъ только мѣстахъ, и то, кажется, по нуждѣ, употребилъ сіе слово, впрочемъ не прилагаетъ его къ извѣстному лицу, когда, въ Посланіи къ Коринѳянамъ, говоритъ: *Аще кто не любитъ Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ проклятъ.* 1 Кор. 16, 21. И въ другомъ мѣстѣ: *Аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ.* Гал. 1, 9. Почему же, когда никто изъ получившихъ власть не сдѣлалъ того, и не осмѣлился учинить такого приговора, ты осмѣливаешься дѣлать то, учиняя противное смерти Господа, и предваряя судъ Царя? Хотите ли знать,

что сказалъ одинъ, жившій прежде насъ Святый мужъ, преемникъ Апостоловъ, который и мученичества удостоился? Дабы показать важность сего слова, такой употребилъ примѣръ: „Какъ облекшій себя въ царскую багряницу, простый гражданинъ, самъ и его сообщники, какъ тираны, предаются смерти: такъ, говоритъ онъ, и злоупотребляющіе опредѣленіемъ Господа и отлучающіе человѣка отъ Церкви ввергаютъ себя въ совершенную погибель, похищая достоинство Сына.“ Или вы почитаете за ничто прежде времени и Судіи произнести на кого нибудь такое осужденіе? Ибо анаѳема вовсе отлучаетъ отъ Христа. Но что говорятъ сіи, скорые на всякое зло?—„Онъ еретикъ, имѣетъ въ себѣ діавола, лжетъ на Бога, и многихъ коварными убѣжденіями и суетною лестію ввергаетъ въ бездну погибели. По сему отверженъ Отцами, особенно его учитель, произведшій раздѣленіе въ Церкви,—“ разумѣя Павліана или Аполлинарія. Но Слово Божіе весьма прилично умалчиваетъ о частныхъ спорахъ, не выставляя новостей, которыя вводили многіе, но обличая заблужденіе и сильно укоренившіяся въ душѣ лож-

ныя мнѣнія. Учи *съ кротостію наказуя противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины: и возникнутъ отъ діавольскія сѣти, живи уловлени въ его волю.* 2 Тим. 2, 25. 26. Раскинь мрежу любви, дабы поврежденное не погибло, но лучше исцѣлилось. Покажи, что ты отъ великаго расположенія хочешь собственное благо сдѣлать общимъ. Закинь сладкую уду состраданія, и такимъ образомъ испытавъ сокровенное, извлеки изъ бездны погибели погрязшаго въ ней умомъ. Научи, что принимаемое по предразсужденію или невѣдѣнію за справедливое, несогласно съ преданіемъ Апостольскимъ. И естьли послушаетъ тебя человѣкъ заблуждающій, то, по слову Пророка, онъ будетъ жить, и ты избавишь душу свою. Естьли же не послушаетъ, но пребудетъ упорнымъ, то дабы тебѣ не остаться виновнымъ, обличи его предъ свидѣтелями, только съ терпѣніемъ и кротостію, чтобы Судія не взыскалъ души его отъ руки твоей,—не злобясь, не отвращаясь, не преслѣдуя, но изъявляя ему чистосердечную и искреннюю любовь. Ее стяжи, и естьли другой не получишь пользы,—и это

великая польза, и это великое стяжаніе, что ты любишь, и наставляешь въ ученіи Христовомъ! *О семъ*, говоритъ, *разумѣютъ, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.* Іоа. 13, 35. Не будь любви, тогда ни познаніе таинъ Божіихъ, ни вѣра, ни пророчество, ни убожество, ни мученичество за Христа не принесутъ пользы, какъ увѣряетъ Апостолъ: *Аще имамъ тайны вся, и весь разумъ, и вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, никая польза ми есть. И аще языками Ангельскими глаголю, и аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сожещи е, любве же не имамъ, ничто же есмь. Любы милосердствуетъ, не гордится, не ищетъ своихъ си, вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ.* 1 Кор. 13.

Никто изъ васъ, возлюбленные, не показалъ такой любви ко Христу, какъ святая оная душа. Никто изъ человѣковъ кромѣ его не дерзнулъ произнести такихъ словъ. Сама душа его горѣла, когда онъ говорилъ: *Исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во*

плоти моей. Кол. 1, 24. Еще: *Молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей*. Рим. 9, 3. И: *Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* 2 Кор. 11, 29. Имѣя такую любовъ ко Христу, онъ никого не огорчилъ, никому не причинилъ насилія, никого не предалъ анаѳемѣ. Иначе не привлекъ бы ко Христу толикіе народы и цѣлые города, но совершилъ то, смиряясь, претерпѣвая удары, заушенія, посмѣяніе отъ всѣхъ, снисходя, прося, умоляя. Такъ когда онъ пришелъ къ Аѳинянамъ, и нашелъ всѣхъ ихъ преданныхъ идолопоклонству, то не сталъ укорять ихъ, говоря: безбожники вы и великіе нечестивцы!—Не сказалъ: вы все почитаете за Бога, одного только Бога отвергаете, Владыку и Творца всѣхъ. Но чтоже? *Проходя*, говоритъ онъ, *и соглядая святыни ваша, обрѣтохъ и капище, на немже бѣ написано: невѣдомому Богу. Его же убо невѣдуще чтите, сего азъ проповѣдую вамъ*. Дѣя. 17, 23.—О чудо! о отеческое сердце! Назвалъ богочтительными Еллиновъ—идолопоклонниковъ, нечестивыхъ. Почему? Поелику они какъ благочестивые совершали свое служеніе, думая, что они

чтутъ Бога, такъ какъ были увѣрены въ томъ. Молю васъ, а вмѣстѣ съ вами и самаго себя, подражать сему. Ибо естьли Господь, провидящій расположеніе каждаго, и знающій, каковъ будетъ всякой изъ насъ, все то устроилъ на тотъ конецъ, чтобы въ полной мѣрѣ показать величіе даровъ Своихъ, и не смотря на то, что устроилъ не для злыхъ, удостоилъ ихъ всѣхъ благъ, желая, чтобы всѣ были подражателями Ему; почему же ты дѣлаешь вопреки сему,—ты, который приходишь въ церковь, и совершаешь жертву Сына Божія? Или не знаете, что Онъ *трости сокрушены не преломилъ и льна курящася не угасилъ*? Иса. 42, 3. Что это значитъ? Слушай. То, что Іуду и подобныхъ ему во время паденія не отвергнулъ, доколѣ каждый, влекомый своею волею, предавался заблужденію. Не за невѣдѣнія ли народа мы приносимъ моленія? Не велѣно ли намъ молиться за враговъ, ненавидящихъ и гонящихъ? Вотъ мы совершаемъ служеніе, вотъ мы умоляемъ васъ. Санъ не на то дается, чтобы дѣйствовать властію, возвышаться, повелѣвать. Всѣ получили одного Духа, всѣ призваны въ усыно-

вленіе. Которыхъ Отецъ оправдалъ, тѣ должны служить братіямъ своимъ и во власти, по волѣ Его. И такъ исполняя служеніе наше, умоляемъ васъ и заклинаемъ отстать отъ такого зла. Ибо тотъ, кого ты предаешь анаѳемѣ, или живетъ, пребывая на землѣ, или уже умеръ. Естьли живетъ, ты дѣлаешь худо, отлучая его, когда еще онъ можетъ исправиться, и обратиться отъ зла къ добру. А естьли умеръ, то тѣмъ болѣе. Почему? Потому что онъ своему Господу стоитъ или падаетъ, не находясь болѣе подъ властію человѣческою. Что сокрыто, на то опасно давать судъ свой; поелику одинъ Судія вѣчный знаетъ и мѣру познанія и количество вѣры. Почему мы знаемъ, прошу сказать мнѣ, какъ онъ будетъ обвинять или оправдывать себя въ тотъ день, когда Богъ будетъ судить сокровенное человѣковъ? Поистинѣ *неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его. Ктобо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть*? Иса. 40, 13. Можетъ быть никто изъ насъ не думаетъ, возлюбленные, что онъ удостоенъ крещенія; никто не знаетъ, что будетъ нѣкогда судъ. Что я говорю—

судъ? О самой смерти и исходѣ изъ тѣла не помышляемъ, ослѣпившись земными предметами. Отстаньте, прошу васъ, отъ сего грѣха. Вотъ я говорю и свидѣтельствуюсь предъ Богомъ и избранными Ангелами, что въ день суда онъ будетъ причиною великаго наказанія, и возжетъ огнь нестерпимый. Ибо естьли во образѣ дѣвъ—людей, сіяющихъ свѣтлою вѣрою и жизнію, зрящій дѣла ихъ Господь всѣхъ, отвергнулъ отъ чертога, за недостатокъ милосердія; то какъ мы живущіе въ совершенной безпечности, и немилосердо поступающіе съ единоплеменниками своими, удостоимся спасенія? По сему прошу васъ не опустить безъ вниманія словъ сихъ.—Еретическое ученіе, несогласное съ принятымъ нами, должно проклинать, и нечестивыя догматы обличать, но людей надлежитъ какъ можно щадить, и молиться о ихъ спасеніи. О естьли бы всѣ мы, имѣя къ Богу и ближнему любовь, и сохраняя заповѣди Господни, удостоились встрѣтить небеснаго Жениха съ милосердіемъ и горящими свѣтильниками въ день воскресенія, представляя Ему многихъ во славѣ избавленныхъ состраданіемъ нашимъ, благода-

тію и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Божія, съ которымъ слава Отцу, и Святому Духу, нынѣ и всегда и во вѣки. Аминь.

VII.

НРАВЫ ХРИСТІАНЪ.

1. Іерусалимская Церковь.

Намѣреваясь описывашь нравы Христіанъ, мы во первыхъ обращаемся къ шѣмъ изъ нихъ, кои слышали ученіе ошъ самихъ Апосшоловъ, и находились подъ ихъ смошрѣніемъ,—къ Іерусалимской Церкви, кошорую Іисусъ Хрисшосъ собсшвенными руками заложилъ на основаніи Синагоги, и кошорая была не шолько образцемъ, но и машерію всѣхъ прочихъ Церквей. Посмошримъ, какъ Св. Писаніе изображаешъ намъ сихъ первенсшвующихъ Христіанъ. *Бяху терпяще во ученіи Апостолъ и во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ.* Дѣян. 2, 42. И пошомъ: *Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ, и имяху вся обща. И стяжанія и имѣнія продаяху и раздаяху всѣмъ, егоже аще кто требоваше. По вся же дни терпяще единодушно въ церкви, и ломяще по домомъ хлѣбъ, пріимаху пищу въ радости и въ простотѣ сердца, хваляще Бога и имуще благодать у*

всѣхъ людей. Дѣян. 2, 44—47. И въ другомъ мѣстѣ: *Народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина: и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща.* Дѣян. 4, 32. *Не бяше нищь ни единъ въ нихъ: елицы бо господіе селомъ, или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ, и полагаху при ногахъ Апостолъ: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше.* 34. 35. И еще въ другомъ мѣстѣ: *Руками же Апостольскими быша знаменія и чудеса въ людехъ многа: и бяху единодушно вси въ притворѣ Соломони. Отъ прочихъ же никтоже смѣяше прилѣплятися имъ, но величаху ихъ людіе. Паче же прилагахуся вѣрующіи Господеви, множество мужей и женъ.* Дѣян. 5, 12. 13. 14.

Здѣсь Христіанамъ приписывается ученіе, молитва, причащеніе Святымъ Тайнамъ, единомысліе, общительность, благодушіе внутреннее, почтеніе, слава и любовь со стороны народа. Церковь Іерусалимская состояла изъ людей всякаго пола, возраста и званія, и въ краткое время сдѣлалась весьма многочисленною. Извѣстно, что три тысячи душъ об-

ратилось при первой проповѣди Св. Петра и пять тысячь при второй; не разъ упоминается, что число вѣрующихъ возрастало со дня на день: а Св. Іаковъ (Дѣян. 21, 20.) удостовѣряетъ, что оныхъ было нѣсколько темъ. Большая часть изъ нихъ вела брачную жизнь; жили они отдѣльно другъ отъ друга, ибо представляются *ломящими по домомъ хлѣбъ*, (Дѣян. 2, 46.) т. е. благословляющими и раздѣляющими между собою Святое Причастіе. При всемъ томъ жили на общемъ иждивеніи, обращая всѣ свои имущества въ деньги, кои Апостолы, а въ послѣдствіи семь Діаконовъ раздавали каждому, смотря по его нуждамъ, съ такою вѣрностію и благоразуміемъ, что между ими вовсе не было бѣдныхъ.

И такъ вотъ разительный и совершенный примѣръ того равенства въ стяжаніяхъ, и той общительности, въ коихъ древніе Законодатели и Философы полагали вѣрнѣйшія средства содѣлать людей счастливыми, хотя не могли привести оныхъ въ исполненіе. Всѣ они ясно видѣли, что для составленія совершеннаго общества надле-

жало изгнать изъ онаго частныя выгоды, препятствующія духу любви; но ихъ усилія привлечь къ тому людей, и способы, ихъ въ томъ удостовѣрить, оставались безъ успѣха. Для сего нужна была благодать Іисуса Христа, которая одна можетъ претворить сердца и исправить поврежденное естество человѣка.

Главною причиною общительности между Іерусалимскими Христіанами была любовь, дѣлавшая ихъ всѣхъ братьями и соединявшая какъ бы въ единое семейство, гдѣ всѣ дѣти пользуются однѣми благами, подъ надзоромъ отца, который, питая ко всѣмъ равную любовь, не допускаетъ, чтобы они терпѣли нужду. Они всегда имѣли предъ глазами заповѣдь о взаимной любви, которую Іисусъ Христосъ повторялъ столько разъ, особливо въ навечеріи своего страданія, когда Онъ изрекъ даже, что по сей любви должно будетъ распознавать Его учениковъ. Іоа. 13, 35. Спаситель заповѣдалъ ученикамъ своимъ отреченіе отъ всякой собственности. Они хотѣли выполнить сіе повелѣніе не только въ расположеніи сердца, но и на

самомъ дѣлѣ, послѣдуя совѣту: *Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и гряди въ слѣдъ Мене.* Матѳ. 19, 21. Ибо гораздо легче не привязываться къ тому, отъ чего мы рѣшительно уже отказались, нежели къ тому, чѣмъ мы еще обладаемъ. Притомъ же имъ извѣстно было предсказаніе Спасителя о разрушеніи Іерусалима и самое время для сего Имъ назначенное, именно прежде, нежели *мимо идетъ родъ сей.* (Матѳ. 24, 34.) По сему они ничего не хотѣли имѣть, что бы ихъ привязывало къ сему несчастному городу, и къ сей землѣ, которая долженствовала обратиться въ пустыню.

Такимъ образомъ въ первой Іерусалимской Церкви мы видимъ чрезвычайный примѣръ общительности между всѣми вѣрными. Св. Златоустъ, столь долго спустя послѣ сего, не сомнѣвался еще предлагать сей образъ жизни, какъ примѣръ достойный подражанія, и какъ средство къ обращенію всѣхъ невѣрныхъ *). Весьма вѣроятно, что каждый изъ Христіанъ Іерусалимскихъ занимался ка-

*) Злат. Бесѣда 11 на Ап. Дѣянія.

кимъ нибудь рукодѣліемъ, по примѣру Іисуса Христа и Апостоловъ: ибо, кромѣ того, что сіе служило надежнымъ средствомъ къ восполненію издержекъ, мы не можемъ придумать лучшаго и благороднѣйшаго для нихъ занятія.

Сказано, что вѣрующіе пребывали въ ученіи Апостоловъ, т. е. постоянно занимались наукою спасенія, то слушая Апостоловъ, кои бесѣдовали къ нимъ всенародно и наединѣ, и сообщали все слышанное ими отъ Господа, то читая Св. Писаніе и объясняя въ немъ однѣ мѣста другими. Сказано, что они пребывали въ молитвѣ, и каждый день ходили въ Храмъ для собранія въ притворѣ Соломоновомъ и для единодушнаго тамъ молитвословія. Примѣръ Св. Петра и Св. Іоанна, шедшихъ въ Храмъ на молитву въ девятомъ часу, (Дѣян. 3, 1.) заставляетъ думать, что они тогда соблюдали тѣ же часы молитвъ, какіе Церковь соблюдаетъ донынѣ. Вообще по наружности они жили, подобно прочимъ Іудеямъ, исполняя всѣ обряды Закона и принося даже жертвы, (Дѣян. 21, 26.) что продолжалось ими до паденія

Храма; и сіе-то, на языкѣ Отцевъ, значило съ честію погребсти Синагогу.

Послѣ молитвы Писаніе замѣчаетъ преломленіе хлѣба, подъ коимъ здѣсь, подобно какъ и въ другихъ мѣстахъ новаго Завѣта, разумѣется Евхаристія. Таинство сіе совершалось не въ Храмѣ, гдѣ Христіане, въ смѣшеніи съ Іудеями, не имѣли для сего свободы, но въ частныхъ домахъ, въ присутствіи однихъ вѣрныхъ; и заключалось, подобно жертвамъ мира, пиршествомъ, коего употребленіе долгое время сохранялось между Христіанами подъ именемъ ἀγάπη, означающимъ любовь. Сказано, что они принимали пищу съ веселіемъ и въ простотѣ сердца. Подлинно всѣ вѣрующіе въ сіе время были настоящіе дѣти по своему смиренію, невинности и безкорыстію. Оставляя блага и надежды мірскія, они отдаляли отъ себя причину житейскихъ заботъ и печалей, и занимались единственно ожиданіемъ Царствія Христова, которое почитали къ себѣ весьма близкимъ. Послѣ сего, естьли мы не можемъ безъ удивленія читать краткаго повѣствованія, оставленнаго намъ Писа-

ніемъ о сей первенствующей Церкви; то нѣтъ ничего удивительнаго, что она находилась въ такой любви и почтеніи у тѣхъ, кои были ея очевидцами. Она существовала въ Іерусалимѣ, въ продолженіи почти сорока лѣтъ, подъ смотрѣніемъ Апостоловъ и преимущественно Св. Іакова, своего Епископа, до того времени, какъ вѣрные, видя приближающуюся казнь сего несчастнаго города, сообразно съ предсказаніями Спасителя, (Матѳ. 24, 15.) отдѣлились отъ невѣрныхъ Іудеевъ и удалились въ небольшой городъ Пеллу, гдѣ и пробыли благополучно во время Іерусалимской осады *).

Впрочемъ окончательный, какъ выражаются Отцы, разводъ Церкви Христіанской съ Іудейскою послѣдовалъ уже за окончательнымъ разореніемъ Іерусалима, случившемся при Императорѣ Адріанѣ: ибо до сего времени, какъ видно изъ Исторіи, Іерусалимская Церковь имѣла Епископовъ обрѣзанныхъ и родомъ Іудеевъ **),—обстоятельство, которое побуждаетъ думать, что

*) Евс. III. Ист. гл. 3. Епиф. Ерес. 7 и 20.
**) Евс. IV. Ист. гл. 5. Север. Сулп. Кн. 2.

и большая часть ихъ паствы состояла также изъ Іудеевъ и соблюдала законные обряды. Но съ сихъ поръ мы не примѣчаемъ тамъ болѣе Христіанъ Іудействующихъ по той причинѣ, что Іудеямъ запрещено было жить въ новомъ городѣ Еліи, выстроенномъ на мѣстѣ Іерусалима *). Тѣ изъ нихъ, кои, вышедъ изъ Іерусалима, продолжали держаться Іудейства, уже почитаемы были Еретиками.

2. Состояніе язычниковъ до ихъ обращенія.

Между тѣмъ возникали повсюду другія Церкви, состоящія изъ Іудеевъ и язычниковъ, которыя, подобно Церкви Іерусалимской, казались чудомъ добродѣтелей и святости, смотря по тому состоянію, въ коемъ находились язычники до ихъ обращенія.

Незнающіе Исторіи полагають, будто люди, жившіе за 18 столѣтій, были гораздо проще, невиннѣе и сговорчивѣе, нежели нынѣ, основываясь на томъ, что міръ, какъ

*) Евс. IV. Ист. гл. 6.

говорятъ, часъ отъ часу болѣе портится, и что мы замѣчаемъ даже въ нашихъ предкахъ чуждыя намъ черты откровенности и простодушія. Но тѣ, кои со вниманіемъ читали книги, перешедшія къ намъ отъ Грековъ и Римлянъ, усматриваютъ совершенно противное. Проповѣдь Евангелія къ язычникамъ началась въ царствованіе Клавдія и Нерона. Любопытствующій знать, каковъ былъ дворъ при сихъ Императорахъ, и какіе пороки въ немъ господствовали, можетъ найти разрѣшеніе у Тацита. Изображеніе нравовъ того же самаго вѣка находится у Горація, Ювенала, Марціала и Петронія. О безстудствахъ, какими наполнены ихъ писанія, тогда говорили и писали публично, поелику оныя и совершались открыто; кажется, что Провидѣніе сберегло всѣ сіи книги, во многихъ отношеніяхъ впрочемъ вредныя, дабы показать намъ, изъ какой бездны развращенія Іисусъ Христосъ извлекъ родъ человѣческій. Описаніе тѣхъ же пороковъ можно видѣть въ Светоніѣ, въ писателяхъ Исторіи Августа, описывающихъ два послѣдующіе вѣка, въ Лукіанѣ, въ Апулеѣ, въ Аѳинеѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ писателяхъ,

кои сколько нибудь касаются нравовъ. И Отцы Церкви считали нужнымъ, говорить о семъ съ довольною подробностію, какъ то сдѣлали между прочими Бл. Августинъ, Тертулліанъ и Климентъ Александрійскій; послѣ чего не должно дивиться тому ужасному изчисленію пороковъ, которое дѣлаетъ Св. Павелъ въ началѣ своего посланія къ Римлянамъ. (Рим. 1, 29. 30. 31.)

Поврежденіе нравовъ перешло въ Римъ изъ Греціи, Египта и Антіохіи. Стóитъ только бросить взоръ на Аристофана, дабы видѣть, до какой степени доходило въ его время развращеніе Грековъ. Но и послѣ они не сдѣлались лучше; ибо по завоеваніи Александровомъ роскошь и нѣга между ими взошли до крайней степени. Исторія Царей Македонскихъ, Египетскихъ, Сирійскихъ представляетъ безчисленные примѣры всякаго рода беззаконій и неслыханныхъ мерзостей. Кому не извѣстно, въ какой молвѣ была Александрія, Антіохія и Коринѳъ? Кому не извѣстно, сколько славились по своей роскоши и изнѣженности города Іоніи и Малой Азіи? И среди сего-то растлѣнія нра-

ковъ Христіанство получило свое начало; въ сихъ-то самыхъ городахъ основались первыя знаменитѣйшія Церкви. Въ Римской Имперіи развращеніе было не только всеобщее, но даже публичное, явное, поддерживаемое и освящаемое Религіею. Свѣдущіе въ Исторіи знаютъ, въ чемъ состояли у Римлянъ обряды Бахуса и Цибелы. Повсюду разставлены были Венера, Адонисъ, Ганимедъ и всѣ превращенія Юпитера. Не было сада, въ которомъ бы не находилась статуя какого либо смѣшнаго божка, въ немъ предсѣдательствующаго. У женщинъ любимыя пѣсни были тѣ, въ коихъ воспѣвались любовныя связи боговъ, какъ то можно видѣть у Виргилія и Овидія; а на зрѣлищахъ большею частію представлялись или безчинства, или жестокости.

Обыкновенною забавою Римской черни было смотрѣть на людей, одинъ другаго убивающихъ, или растерзываемыхъ звѣрями. Каждый день осуждали на казнь невольниковъ по самымъ пустымъ предлогамъ, и заставляли ихъ терпѣть жесточайшія мученія. Областные начальники часто поступали

безчеловѣчно съ тѣми, которые были не Римляне. Императоры предавали смерти, кого хотѣли, безъ всякаго судопроизводства; откуда происходитъ то, что злые Государи пролили столько крови даже благороднѣйшихъ Римлянъ. Кромѣ того корыстолюбіе не уступало безчеловѣчію; во все вмѣшивались обманы, вѣроломства, пронырства, клеветы, насильства и притѣсненія. Однѣхъ рѣчей Цицерона достаточно, дабы увѣриться въ томъ. Ежели Верресъ, во время Республики, совершилъ столько злодѣяній въ три года, управляя одною областію: то что долженствовали совершить, въ царствованіе Калигулы и Нерона, областные начальники, не боявшіеся судебнаго тязанія, уполномоченные примѣромъ Государя. И чего дѣйствительно не совершили Албинъ и Флоръ въ Іудеѣ, а Флаккъ въ Александріи?

Таковы-то были до своего обращенія Христіане. Разъ омывшись и освятившись, (1 Кор. 6, 11.) они дѣлались другими людьми, нимало не похожими на то, чѣмъ были прежде. Впрочемъ, не должно скрывать и до-

брыхъ расположенiй, коими отличались многiе изъ Грековъ и Римлянъ.

Во первыхъ они были весьма образованны; а образованность уже предполагаетъ многiя хорошiя качества, кои можно назвать наружными добродѣтелями. Таковы степенность, снисходительность и ласковость въ обращенiи, вѣжливость, расторопность, почтительность, доброжелательство, всегдашнее старанiе о благоприличiи, преимущественно уважаемое Греками. Все сiе можно имѣть, не бывши истинно добродѣтельнымъ, равно какъ и не имѣть, не бывши злымъ и порочнымъ; но добродѣтель не совершенна безъ сей наружности, которая придаетъ ей гораздо бóльшую прелесть и привлекательность. Кромѣ того были между Греками многiе истинные Философы, т. е. такiе люди, кои съ добрымъ намѣренiемъ и при всѣхъ усилiяхъ своего разума искали средствъ, могущихъ содѣлать людей счастливыми, и которые исключительно занимались тѣмъ, чтобы познать истину и жить добродѣтельно, отказываясь для сего занятiя отъ всѣхъ прочихъ дѣлъ и заботъ, и

не жалѣя на сіе ни издержекъ, ни трудовъ, ни времени, употребляемаго на путешествія. Что касается до Римлянъ, то и въ нихъ, не смотря на общее поврежденіе, оставались еще нѣкоторые слѣды великодушія, постоянства и прочихъ добродѣтелей, коими толико славились ихъ предки.

Благодать Евангелія, нисходя на сіи добрыя расположенія природы, не могла не произвести великихъ дѣйствій. Корнилій, первый изъ язычниковъ, удостоившійся принять сію благодать, былъ сотникъ Римскій. Примѣры мужества свойственнаго Римлянамъ представляютъ намъ многіе знаменитые Мученики, какъ то Св. Лаврентій, Св. Винкентій, Св. Севастіанъ, и многіе славные Епископы, какъ то Св. Купріанъ, Св. Амвросій, Св. Левъ. Примѣры важности, свойственной Греческимъ Философамъ, можно находить въ дѣяніяхъ Св. Поликарпа, въ твореніяхъ Св. Іустина и Св. Климента Александрійскаго, въ коихъ кромѣ того видна глубокая ученость и тонкая вѣжливость. Христіанское смиреніе, смягчивъ жестокость Римлянъ и гордость Философовъ,

содѣлало ихъ истинно мудрыми; послѣ того, какъ Вѣра указала имъ цѣль, къ которой они должны стремиться, ничто другое не привлекало болѣе ихъ взора. Хотя они были весьма учены и образованны; но по премѣненіи нравовъ дѣлались столько скромными и простодушными, что казались совершенно чуждыми просвѣщенія.

Такимъ образомъ Христіанская Религія утверждалась среди Римской Имперіи и среди самаго Рима, тогда какъ онъ находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ вѣкѣ просвѣщеннѣйшемъ изъ всѣхъ вѣковъ, но вмѣстѣ и самомъ развращенномъ. Божественность Евангелія не могла блистательнѣе обнаружиться, какъ восторжествовавъ надъ двумя склонностями человѣческими, кои были ему совершенно противоположны. Ученость и высокоуміе противились простотѣ Христіанскаго ученія и смиренію вѣры; развращеніе сердца и поврежденіе нравовъ противоборствовали чистотѣ и строгости Христіанской нравственности. Вотъ важное замѣчаніе, на которое должно опираться противу тѣхъ, кои утверждаютъ, будто

Апостолы имѣли дѣло только съ людьми необразованными и легковѣрными. Тертулліанъ весьма хорошо даетъ сіе замѣтить язычникамъ (*). „Іисусъ Христосъ“—говоритъ онъ—„сдѣлалъ не то, что Нума, который „укротилъ людей дикихъ и свирѣпыхъ, устра„шивъ ихъ множествомъ боговъ, коихъ на„длежало умилостивить; но, нашедши лю„дей уже просвѣщенныхъ и ослѣпленныхъ „своимъ мнимымъ просвѣщеніемъ, Онъ от„крылъ имъ глаза для познанія истины.“

(*) Апологія гл. 2.

VIII.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ЧЕТВЕРТУЮ ПО ПАСХѢ.

Въ тѣхъ (притворахъ) *слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды.* Іоан. 5, 3.

Не удивительно, что при купѣли Силоамской находилось весьма много больныхъ. Въ ней дѣйствовала сила Божія, но дѣйствіе оной было весьма ограничено. Сходили на купѣль не многіе Ангелы, а одинъ: *Ангелъ Господень.* И одинъ Ангелъ сходилъ не каждый день, а только одинъ разъ въ году: *на всяко лѣто.* И одинъ разъ въ году сходилъ не на всѣ протоки Силоамскаго источника, а только на одинъ главный: *схождаше въ купѣль.* Притомъ не каждый, сходившій въ купѣль по возмущеніи воды, получалъ изцѣленіе, а только тотъ, кто сходилъ въ нее первый: *и первый, иже влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше.*

Но можно ли не удивляться, когда нахо-

димъ множество больныхъ при купѣли Христіанской—при купѣли благодати, коея купѣль Силоамская была только слабымъ изображеніемъ?—Здѣсь не одинъ Ангелъ, но весь сонмъ чистѣйшихъ духовъ, самъ Сынъ Божій и Духъ Святый низходятъ на землю для поданія врачевства страждущимъ; здѣсь не одна купѣль источаетъ изцѣленіе, а столько купѣлей, сколько болѣзней, или паче, сколько больныхъ; здѣсь не одинъ разъ въ году открывается источникъ жизни, а единожды истекши изъ ребра прободеннаго Искупителя, течетъ чрезъ всѣ времена и вѣки; здѣсь не одинъ тотъ получаетъ здравіе, кто приходитъ къ источнику изцѣленія первый, а всѣ—отъ перваго до послѣдняго, кто бы и когда бы ни пришелъ. И между тѣмъ, естьли о числѣ исцѣленныхъ судить по обилію иждиваемыхъ врачевствъ, то купѣль Христіанская исцѣляетъ больныхъ менѣе, нежели купѣль Силоамская.

Отъ чего сіе? Отъ чего рѣки благодати, изливаемыя на насъ, не источаютъ намъ здравія душевнаго, между тѣмъ какъ и одной капли ея достаточно для того, чтобы

въ насъ самихъ открылся источникъ воды, текущей въ живошъ вѣчный?— Можемъ ли мы, подобно Разслабленному, сказать: *Человѣка не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль?* Но при купѣли благодати и ненужно человѣка; здѣсь самъ Богъ, устроивши ее, повергаетъ въ нее недужныхъ. Тѣмъ паче, осмѣлимся ли, подобно тому же Разслабленному, сказать, что мы приходили къ ней, но не получали изцѣленія? Но такъ говорить значило бы *обманывать самихъ себя,* значило бы *представить лживымъ самаго Бога,* который сказалъ, *что естьли мы исповѣдаемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи благъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды.* (1 Іоан. 1, 9. 10.) Напротивъ смѣло можно сказать, что многимъ изъ насъ уже говорено небеснымъ Врачемъ, и, можетъ быть, говорено не разъ: *Встань, возми постелю твою и ходи,* — а они продолжають безпечно лежать во грѣхахъ. И такъ что же виною того, что всемогущая сила благодати не можетъ исцѣлить нашихъ душевныхъ недуговъ? Виною

сему, Слуш., мы сами, виною сему наше нехошѣніе.

„Но возможно ли, чтобы кто нибудь изъ насъ дѣйствительно не хотѣлъ своего спасенія? Возможно ли, чтобы кто нибудь обрекалъ самъ себя въ добычу ада? — Нѣтъ, по благодати Божіей, мы не дошли еще до такого ожесточенія.“ Дѣйствительно, Слуш., мы не дошли еще до сего гибельнаго состоянія, мы желаемъ спастися, и естьли бы каждому изъ насъ, такъ же какъ Разслабленному, предложенъ былъ небеснымъ Врачемъ вопросъ: *Хочешь ли быть здоровымъ?* то безъ сомнѣнія каждый бы отвѣчалъ: *Ей Господи! хочу.* Но каждый ли отвѣчалъ бы правду? Какъ много нашлось бы такихъ, кои, не думая обмануть Всевѣдущаго, были бы обмануты въ семъ случаѣ сами собою! Ахъ! мы нигдѣ столько не обманываемъ самихъ себя, какъ въ дѣлѣ собственнаго спасенія, хотя обманъ нигдѣ такъ не пагубенъ, какъ въ семъ дѣлѣ! Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ дѣлаетъ все то, что служитъ ко спасенію. Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ удаляется все-

го того, что препятствует дѣлу спасенія. Сіи два признака столько же вѣрны, сколько просты, и столько же просты, сколько вѣрны. Воспользуемся ими для нашего вразумленія.

1. *Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ исполняетъ все то, что служитъ ко спасенію.*

Примѣръ Разслабленнаго служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ сей истины. Болѣе полжизни простертый на одрѣ болѣзни, которая похитила у него все, кромѣ желанія здравія, оставленный всѣми людьми и всѣми членами своего тѣла,—онъ собираетъ послѣдніе остатки жизни, дабы принести ихъ въ жертву желанію жизни, воздвигается отъ тридесяти-осмилѣтняго одра и влечетъ себя къ цѣлебной купѣли. Уже онъ достигаетъ послѣдняго предѣла своего краткаго и вмѣстѣ долгаго пути; уже примѣчаетъ признаки наступающаго возмущенія воды, уже готовъ повергнуть себя въ купѣль—и вдругъ видитъ, что исцѣленіе предвосхищено другимъ. Какое иску-

шеніе для того, кому пройти пять притворовъ Силоамскихъ стоило болѣе, нежели для другаго обходить всѣ грады Іудейскіе! Но Разслабленный тѣломъ, не изнемогаетъ въ духѣ: каждый годъ подвергается тому же искушенію, и каждый годъ приходитъ къ купѣли. Не очевидно ли, Слуш., что онъ искренно желалъ своего выздоровленія; ибо дѣлалъ для сего все, что могъ?

Такъ ли поступаемъ мы? Дѣлаемъ ли для своего спасенія все то, что можемъ дѣлать? Мы не можемъ собственными силами творить дѣлъ истинно Богоугодныхъ, тѣмъ паче не можемъ сами собою исторгнуть корень грѣха, въ насъ живущаго; но мы можемъ воздыхать о свободѣ чадъ Божіихъ, умолять Отца Небеснаго о томъ, чтобы изведена была изъ темницы грѣха душа наша, можемъ, посредствомъ вѣрности остаткамъ естественнаго свѣта, содѣлать себя способными къ принятію благодати Божіей. Тѣмъ паче, по принятіи ея, можемъ и должны трудиться вмѣстѣ съ нею надъ усовершенствованіемъ себя въ добродѣтели, *возгрѣвать даръ Божій*, живущій въ насъ, (2 Тим. 1, 6.)

теплою молитвою, чтеніемъ Слова Божія, обращеніемъ съ людьми, успѣвшими въ духовной жизни, можемъ и должны, *забывая задняя, простираться въ предняя, искать большихъ и лучшихъ даровъ, быть готовыми на всякое дѣло благое, всегда болѣе усовершаться въ дѣлѣ Господнемъ,* (1 Кор. 12, 31. 15, 58. 2 Тим. 3, 17.) изыскивать способы къ совершенію всего того, что *истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что составляетъ добродѣтель и похвалу .....* (Фил. 4, 8.) Приводимъ ли въ исполненіе сію драгоцѣнную возможность? Питаемъ ли въ себѣ искреннее желаніе сдѣлаться лучшими, нежели каковы мы всѣ по природѣ? Стараемся ли быть неукоризненными предъ судомъ совѣсти и соблюдаемъ ли чистоту ея? Мужественно ли исходимъ на брань противу пороковъ и не уступаемъ ли имъ побѣды надъ собою безъ всякаго сраженія съ ними? Умоляемъ ли Бога о помощи и вѣрно ли употребляемъ средства, дарованныя намъ для нашего спасенія? Ревностно ли занимаемся чтеніемъ Слова Божія и стараемся ли исправить

недостатки, которые замѣчаемъ въ самихъ себѣ, когда смотримся въ сіе зерцало истины? Часто ли входимъ во внутреннюю клѣть нашу для исповѣданія предъ Отцемъ Небеснымъ согрѣшеній нашихъ и всегда ли затворяемъ за собою двери? Исполняемся ли радостію, когда намъ говорятъ: *Въ домъ Господень пойдемъ*, и входимъ ли въ него съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ? Подражаемъ ли Святымъ Божіимъ человѣкамъ и находимъ ли удовольствіе съ ними? Радуемся ли, нашедъ случай оказать помощь страждущему человѣчеству, и печалимся ли, когда ничѣмъ не можемъ утѣшить бѣдствующаго брата, кромѣ желанія ему помощи свыше?

Съ кѣмъ, Слуш., происходитъ все сіе; того жизнь ни какъ не можетъ походить на жизнь міролюбцевъ; тотъ на все земное смотритъ по отношенію къ небесному, во всемъ видимомъ ищетъ невидимаго, вѣчнаго; тотъ готовъ отказаться отъ всего и все почесть уметомъ, чтобы пріобрѣсть или не потерять Христа; у того мысль о вѣчности есть первою и послѣднею мыслію,

усовершенствованіе себя въ добродѣтели первымъ и послѣднимъ желаніемъ; для того самыя пріятныя минуты въ жизни, когда онъ свободно можетъ предаться размышленію или бесѣдѣ о блаженствѣ небесныхъ собратій своихъ;—для того самыя горестныя минуты въ жизни, когда онъ не чувствуетъ внутренняго влеченія къ небу;—тотъ не смущается никакими превратностями жизни, кромѣ тѣхъ, въ коихъ подвергается опасности спасеніе или его, или его собратій; — тотъ судитъ о счастіи и несчастіи ближнихъ своихъ, о ихъ достоинствѣ и недостоинствѣ, не по успѣхамъ ихъ въ дѣлахъ мірскихъ, но по преспѣянію въ дѣлахъ любви и самоотверженія; того самыя удовольствія отзываются тоскою о небесномъ отечествѣ; того самыя сновидѣнія представляютъ святыя изображенія надеждъ сердечныхъ; кратко: того жизнь есть видимое приготовленіе къ жизни лучшей, къ будущему пребыванію съ Богомъ.

Такова ли, Слуш., наша жизнь? Естьли такова, то мы искренно желаемъ спастися, смѣло можемъ стучать въ двери Божествен-

наго милосердія и совершенно можемъ быть увѣрены, что намъ не будетъ сказано: *Не знаю васъ.* Но естьли не такова, то судите сами, можно ли желать искренно своего спасенія и не дѣлать того, что служитъ ко спасенію? Между тѣмъ какъ много изъ насъ найдется такихъ, которымъ собственная ихъ совѣсть должна въ семъ случаѣ сказать: *не такова, не такова.*

2. *Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ удаляется всего того, что препятствуетъ дѣлу спасенія.*

Посмотрите, говорилъ нѣкогда Апостолъ Павелъ Коринѳянамъ, (1 Кор. 9, 25). посмотрите на позорище. Въ чемъ не отказываютъ себѣ, отъ чего не воздерживаются подвизающіеся на немъ, дабы содѣлать себя способнѣе къ достиженію вѣнца побѣднаго? И между тѣмъ какой это вѣнецъ, для достиженія котораго отказываются отъ всего? Вѣнецъ тлѣнный, который не рѣдко увядаетъ прежде, нежели украситъ главу побѣдителя. Естьли же они, продолжалъ Апостолъ, воздерживаются отъ всего для

полученія вѣнца тлѣннаго; то можно ли не воздерживаться намъ, которые подвизаемся для полученія нетлѣннаго?

Исполняется ли, Слуш., въ насъ сіе Апостольское ученіе? Удаляемся ли отъ всего того, что можетъ препятствовать нашему спасенію? Мы знаемъ, что все, находящееся въ мірѣ, *есть похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, что кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей, что любовь къ міру есть вражда на Бога*: послѣдуемъ ли совѣту Апостола: *не любить міра, ни того, что въ мірѣ,* не дѣлать и *не говорить* ничего *по мірскому.* (1 Іоан. гл. 2.) Мы знаемъ, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царства Божія, что законъ плоти во всемъ противоположенъ закону духа, что угожденіе плоти влечетъ въ плѣнъ грѣха: распинаемъ ли *плоть свою со страстями и похотями*? Умерщвляемъ ли *земные уды ея*? *Находимъ ли удовольствіе въ немощахъ, въ обидахъ, въ гоненіяхъ, въ нуждахъ, въ притѣсненіяхъ,* (2 Кор. 20, 10.) которыя, преогорчевая плоть, воскриляютъ духъ нашъ? Мы знаемъ, что,

обращаясь съ человѣкомъ развращеннымъ, можно и самому сдѣлаться развращеннымъ; что развратныя бесѣды портятъ самые благіе нравы: отвращаемся ли *всякаго брата, безчинно поступающаго?* Удаляемся ли *собранія людей лукавыхъ* и развратныхъ? Бѣгаемъ ли *пути нечестивыхъ и сѣдалища губителей?* Мы знаемъ, что разсѣяніе, служа препятствіемъ успѣху въ дѣлахъ мірскихъ, тѣмъ паче вредитъ преспѣянію въ дѣлѣ благочестія; что у кого очи блуждаютъ по концамъ міра, у того не можетъ быть цѣлымъ ни умъ, ни сердце: уклоняемся ли отъ шума мірскаго, устраняемся ли тѣхъ случаевъ, въ которыхъ можемъ подвергнуться опасности потерять изъ виду нашъ долгъ, нашу совѣсть, наше спасеніе? Убѣгаемъ ли, подобно Давиду, въ пустыню сердца, дабы тамъ чаять спасенія отъ Господа? Мы знаемъ, что страсти суть самые опасные враги добродѣтели, что человѣкъ, ими обладаемый, подобенъ волнѣ морской, вѣтромъ поднимаемой и разбиваемой: преграждаемъ ли имъ входъ въ наше сердце, изгоняемъ ли изъ него въ случаѣ насильственнаго вторженія ихъ? —

Кто дѣлаетъ все сіе, Слуш! у того солнце *не заходитъ во гнѣвѣ*, тотъ самому умѣренному *веселію* готовъ сказать: *что ты дѣлаешь*? (Екк. 2, 3.) Тотъ не только не сѣтуетъ на законы воздержанія и лишенія, предписываемые Церковію, но паче распространяетъ ихъ вліяніе на всѣ потребности своего тѣла и собственнымъ примѣромъ старается уполномочить ихъ важность и защитить отъ нареканія въ строгости; тотъ, при всемъ снисхожденіи къ плоти, никогда не престаетъ смотрѣть на нее, какъ на лѣнивый прахъ, коимъ обременяется духъ дѣятельный, и почитая въ ней будущаго сонаслѣдника вѣчной славы, бодрственно преслѣдуетъ настоящаго измѣнника въ брани. Тотъ не прежде вступаетъ съ кѣмъ нибудь въ союзъ пріязни и дружества, какъ совершенно увѣрившись, что онъ можетъ раздѣлять съ нимъ не однѣ земныя, но паче небесныя надежды, и тотчасъ расторгаетъ оный, какъ скоро примѣчаетъ, что находящійся съ нимъ въ союзѣ начинаетъ любить болѣе славу человѣческую, нежели Божію. Для того весь міръ со всѣми его прелестями представляетъ унылую стра-

ну изгнанія; для того всѣ блага земныя подозрительны, ибо онъ знаетъ, что самыя невинныя изъ нихъ погубили многихъ на вѣки. Кратко, того вся жизнь есть постепенно возрастающее удаленіе отъ суеты мірской, постепенно увеличивающееся торжество надъ чувственностію.

Такова ли, Слуш., наша жизнь? Естьли такова, то мы искренно желаемъ своего спасенія, и безъ сомнѣнія, вскорѣ услышимъ вожделѣнный гласъ: *Встань, возми постелю твою и ходи.* Естьли же не такова: то сколько бы ни говорили мы о нашемъ желаніи спастися, въ насъ нѣтъ сего желанія; ибо, судите сами, можно ли желать спасенія и не удаляться того, что препятствуетъ дѣлу спасенія? Между тѣмъ, сколь многимъ изъ насъ должна сказать и въ семъ случаѣ собственная совѣсть: *не такова, не такова.*

Какова же? Дѣлаемъ ли по крайней мѣрѣ для неба то, что дѣлаемъ для земли? Дѣлаемъ ли для пріобрѣтенія спасенія то, что дѣлаемъ для сохраненія здоровья, для исцѣленія себя отъ болѣзней, для пріобрѣтенія почестей и бо-

тапствъ, для поддержанія благоволенія къ намъ высшихъ насъ, для доставленія себѣ минутныхъ выгодъ, краткихъ удовольствій? Постыдное сравненіе! Но между тѣмъ едва ли не постыднѣе для многихъ изъ насъ слѣдствіе онаго; едва ли нѣкоторымъ изъ насъ не скажетъ въ семъ случаѣ собственная совѣсть: *не дѣлаемъ, не дѣлаемъ и сего.* Дѣлаемъ ли хотя что нибудь для своего спасенія? Безъ сомнѣнія, Слуш., каждый изъ насъ дѣлаетъ для сего что нибудь, но какъ много найдется такихъ, у коихъ сіе *что нибудь*, по строгомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи, должно обратиться въ *ничто*! Что же мы дѣлаемъ?—Что бы ни дѣлали; но естьли не дѣлаемъ для Бога, то дѣлаемъ для врага Его, для нашей погибели, для ада.

И между тѣмъ чего желаемъ мы? Чего ищемъ? Неба, вѣчности, Бога . . . . Слуш! можемъ ли мы при нашей духовной недѣятельности, не ощущая стыда, даже наименовать величественные предметы нашихъ желаній?—Мы любимъ издѣваться надъ тѣми, кои для достиженія какого нибудь важнаго въ дѣлахъ мірскихъ предпріятія употребля-

ютъ малыя и недѣйствительныя средства, и называемъ ихъ мечтателями, людьми безразсудными: чѣмъ же должно назвать насъ, насъ, которые надѣемся получить отъ небеснаго Судіи въ награду цѣлое небо за такой трудъ, коего земные судіи не почли бы достойнымъ награжденія малымъ пространствомъ земли? . . Древніе защитники Христіанства упрекали мудрецовъ языческихъ, что они, много требуя отъ человѣка, слишкомъ мало обѣщаютъ ему: не могутъ ли нынѣшніе язычники сдѣлать упрека многимъ изъ Христіанъ, что они, обѣщая себѣ все, ничего не требуютъ отъ себя? Удивительно ли послѣ сего, естьли въ наши времена нѣкоторые усомнились въ самомъ существованіи наградъ небесныхъ? Ахъ! постыдная хладность къ небу самыхъ Христіанъ, Христіанъ, для коихъ существуетъ небо, всякаго можетъ заставить спросить: существуетъ ли небо? Удивительно ли, что нѣкоторые усомнились въ дѣйствіи самой благодати на сердце человѣка?—Принимая вотще сію Божественную силу, сокрывая безъ всякаго плода и какъ бы уничтожая ее въ себѣ совершеннымъ небреженіемъ о ней, мы

по необходимости пролагаемъ путь къ сомнѣнію о ея дѣйствительности, и даже бытіи. Такимъ образомъ наша слабость, наша недѣятельность въ дѣлѣ спасенія виною того, что въ очахъ людей погибельныхъ самое Божество кажется недѣятельнымъ! Такимъ образомъ сокровище благодати, ниспосылаемое намъ для искупленія вѣчнаго богатства, по причинѣ нашего злоупотребленія, не только не обогащаетъ насъ, но служитъ поводомъ къ упреку въ бѣдности противъ Того, кто низпосылаетъ оное!—

Гибельное злоупотребленіе! Ибо что оно уготовляетъ намъ? Уготовляетъ лишеніе благодати, а вмѣстѣ съ нею всего. Правосудный не будетъ наказывать насъ, какъ древнихъ Израильтянъ, отвращеніемъ лица своего отъ насъ; Онъ не будетъ закрываться облакомъ, чтобы не дошла къ Нему молитва наша, Онъ не будетъ отнимать у насъ Пророковъ и вождей, не пошлетъ на насъ и глада Слова своего, оставитъ намъ самое тѣло и кровь Сына своего; но отниметъ отъ насъ благодать свою. Тогда самые Пророки и вожди наши будутъ провѣ-

тщашь намъ суешная; шогда мы будемъ молишься, и молишва наша, не очищая грѣховъ нашихъ, сама будешъ обращашься въ грѣхъ; шогда мы будемъ чишашь или слышашь Слово Божіе, и вмѣсшо *вони жизни* будемъ обоняшь въ немъ *воню смерти*; шогда мы будемъ вкушашь плошь и пишь кровь Хрисшову, и сія пища спасенія будешъ служишь для насъ шолько въ судъ и осужденіе; шогда,—ужасно и помыслишь!—самые лучи небеснаго милосердія будушъ спосиѣшесшвовашь шолько къ шому, чшобы мы, какъ плоды гнѣва, скорѣе созрѣли для вѣчной погибели.

Слуш.! шеперь не важно для многихъ изъ насъ слышашь подобныя угрозы съ сего священнаго мѣсша, и между шѣмъ, есшьли мы захошимъ, онѣ могушъ спасши насъ. Важно будешъ вспомнишь о нихъ предъ пресшоломъ, окруженномъ шьмами Ангеловъ, но шогда онѣ не спасушъ никого изъ насъ. Доколѣ купѣль благодаши не пресшала возмущашься заслугами нашего Ходашая, соберемъ последніе осшашки силъ душевныхъ, дабы приближишься къ ней и повергнушь въ нее бремя грѣховъ, насъ подавляющее. Аминь.

IX.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ МѢСТО СТРАНСТВОВАНІЯ ДЛЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ДУХА.

Возлюбленніи! молю яко пришелцевъ и странниковъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу: житіе ваше имуще добро во языцѣхъ, да о нѣмже клевещутъ васъ, аки злодѣевъ, отъ добрыхъ дѣлъ видѣвше прославятъ Бога въ день посѣщенія. 1 Петр. 2, 11. 12.

Горе тому, кто презрѣлъ единое, необходимое! Когда ложныя радости навсегда оставятъ его; то за мраками гроба не возсіяетъ для него утренняя заря! На землѣ нѣтъ ничего постояннаго; все погибаетъ безвозвратно. Отъ ярости жестокихъ бурь увядаютъ цвѣты жизни, — и бѣдные странники спѣшатъ успокоиться въ могилѣ. Но вѣра видитъ зарю. Сквозь мракъ ночи проницаетъ свѣтъ. Съ высоты Востока слышенъ гласъ духовъ: „Гдѣ Самъ Господь носилъ крестъ, тамъ нѣтъ отечества для души!“ и съ святилища небесъ нисходитъ

миръ въ душу. Надъ грязною пещерою вѣютъ весенніе вѣтры, и свѣтящіеся цвѣты указуютъ на отечество—туда, гдѣ цвѣтутъ для насъ радости, къ которымъ никакой вихрь земной не можетъ коснуться; гдѣ послѣ горькой печали, послѣ сна во гробѣ, сердечная вѣра въ Бога созрѣетъ въ вѣчное созерцаніе. Блаженъ, кого благословеніе Отца руководитъ въ землѣ странствованія! Онъ среди всѣхъ опасностей сохранитъ сердце свое вѣрнымъ, и на самыхъ утѣсистыхъ путяхъ не потеряетъ своего отечества.

Что мы дѣйствительно здѣсь странники, сіе весьма ясно открывается намъ, когда мы видимъ человѣка въ побѣдоносной борьбѣ его съ своею судьбою. Это есть самое величественнѣйшее зрѣлище, которое, такъ сказать, отверзаетъ намъ міръ невидимый и даетъ намъ видѣть дѣйствіе силъ его, когда человѣкъ и наипаче Христіанинъ, подкрѣпляемый силою вѣры, и добродѣтели, противустоитъ силѣ времени и обнаруживаетъ превосходство духовныхъ силъ своихъ предъ всѣми неблагопріятствующими

ему обстоятельствами. Сіе возноситъ насъ превыше видимой природы, и свидѣтельствуетъ о высшемъ чувствѣ въ человѣкѣ, происходящемъ изъ другаго міра, когда онъ изъ любви къ добродѣтели и благочестію, которыя питаетъ въ сердцѣ своемъ, съ безропотнымъ терпѣніемъ переноситъ самыя жестокія страданія. Таковые опыты раждаютъ въ сердцѣ нашемъ изумленіе и уваженіе къ человѣческой природѣ. Они громко говорятъ, что человѣкъ Божественнаго произхожденія, и что онъ охотно жертвуетъ симъ міромъ міру высшему. Слѣдственно, въ которомъ онъ долженъ чувствовать себя дома, и который долженъ быть для него чужою страною?—

Подобное чувство раждается въ насъ, когда мы, читая Исторію, встрѣчаемъ въ оной мощныхъ вѣрою людей всѣхъ временъ, которые, сокрушаясь болѣзнію о нечестіи своего времени, не взирая на неблагодарность и преслѣдованіе, посвящали жизнь свою своимъ ближнимъ. Ибо, естьли ты не видишь, что сія земля есть мѣсто странствованія для добродѣтели и Вѣры; то ска-

жи мнѣ, отъ чего провозвѣстники оныхъ такъ часто оканчивали жизнь свою на лобныхъ мѣстахъ. И естьли ихъ терпѣніе и дѣла были только обыкновенное явленіе міра; то скажи мнѣ, почему ты удивляешься великой силѣ и изумляешься предъ тѣмъ священнымъ мужествомъ, съ которымъ сіи провозвѣстники, осужденные на смерть, въ хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ среди пламени свидѣтельствовали о негиблющемъ сокровищѣ, которое они носили въ скудельныхъ сосудахъ? Конечно потому, что сія сила и мужество были отъ Бога, а не отъ человѣка? (2 Кор. 4, 17.) Они шли и плакали, когда несли драгоцѣнныя сѣмена свои, и возвращались съ радостными пѣснями, неся снопы свои. (Псал. 126, 6.) Не представляются ли они тебѣ, какъ первосвященники человѣческаго рода при олтаряхъ болѣзней своихъ, охотно жертвующіе своею жизнію. Возблагоговѣй предъ ними, и познай, что тлѣнное тѣло, сіе удоборазрушимое зданіе, что земля съ своими непрестанно измѣняющимися явленіями не есть блаженное отечество для человѣческаго духа. Возблагоговѣй наипаче предъ Распятымъ на крестѣ, который изъ

вѣчнаго отечества принесъ намъ самое ясное познаніе объ Отцѣ. Не былъ ли Онъ свѣтъ изъ иной страны, котораго тьма не могла объять? (Іоан. 1, 5.) Жестокосердые человѣки не изгнали ли Его, какъ ненавистнаго чужестранца, который могъ имъ говорить: „Я отъ вышнихъ, а вы отъ низшихъ!?" По сему они не разумѣли Его. Его царство и царство всѣхъ тѣхъ, кои послѣдовали Ему, не было отъ міра сего. По сему они и не требовали отъ него никакой награды. Ихъ непремѣняемая любовь сама себѣ была наградою, которая ни истлѣвала въ пламени, ни изчезала въ крови. Они были выше своей судьбы,—и уже не сыны скоротечнаго времени! Тлѣнная земля сія не была для нихъ отечествомъ,—они питомцы вѣчности, въ сообществѣ съ Богомъ!—Такъ, не для земли только святая Вѣра и вѣчная добродѣтель; не для сей только скоротечной жизни сердце съ своими безконечными желаніями!

Но суетная мудрость міра сего поставляетъ землю сію единственнымъ для себя поприщемъ, и внѣ оной ничего болѣе не желаетъ. Ибо въ семъ состоитъ различіе ме-

жду мудростію міра сего и истинною добродѣтелію, что та получаетъ для себя пищу изъ страны, чуждой для духа,—отъ земли сей; а сія заимствуетъ силу свою изъ отечественной страны, изъ духовнаго, невидимаго міра Но не должны ли были бы созрѣвать для добродѣтели и правды и видимые, земные плоды, естьли бы сами онѣ были собственными растѣніями земли, а не растѣніями неба?

Такъ дѣти, съ своими чистыми руками и сердцами, съ своимъ невиннымъ взоромъ, представляются намъ юными странниками, кои, пришедши изъ другаго міра, не разумѣютъ старыхъ и опытныхъ людей, которые слишкомъ рано пробуждаютъ ихъ отъ ихъ блаженныхъ мечтаній, дабы дать имъ несродное съ ихъ природою направленіе и образовать ихъ для земной жизни. Въ семъ смыслѣ добродѣтельный человѣкъ часто видитъ себя странникомъ между окружающими его; и въ семъ смыслѣ Премудрый говоритъ: Праведникъ благоугождаетъ Богу; по сему спѣшитъ оставить порочную жизнь. (Премудр. 4, 14.) Но жизнь, въ которой печаль такъ

близка къ радости, въ которой сѣмя добродѣтели сѣется со слезами,—жизнь, которую всѣ, и часто самые лучшіе оканчиваютъ въ борьбѣ и трудахъ,—таковая жизнь не можетъ быть нашимъ отечествомъ. Наша вѣра, наша любовь, наша надежда влекутъ насъ къ высшей цѣли.

Но естьли мы увѣрены, что мы здѣсь въ землѣ странствованія; то вся наша жизнь,—весь міръ, насъ окружающій, является намъ какъ бы въ другомъ видѣ. Ибо міръ и жизнь отражаются въ насъ. Онѣ являются намъ въ такомъ точно видѣ, какой получаютъ въ нашемъ разсужденіи. Сколь же великая должна произойти перемѣна въ нашемъ сердцѣ, когда мы, говоря доселѣ о мірѣ семъ, земномъ и суетномъ, что въ немъ живемъ и движемся и существуемъ, нынѣ отъ искренняго сердца скажемъ: *Въ Богѣ живемъ и движемся и есмы! не имѣемъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.*

Глубокій смыслъ, заключающійся въ семъ образѣ странствованія, освящаетъ все бы-

тіе наше, освящаетъ всѣ наши дѣйствія, наши радости, наши страданія.

Апостолъ Петръ въ вышеупомянутомъ мѣстѣ говоритъ: Молю васъ, какъ странниковъ и пришельцевъ, провождать жизнь честную. И дѣйствительно, естьли мы земную жизнь нашу почитаемъ не инымъ чѣмъ, какъ странствованіемъ въ чужой землѣ; то мы предохраняемъ себя чрезъ то отъ двухъ весьма опасныхъ заблужденій, въ которыя впадаетъ большая часть людей. Въ одно впадаютъ тѣ, которые слишкомъ много или почти единственно живутъ для сего міра; и потому оставляютъ безъ всякаго вниманія всѣ высшія потребности духовной ихъ природы, стремятся только къ внѣшнимъ пріобрѣтеніямъ, къ чувственнымъ только удовольствіямъ, — вообще грубое вещество почитаютъ своимъ идоломъ. Это суть суетные и гордые міра сего, честолюбцы, любостяжатели и сластолюбцы, и всѣ тѣ, которые болѣе или менѣе увлекаются ложными прелестями міра сего. Ихъ большая часть. Въ другое впадаютъ тѣ, которые уже исключительно занимаются міромъ невидимымъ,

теряются въ несбыточныхъ желаніяхъ, и думаютъ вести святую жизнь только въ удаленіи отъ міра и его невинныхъ радостей; которые, чрезмѣрно разгорячая воображеніе, разслабляютъ духъ и становятся ни къ чему неспособными; поелику они въ своей мечтательной жизни только вздыхаютъ, вмѣсто того, чтобы трудиться.

Отъ обоихъ сихъ заблужденій, то есть, отъ чрезмѣрной привязанности къ сему или тому міру, предохраняетъ насъ увѣренность, что мы на землѣ сей находимся въ странствованіи; что слѣдовательно съ одной стороны мы не должны ни упускать изъ вида своей цѣли—отечества, ни теряться въ суетной привязанности къ скоропреходящимъ благамъ и удовольствіямъ; съ другой стороны не должны также забывать и великаго намѣренія Отца Небеснаго,—дѣлать дотолѣ, доколѣ есть день, пока не пришла еще ночь, когда уже никто не можетъ дѣлать. Ибо и Апостолъ Павелъ сильно желалъ оставить трудную, подвижническую жизнь свою, и соединиться со Христомъ; но онъ говоритъ къ Филиппійцамъ: Для васъ,

для вашего блага, которое я могу и долженъ еще созидать, нужно, чтобы я еще оставался въ сей жизни. (Фил. 1, 23. 24.) И что можетъ болѣе побудить насъ къ общеполезной дѣятельности, что можетъ удобнѣе расположить насъ къ сердечному принятію Божественной заповѣди,—давать свѣтить свѣту, дабы чрезъ наши добрыя дѣла прославлялся Отецъ Небесный, естьли не то убѣжденіе, что мы только путемъ добродѣтели можемъ возвратиться въ блаженное отечество, и что только при добромъ поведеніи своемъ спокойно можемъ ожидать вожделѣннаго гласа, которымъ Небесный Отецъ воззоветъ насъ къ Себѣ изъ сей земли странствованія?

Но Христіанинъ съ радостнымъ чувствомъ замѣтитъ, что отъ исполненнаго вѣры воззрѣнія его на вѣчное отечество каждая сила души, каждое движеніе сердца, каждое стремленіе духа его получаетъ нѣкое высшее, святѣйшее направленіе. Тѣ, кои въ несчастномъ заблужденіи сію землю странствованія почитаютъ своимъ отечествомъ, скитаются по распутіямъ міра сего безъ цѣли,—безъ

намѣренія, и какъ своею неспособностію ко всему высокому и Святому, такъ и своимъ ослабѣвшимъ духомъ ясно свидѣтельствуютъ о той бѣдности, въ которую впадаетъ человѣкъ, потерявшій высшее чувствованіе своей жизни, чувствованіе небеснаго своего произхожденія. Но не можетъ не имѣть чистыхъ расположеній и любви ко всему доброму тотъ, котораго мысленный взоръ всегда обращенъ къ небесному отечеству, гдѣ заключается все то, чего жаждетъ сердце его, куда влекутъ его святѣйшія надежды и желанія, гдѣ онъ ожидаетъ явленія Бога во всей ясности, гдѣ узритъ своего Искупителя и вѣчно будетъ наслаждаться съ Нимъ тою славою, которую далъ Ему Отецъ. Тѣ, коихъ всѣ мысли, желанія и надежды заключаются только въ тѣсныхъ предѣлахъ жизни настоящей, хотя и дѣйствуютъ иногда для пользы человѣчества, но изъ однихъ своекорыстныхъ видовъ; они домогаются чрезъ то только чести и славы у людей, и ихъ дѣятельность тотчасъ прекращается, какъ скоро громкая слава не сопутствуетъ имъ, какъ скоро земный успѣхъ не увѣнчаваетъ ихъ желаній, и они съ

трудовъ своихъ пожинаютъ неблагодарность. Но не утомится въ своемъ стремленіи тотъ, кто увѣренъ, что земная жизнь его имѣетъ отношеніе къ міру вѣчному, что дѣла, которыя онъ дѣлаетъ съ упованіемъ на отечество, для него непотеряны. Онъ не утомится въ дѣланіи добра и тогда, естьли міръ сей не соплетаетъ ему никакихъ вѣнцовъ; для него готовится неувядаемый вѣнецъ въ томъ мірѣ, такъ какъ и его жительство есть уже на небесахъ. (Филип. 3, 20.) Въ сей жизни странствованія онъ избираетъ себѣ блага нетлѣнныя. Побѣда истины, торжество добродѣтели и благоденствіе человѣчества,—вотъ единственный предметъ его желаній, его надеждъ, его стремленій. Другихъ цѣлей онъ не можетъ имѣть; иначе долженъ забыть свое назначеніе, своего Отца. Все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ по заповѣди сего Отца, который послалъ его въ сію землю странствованія, и который нѣкогда опять воззоветъ его къ Себѣ. Что̀ можетъ болѣе содѣлать нашу жизнь святою? Что̀ можетъ доставить болѣе чистоты нашимъ намѣреніямъ, болѣе силы нашимъ дѣйствіямъ? По сему-то Христіанская

Вѣра жизни своихъ исповѣдниковъ сообщаетъ то высокое, духовное выраженіе, которое, такъ сказать, есть отблескъ міра невидимаго. Дѣла Христіанина проистекаютъ изъ чистѣйшаго источника, изъ Источника вѣчной жизни; произходя отъ Бога, онѣ ничего не имѣютъ подражательнаго, ничего заимствованнаго изъ обыкновенной дѣятельности, но имѣютъ свой собственный первообразный видъ.

Естьли мы здѣсь странники; то что для насъ естественнѣе, какъ то существо въ насъ, по которому мы чувствуемъ себя странниками, и которое слѣдственно не принадлежитъ сей землѣ, то есть, духъ нашъ, почитать существомъ небеснымъ, и чувство высокаго происхожденія своего обнаруживать тщательнымъ уклоненіемъ отъ грѣха, въ той увѣренности, что мы служили бы только чужимъ идоламъ, когда бы земныя блага приковывали къ себѣ наши желанія и воспламеняли сердце наше къ низкимъ удовольствіямъ.—Христіанинъ взываетъ съ Апостоломъ Павломъ: *Задняя забывая, въ предняя же простираяся, къ намѣрен-*

кому теку, къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ. (Филип. 3, 13.14.) Онъ помышляетъ о горнемъ, а не о земномъ. (Кол. 3, 2.)

И сія мысль освящаетъ и улучшаетъ для него и самыя наслажденія жизни настоящей. Естьли мы ищемъ нашихъ радостей только въ наслажденіи тлѣнными вещами, то мы проходимъ поприще жизни сей безъ высшаго предчувствія; каждый день приносимъ жертвы нашей суетности, скопляемъ себѣ сокровища, какъ рабы любостяжанія, или иждиваемъ оныя, какъ расточители; ввергаемъ себя въ постыдныя узы чувственныхъ удовольствій, или, то пресмыкаясь, то надмеваясь, предаемся безумной гордости. Напротивъ, естьли бы мы стали отвергать всякую чистую радость въ здѣшнемъ мірѣ, то содѣлались бы неблагодарными предъ Богомъ за тѣ благодѣянія, которыя щедрая рука Его обильно излила и на сію земную жизнь нашу. Христіанинъ наблюдаетъ счастливую средину. Онъ наслаждается и сею жизнію. Для подкрѣпленія себя въ своемъ путешествіи онъ пользуется часами покоя

и отдохновенія. Онъ печется и о благосостояніи земнаго бытія своего, о здравіи своего тѣла. Оно есть спутникъ его въ его странствованіи; оно есть хижина, въ которой обитаетъ безсмертный духъ. Посредствомъ тѣла онъ находится въ связи со всѣми тварями. Отъ его благосостоянія большею частію зависитъ спокойствіе его духа. Но какъ вообще вѣчное должно быть предпочитаемо временному, доховное—чувственному; то Христіанинъ всегда готовъ отвергнуть отъ себя земное, какъ скоро оно служитъ ему препятствіемъ къ достиженію вѣчныхъ цѣлей; онъ жертвуетъ имъ, когда требуетъ того его уваженіе къ благамъ нетлѣннымъ. Почему онъ тщательно старается предохранить сердце свое отъ привязанности къ суетѣ; ибо онъ долженъ будетъ навсегда оставить все то, что пріобрѣлъ въ сей жизни, когда разрушится сія хижина, въ которой пребываетъ духъ его.

Но онъ наслаждается высшими радостями и въ сей жизни. Онъ находится въ чужой странѣ, и ищетъ своего отечества. При

памятованіи сего настоящая жизнь является ему во свѣтѣ будущей жизни. Только то составляетъ для него высшее наслажденіе, что доставляетъ удовольствіе безсмертному его духу. Благочестіе, дружество, любовь и природа — вотъ что приводитъ сердце его въ восхищеніе. Побѣда правды и истины возбуждаетъ его къ радостному пѣснопѣнію. И его радости не суть шумныя, оглушающія, каковы бываютъ радости чувственныя, скоропреходящія. Онѣ, подобно благодѣтельной росѣ, животворящей землю, оживляютъ его новыми силами, и исполняютъ душу его тихимъ восторгомъ. Онѣ не обольщаютъ ослѣпляющею наружностію, но суть истинныя и живыя, ибо проистекаютъ отъ Бога; онѣ суть истинная жизнь души; онѣ помогаютъ Христіанину, среди всѣхъ искушеній въ землѣ странствованія, сохранить достоинство безсмертнаго существа своего неприкосновеннымъ отъ грубыхъ чувственныхъ удовольствій, и съ непорочнымъ сердцемъ, чуждымъ пристрастія ко всему земному, возвратиться въ объятія вѣчной Любви.

И когда судьба обращаетъ на него мрачное чело свое; тогда вѣра освящаетъ и самыя страданія его; ибо онъ страдаетъ для лучшаго міра. Онъ знаетъ, что жизнь въ землѣ странствованія сопряжена со многими скорбями; знаетъ, что ненарушимое счастіе никогда не было долею земли и достояніемъ лучшихъ изъ людей. По сему онъ умѣряетъ свои потребности по отношенію къ сей жизни и заранѣе пріучается ограничивать себя и укрѣпляться въ надеждѣ.

Естьли бы здѣсь было блаженное отечество: тогда изчезло бы въ нашемъ сердцѣ ничѣмъ неистребимое желаніе будущей блаженной жизни; но вмѣстѣ умолкли бы и всѣ бури, которыя еще носятся надъ землею, или человѣкъ долженъ былъ бы имѣть другое чувство, или взоромъ Божества долженъ былъ бы смотрѣть на сцѣпленія судьбы, или повергнуться въ гибельное отчаяніе.

Но ожидай, страдалецъ! ожидай съ терпѣніемъ разрѣшенія твоей участи. Отецъ видитъ настоящія страданія твои, и Его

намѣренія, по которымъ Онъ еще не зоветъ тебя къ Себѣ, хотя сокровенны, но премудры и благодѣтельны. Не забывай, странникъ! что земля не есть предѣлъ твоимъ надеждамъ. Еще малое время, и ты обратишься назадъ въ своемъ шествіи и пойдешь домой; могила будетъ тебѣ дверію къ Отеческому дому. Вспомни, какъ страдалъ и Искупитель твой, который, находясь въ землѣ странствованія, говорилъ: *Я изшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ; опять оставляю міръ и гряду ко Отцу*—вспомни сіе, и познай себя въ семъ образѣ! Вспомни, какъ Господь въ ночи предъ своимъ страданіемъ молился и о тебѣ: Отче! которыхъ Ты Мнѣ далъ, хочу, чтобъ тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною. И сей самый Господь твой, который называетъ Себя любовію, который сотворилъ тебя, помогаетъ тебѣ нести и крестъ твой, и пребудетъ съ тобою до тѣхъ поръ, когда послѣднія слезы разлуки измѣнятся въ первыя радостныя слезы свиданія, когда всѣ земныя ночи, проведенныя во бдѣніи и болѣзненныхъ вздохахъ, изчезнутъ въ кроткомъ сіяніи отечественнаго свѣта. Тогда внидешь ты въ радость тво-

его Господа Іисуса; тогда не будетъ болѣе страданій для утружденныхъ странниковъ! —

X.

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СВѢДѢНІЕ

о Никифорѣ Монахѣ.

Преподобный Отецъ нашъ Никифоръ, провождавшій подвижническую жизнь во Святой Аѳонской горѣ, и процвѣтавшій въ сороковыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія, былъ наставникомъ и тайноводителемъ Григорія Ѳессалоникскаго въ высокомъ ученіи подвижническаго любомудрія, какъ самъ нѣгдѣ о томъ свидѣтельствуетъ. Въ свободномъ отъ попеченій безмолвіи бесѣдуя съ однимъ собою, и содѣлавшись единиченъ самъ въ себѣ, а чрезъ сіе неизреченно соединясь съ премірнымъ, высочайшимъ предметомъ желаній, онъ получилъ блаженный даръ всуществленнаго въ сердце свѣта благодати. Такимъ образомъ сей Блаженный, будучи сперва самъ богато одаренъ неизобразимымъ образомъ обоженія и Боготворнымъ сокровищемъ, послѣ и намъ отечески и обильно въ предлежащемъ сочиненіи оное преподалъ, естьли желаемъ одинаковыхъ съ нимъ удо-

стоится наградъ. Здѣсь совокупилъ онъ изъ жизнеописаній Святыхъ Отцевъ разныя мѣста, дающія понятіе о трезвленіи, вниманіи и молитвѣ, присовокупилъ нѣчто отъ себя, а такимъ образомъ для желающихъ спасенія поставилъ самые вѣрные вѣсы священнаго трезвленія, и лѣствицу чистой, неразсѣянной молитвы и проистекающихъ изъ нея благъ.

И такъ восходите, восходите, всѣ желающіе, чтобы обиталъ въ васъ Христосъ, и хотящіе, во образъ Духа Святаго, преображаться отъ славы въ славу, и тѣмъ оботвориться, и сподобиться свѣтлаго достоянія спасаемыхъ.

XI.

НИКИФОРА МОНАХА СЛОВО

О ТРЕЗВЛЕНІИ И ХРАНЕНІИ СЕРДЦА, ИСПОЛНЕННОЕ НЕ МАЛОЙ ПОЛЬЗЫ.

Вы, которые желаете узрѣть велелѣпное явленіе Божественнаго свѣта Спасителя нашего Іисуса Христа; которые пренебесный огнь сердечно ощутить хощете; которые тщитесь опытомъ и чувствомъ удостовѣриться въ примиреніи съ Богомъ; которые, чтобы найти и пріобрѣсть сокровище на полѣ сердецъ вашихъ сокровенное, оставили все мірское; которые вознамѣрились отнынѣ свѣтло возжечь свѣтильники душевные, и все настоящее отринули; которые разумѣніемъ и опытомъ царствіе небесное, внутри васъ находящееся, познать и получить ищете! пріидите, преподамъ вамъ науку вѣчной, небесной жизни, или лучше, способъ, по которому дѣйствующій безъ труда и утомленія вводится въ пристанище безстрастія, и который не под-

*

верженъ никакому обману или возмущенію отъ бѣсовъ, кромѣ того случая, когда мы далеко внѣ жизни, въ которую васъ ввожу, по непослушанію заблуждаемъ, подобно какъ и Адамъ нѣкогда, презрѣвъ заповѣдь Божію, подружась со зміемъ, и возмнивъ, что онъ вѣренъ, до пресыщенія напитанъ отъ него плодомъ прельщенія, и такимъ образомъ во глубину смерти, мрака и тлѣнія бѣдственно себя и всѣхъ потомковъ своихъ низринулъ. И такъ допустите возводить себя; или истиннѣе сказать, возвратимся, братія, къ себѣ самимъ, отвращаясь совѣта зміинаго, и круженія въ вещахъ влекомыхъ къ землѣ. Ибо примиренія и союза съ Богомъ не иначе мы можемъ достигнуть, развѣ когда прежде, употребляя всѣ усилія, возвратимся къ себѣ, или лучше, войдемъ въ себя, устраняясь отъ коловращенія міра и суетнаго попеченія, а держась неослабно царствія внутри насъ сущаго. Дѣло необычайное! Потому жизнь монашеская и называется искусствомъ искусствъ и наукою наукъ. Ибо сіе преподобіе не сіи тлѣнныя вещи приноситъ намъ, чтобы мы умъ нашъ, низводя отъ лучшихъ, въ нихъ погребали; но объ-

щаетъ намъ дивныя нѣкія и неизреченныя блага, *которыхъ око не видѣло, и ухо не слышало, и которыя на сердце человѣку не восходили.* (1 Кор. 2, 9.) Также и *брань наша не есть противъ крови и плоти: но противъ началъ, и властей и міродержителей тьмы вѣка сего.* (Ефес. 6, 12.) Естьли же настоящій вѣкъ есть тьма: то да бѣжимъ отъ него; а бѣжать должно мыслію. Ничего да не будетъ у насъ общаго со врагомъ Божіимъ: *Ибо кто захочетъ быть ему другомъ, тотъ будетъ врагъ Божій;* (Іак. 6, 4.) а сдѣлавшемуся врагомъ Божіимъ кто поможетъ? Для того станемъ подражать отцамъ нашимъ; и поищемъ, какъ они, сокровища внутри сердецъ нашихъ, и обрѣтши оное, да держимъ крѣпко, *дѣлая* вмѣстѣ *и храня,* (Быт. 3, 15.) ибо къ сему опредѣлены мы въ началѣ. Естьли же явится другой Никодимъ, и станетъ спорить о семъ, и скажетъ: какъ можетъ кто войти въ сердце, и тамъ дѣлать или жить? подобно какъ и тотъ возразилъ Спасителю: *Какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? Не ужели можетъ онъ вторично войти въ утробу матери своей, и*

родиться? (Іоан. 3, 4.) Таковый да слышитъ и нынѣ, что *духъ дышетъ, гдѣ хочетъ.* И есть-ли мы съ такимъ невѣріемъ сомнѣваемся о предметахъ дѣятельности: какъ достигнемъ области созерцанія? Ибо лѣствица къ созерцанію есть дѣятельность. Но какъ таковому невѣрующему не можно быть удостовѣрену безъ доказательствъ изъ писаній: для того житія Святыхъ, и что ими письменно изложено, въ пользу многихъ въ семъ Словѣ представимъ, дабы каждый могъ тѣмъ удостовѣриться, и отложить всякое сомнѣніе. И такъ, начавъ Слово отъ Великаго Отца нашего, перейдемъ потомъ къ послѣдующимъ, и по возможности собравъ нѣкоторыя ихъ изрѣченія и дѣянія, для увѣренія предложимъ.

Изъ житія Преподобнаго Отца нашего Антонія.

„Нѣкогда къ Аввѣ Антонію шли два бра-„та. Въ пути не достало у нихъ воды, отъ „чего одинъ умеръ, а другой былъ близъ „смерти. Не могши болѣе итти, онъ ле-„жалъ на землѣ, ожидая смерти. Антоній,

„находясь на горѣ, позвалъ двухъ Монаховъ, „шушъ случившихся, и понуждалъ ихъ, го„воря: возмише кувшинъ воды, и бѣгише по „Египешской дорогѣ: изъ двухъ шедшихъ „одинъ уже умеръ; и другой умрешъ, есшь„ли не поспѣшише. Мнѣ ошкрылось эшо въ „молишвѣ. Монахи пошли и нашли одного „лежащаго мершвымъ, и погребли; а друго„му сохранивъ жизнь водою, привели его къ „Сшарцу; разсшояніе же было на день пу„ши. Есшьли бы кшо спросилъ, для чего Ан„шоній не сказалъ о семъ прежде, нежели „одинъ изъ пушешесшвенниковъ умеръ; сей „вопросъ былъ бы не правиленъ. Ибо опре„дѣленіе смерши зависѣло не ошъ Аншонія, „но ошъ Бога, кошорый одному опредѣлилъ „умерешь, а о другомъ ошкрылъ Аншонію. „Аншоніево же чудо было шолько шо, что „онъ, находясь на горѣ, имѣлъ сердце шре„звенное, и Господь показалъ ему ошда„ленное.“

Видишь, что Аншоній за шрезвленіе сердца сдѣлался Боговидцемъ и провидцемъ. Ибо въ сердцѣ Богъ являешся уму, въ началѣ, по словамъ Іоанна Лѣсшвичника, яко огнь,

очищающій любителя, потомъ, яко свѣтъ, озаряющій умъ, и содѣлывающій его Боговиднымъ.

Но да прейдетъ слово къ прочимъ Отцамъ.

Изъ житія Святаго Θеодосія, начальника общежитія.

„Божественный Θеодосій такъ пронзенъ „былъ сладкою стрѣлою любви, и такъ свя„занъ узами ея, что онъ дѣломъ исполнилъ „сію высокую и Божественную заповѣдь: „*Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ серд„цемъ твоимъ, и всею душею твоею, и „всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.* А сіе не ина„че могло быть, какъ устремленіемъ всѣхъ „естественныхъ силъ души не къ какимъ „либо настоящимъ вещамъ, но единственно „къ вожделѣванію Создателя. И сіе-то на„зываю я умною дѣятельностію души. Та„кимъ образомъ онъ и тогда, когда умолялъ, „многимъ былъ страшенъ; и тогда, когда „укорялъ, любезенъ, и во всемъ пріятенъ. „Кто столько, какъ онъ, полезенъ даже при „обращеніи со многими? Кто столь иску-

„сенъ собирать чувства, и обращать ихъ
„внутрь, такъ чтобы среди самыхъ волне-
„ній пребывать въ большей тишинѣ, неже-
„ли среди пустыни, и быть одинакову во
„многолюдствѣ и въ уединеніи?“

Видите, что и великій Ѳеодосій, чрезъ то, что собиралъ и вводилъ внутрь чувства, пронзенъ былъ любовію къ Создателю.

Изъ житія Святаго Арсенія.

„Чудный Арсеній остерегался между про-
„чимъ, чтобы ни вопросовъ письменныхъ
„не предлагать, ни писемъ не писать. И
„это не потому, чтобы онъ не могъ. Какъ
„не могъ писать тотъ, которому такъ
„легко было говорить прекрасно, какъ лег-
„ко другимъ только говорить? Причиною же
„сказаннаго была привычка къ молчанію и то,
„что онъ не охотно показывался. По сему-то
„и въ церквахъ, и въ собраніяхъ, онъ вся-
„чески старался, и не видѣть никого, и не
„быть видимымъ отъ другихъ. Онъ скрывался,
„становясь за столпомъ, или за какою ли-
„бо другою преградою; и, не будучи примѣ-

„чаемъ, избѣгалъ сообщенія съ другими, же-
„лая внимать себѣ, собирать умъ внутрь,
„и такимъ образомъ удобно возноситься къ
„Богу.“

Такъ и сей Божественный мужъ, земный Ангелъ, внутрь собираетъ умъ, дабы тѣмъ удобнѣе возноситься къ Богу.

Изъ житія Святаго Павла Латрскаго.

„Божественный Павелъ всегда жилъ въ
„горахъ и пустыняхъ, обращаясь съ дикими
„звѣрями, какъ съ сосѣдами, и дѣлясь съ ни-
„ми пищею; иногда же и въ Лавру прихо-
„дилъ, удостоивая посѣщенія Братію; увѣ-
„щевалъ и училъ не малодушествовать, не
„облѣняться отъ трудныхъ дѣлъ добродѣ-
„тели, но со всякимъ вниманіемъ и разсужде-
„ніемъ держаться Евангельскаго житія, и
„благодушно противоборствовать духамъ зло-
„бы. При томъ излагалъ имъ и способъ, ко-
„имъ бы они могли и прежнія страстныя
„впечатлѣнія изглаждать, и новыя сѣмена
„страстей отвергать.“

Примѣчай, какъ сей Божественный Отецъ училъ невѣдущихъ учениковъ способу, какимъ можно отражать нападенія страстей. Способъ сей былъ не иной, какъ храненіе ума. Ибо симъ только а не другимъ, оное совершается.

Но простремъ Слово далѣе.

Изъ житія Святаго Саввы.

„Божественный Савва, когда отрекшаго-„ся отъ міра находилъ и правила Монашес-„кой жизни вѣрно изучившимъ, и уже мо-„гущимъ хранить умъ свой и противобор-„ствовать сопротивнымъ помысламъ, при „томъ и памятованіе мірскихъ вещей изъ „мысли изгнавшимъ; тогда въ Лаврѣ давалъ „ему келлію, естьли тотъ слабъ и немо-„щенъ тѣломъ; а естьли здоровъ и крѣпокъ, „то и строить келлію повелѣвалъ.“

Видишь, какъ и Божественный Савва требовалъ отъ учениковъ храненія ума, и потомъ, давая имъ келліи, позволялъ сидѣть въ нихъ. Что же будетъ съ нами, которые

въ келліяхъ сидимъ праздно, даже и не вѣдая, есшьли на свѣтѣ храненіе ума?

Изъ житія Аввы Агаѳона.

„Одинъ брашъ спросилъ Авву Агаѳона, „говоря: скажи мнѣ, Авва, что больше, „шѣлесный шрудъ, или храненіе внушренносши? Авва ошвѣтствовалъ: человѣкъ подобенъ древу; шѣлесный шрудъ есть листья, „а храненіе внушренносши есть плодъ. Какъ, „по словамъ Писанія, *всякое дерево не приносящее добраго плода, посѣкаютъ, и бросаютъ въ огонь*: (Матѳ. 3, 10.) то очевидно, что все наше сшараніе должно быть „о плодахъ, то есть, о храненіи ума. Однако для покрова и укращенія надобны и „листья, которые сущь шѣлесный шрудъ.“

Чудно, какой приговоръ произнесъ Святый сей на всѣхъ, не имѣющихъ храненія ума, а хвалящихся одною дѣятельностію, сказавъ, что *всякое дерево не приносящее плода*, то есть, храненія ума, а имѣющее одни листья, то есть, дѣятельность, *по-*

сѣкаютъ, и бросаютъ въ огонь. Страшно рѣшеніе твое, Отче!

Аввы Марка къ Николаю.

„И такъ есть ли хочешь, сынъ мой, имѣть „внутри собственный свѣтильникъ умнаго „свѣта духовнаго познанія, чтобы ты могъ „не преткновенно ходить въ глубочайшей „ночи сего міра, и чтобы, по Пророческому „изреченію, *отъ Господа управляемы бы-„ли стопы твои, да крѣпко возхощешь пу-„ти* (Псал. 36, 23.) Евангельскаго, то есть, „да восхощешь съ пламенною вѣрою чрезъ „желаніе и молитву сдѣлаться причастни-„комъ совершенныхъ Евангельскихъ заповѣ-„дей Господнихъ; то я показываю тебѣ уди-„вительный способъ и изобрѣтеніе духовна-„го искусства, требующее не тѣлеснаго „труда или подвига, но духовнаго труда, „ума и внимательной мысли, вспомоществу-„емой страхомъ и любовію къ Богу. Симъ „искусствомъ тебѣ можно будетъ удобно „прогнать полчище враговъ. И такъ есть-„ли хочешь одержать побѣду надъ стра-„стями: то молитвою и помощію Божіею

„войди въ самаго себя; проникни во глубину „сердца; преслѣдуй сихъ трехъ сильныхъ „исполиновъ: забвеніе, лѣность и невѣденіе, „которыя составляютъ подкрѣпленіе мысленныхъ иноплеменниковъ, чрезъ которыя „прочія злыя страсти входятъ, дѣйствуютъ, „живутъ, и усиливаются въ душахъ любо„сластныхъ. Чрезъ великую внимательность „и напряженіе ума, съ вышнею помощію, „найдя невѣдомое многимъ, ты возможешь „такимъ образомъ, при великой тщатель„ности и молитвѣ, избавиться отъ злыхъ „исполиновъ. Ибо усердіемъ къ истинному „познанію, къ памятованію Слова Божія и „къ доброму согласію, естьли таковое усер„діе посредствомъ дѣятельной благодати „прилѣжно возбуждается и тщательно со„храняется въ сердцѣ, изглаждаются въ „немъ слѣды забвенія, невѣденія и лѣности.“

Видишь ли согласіе духовныхъ изрѣченій? Видишь ли, какъ ясно излагается въ нихъ искусство вниманія?

Смотри также, что говорятъ намъ и слѣдующіе.

Святаго Іоанна Лѣствичника.

„Безмолвникъ есть тотъ, кто домогает„ся чуда—заключить безтѣлесное въ тѣлес„номъ домѣ. Тотъ безмолвникъ, который „сказалъ: *Я сплю, а сердце мое бдитъ.* „(Пѣсн. 5, 2.) Затвори дверь келліи для „тѣла, дверь языка для слова; и двери вну„треннія запри отъ духовъ. Сидя на высо„тѣ, наблюдай, и естьли уже умѣешь, то „примѣчай, какъ, когда, откуда, въ какомъ „числѣ, и какіе подкрадываются тати, что„бы войти и похитить виноградъ. Когда „стражъ утомится; то встанетъ, помо„лится, потомъ опять сядетъ, и мужест„венно примется за то же дѣло. Иное дѣло „наблюденіе помысловъ; а иное храненіе ума. „*Сколько отстоитъ востокъ отъ запада:* „столько и послѣднее отъ перваго, и гораз„до труднѣе того. Какъ тати, увидя лежа„щее на нѣкоторомъ мѣстѣ царское оружіе, „не кидаются на него, какъ случится: такъ „и собравшій къ сердцу молитву не прос„то окрадывается отъ мысленныхъ разбой„никовъ.“

Слышишь слова, открывающія чудное дѣланіе сего великаго Отца? Но мы, бродя какъ будто во тьмѣ, и какъ будто въ ночное сраженіе, ходя, такъ сказать, поверхъ душеполезныхъ духовныхъ словъ, добровольно слѣпотствуемъ, и оставляемъ оныя безъ вниманія.

Смотри еще и въ послѣдующемъ, что пишутъ намъ Отцы въ руководство къ трезвленію.

Аввы Исаіи.

„Когда кто отлучитъ себя отъ порока, „и точно познаетъ всѣ грѣхи, какіе учи-„нилъ предъ Богомъ (ибо не увидитъ грѣ-„ховъ, естьли не отлучитъ себя отъ нихъ „отлученіемъ горькимъ): тогда достигшій „сея степени обрѣтаетъ плачь и молитву „и способность стыдиться предъ Богомъ, „при воспоминаніи злой любви къ страстямъ. „И такъ да подвизаемся, Братія, по силѣ на-„шей; и Богъ поможетъ намъ *по множе-„ству милости своей.* И естьли мы не „соблюли сердца нашего, какъ Отцы наши:

„то постараемся сдѣлать по крайней мѣрѣ „то, что намъ возможно, сохранить тѣла „наши безъ грѣха, какъ требуетъ Богъ; и „будемъ увѣрены, что въ сіе постигшее „насъ время глада Онъ сотворитъ съ нами „милость какъ и со Святыми своими.“

Здѣсь великій сей Отецъ ободряетъ и самыхъ немощныхъ, говоря: естьли мы и не соблюли сердца нашего, какъ Отцы наши, да сохранимъ по крайней мѣрѣ тѣла наши безъ грѣха, какъ требуетъ Богъ, и Онъ сотворитъ милость и съ нами. Великое видно въ семъ Отцѣ милосердіе и снисхожденіе.

Макарія Великаго.

„Главнѣйшее дѣло подвижника есть то, „чтобы онъ, войдя въ свое сердце, вступилъ въ брань съ сатаною и возненавидѣлъ „его; и противоборствуя своимъ помысламъ, „сражался съ нимъ. А естьли кто по на„ружности и хранитъ тѣло свое отъ рас„тлѣнія и блуда; но внутренно прелюбодѣй„ствуетъ отъ Бога, и любодѣйствуетъ съ „помыслами: таковому нѣтъ никакой пользы

„въ томъ, что онъ имѣетъ тѣло дѣвствен-
„ное. Ибо въ Писаніи сказано: *Взглянувшій „на женщину съ похотствованіемъ уже „любодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ.* „Ибо есть блудъ, тѣломъ совершаемый; и „есть блудъ души, когда она сообщается „съ сатаною."

Сей великій Отецъ, по видимому, противорѣчитъ словамъ вышеприведеннаго Отца, Аввы Исаіи; но нѣтъ. Ибо и тотъ увѣщеваетъ насъ хранить тѣла наши, какъ требуетъ Богъ; Богъ же требуетъ чистоты не только тѣлесной, но и духовной; и сей на основаніи Евангельскихъ заповѣдей то же намъ предписываетъ.

Д і а д о х а.

„Живущій всегда въ своемъ сердцѣ со„вершенно чуждается красотъ житейскихъ. „Ибо, ходя духомъ, плотскихъ похотей „знать не можетъ. И такъ когда таковый „ходитъ въ оградѣ добродѣтелей, имѣя са„мыя добродѣтели какъ бы стражами вхо-

„довъ: тогда ухищренія бѣсовъ противъ не-
„го бываютъ уже недѣйствительны."

Прекрасно сказалъ сей Святый, что ухищренія враговъ бываютъ недѣйствительны, тогда то есть, когда мы пребываемъ во глубинѣ сердца нашего, и тѣмъ паче недѣйствительны, чѣмъ долѣе мы тамъ остаемся.

Но я знаю, что не достало бы мнѣ времени, естьли бы я захотѣлъ въ настоящемъ сказаніи приводить слова всѣхъ Отцевъ. И такъ приведу еще одного или двухъ, и поспѣшу окончить сіе Слово.

Исаака Сиріянина.

„Старайся войти въ храмину, находящую-
„ся внутри тебя; и увидишь храмину не-
„бесную. Ибо и та и другая есть одна, и
„однимъ входомъ открываются обѣ. Лѣст-
„вица къ царствію оному скрыта внутри
„тебя, то есть, въ душѣ твоей. И такъ
„омой себя отъ грѣха, и найдешь тамъ сте-
„пени, по которымъ восходить можешь."

Карпаѳія.

„Великій подвигъ и трудъ потребенъ въ „молитвахъ, чтобы обрѣсти невозмущаемое „состояніе мысли, другое нѣкое небо въ „сердцѣ, гдѣ живетъ Христосъ, какъ гово„ритъ Апостолъ: *Или вы не примѣчаете, „что Христосъ живетъ въ васъ? развѣ „только вы въ чемъ неисправны.*“

Симеона Богослова.

„Діаволъ съ бѣсами, съ того времени, „какъ нарушеніемъ послушанія удалилъ че„ловѣка изъ рая отъ Бога, открылъ удоб„ность, умственно возмущать у человѣка „мыслящую силу и ночью и днемъ, у одного „много, у другаго мало, у инаго больше. И „не иначе можно ее оградить, какъ непре„станнымъ памятованіемъ о Богѣ, когда не„поколебимо утвердитъ оную памятованіе „о Богѣ, водрузясь въ сердцѣ силою крест„ною. Ибо къ сему ведетъ мысленный под„вигъ, для совершенія котораго каждый Хри„стіанинъ вступилъ на поприще вѣры Хри„стовой; а иначе онъ вотще подвизается.

„Къ таковому подвигу направляются всѣ „многоразличныя упражненія всякаго зло„страждущаго для Бога: дабы подвигнуть „милосердіе Всеблагаго, да дастъ Онъ паки „оное первое достоинство, и да впечат„лѣется въ мыслящей силѣ Христосъ, какъ „говоритъ Апостолъ: *Чада мои, которы„ми я паки болѣзную, пока не вообразит„ся Христосъ въ васъ.*"

Понимаете ли, братія, что есть духовная наука, или способъ, который дѣйствующаго по нему скоро возводитъ къ безстрастію и Боговидѣнію? Увѣряетесь ли, что всякая дѣятельность, какъ листье на деревѣ, безъ плода является предъ Богомъ, и остается тщетною во всякой душѣ, не имѣющей храненія ума? И такъ поспѣшимъ, чтобы не умереть безъ плода, и не раскаяваться безполезно.

Вопросъ. Изъ настоящаго сочиненія мы познаемъ, какой былъ образъ дѣйствованія у благоугодившихъ Господу, и что есть нѣкое дѣланіе, скоро освобождающее душу отъ страстей и сочетавающее съ любовію къ

Богу, потребное для всякаго воина Христова; и въ семъ мы не сомнѣваемся, и даже весьма увѣрены. Но просимъ научить насъ, что есть вниманіе, и какъ сподобляются снискать оное? Ибо мы въ семъ дѣлѣ совсѣмъ несвѣдущи.

Отвѣтъ. Во имя Господа нашего Іисуса Христа, рекшаго: *Безъ Мене не можете дѣлать ничего*, призвавъ Его въ помощника и содѣйственника, я попщусь по возможности показать, что есть вниманіе, и какъ въ немъ при благоволеніи Божіемъ успѣть можно.

Самаго Никифора.

Нѣкоторые Святые называли вниманіе храненіемъ ума, другіе блюденіемъ сердца, иные трезвленіемъ, иные умнымъ безмолвіемъ, или покоемъ, иные иначе. Всѣ сіи названія означаютъ одно и то же. Разумѣй сіе подобно тому, естьли какъ бы кто сказалъ: хлѣбъ, или: ломоть, или: кусокъ. Что же есть вниманіе, и какія свойства его, примѣчай тщательно: вниманіе есть признакъ ис-

кренняго покаянія; вниманіе есть воззваніе души горѣ, ненавидѣніе міра и обращеніе къ Богу; вниманіе есть отверженіе грѣха, и воспріятіе добродѣтели; вниманіе есть несомнительное доказательство прощенія грѣховъ; вниманіе есть начало созерцанія, или лучше основаніе созерцанія. Ибо чрезъ оное Богъ, преклоняясь, является уму. Вниманіе есть невозмущенное состояніе ума, или лучше, неизмѣнность сего состоянія, милостію Божіею душѣ дарованная. Вниманіе есть низложеніе помысловъ, святилище памятованія о Богѣ, и сокровищница терпѣнія въ напастяхъ. Вниманіе есть источникъ вѣры, надежды и любви. Ибо кто не увѣруетъ; тотъ не приметъ находящихъ отвнѣ скорбей. А кто не приметъ съ радостію скорбей, тотъ не скажетъ Господу: *Ты заступникъ мой и прибѣжище мое.* (Псал. 90, 2.) И естьли не положитъ прибѣжища своего во Всевышнемъ: то наперсникомъ любви Его не будетъ. Въ семъ, изъ великихъ великомъ дѣлѣ, многіе, естьли не всѣ, успѣваютъ преимущественно чрезъ наставленіе. Ибо рѣдки тѣ, которые безъ наставленія усиліемъ собственнаго упражненія и теплотою вѣры

отъ Бога сіе получили; а рѣдкое не законъ. И потому надлежитъ искать не заблудшаго наставника, что бы онъ, указывая намъ встрѣчающееся при вниманіи одесную и ошуюю, то есть, недостатки и излишества, отъ лукаваго приходящія, училъ и руководствовалъ насъ, открывая намъ искушенія, которыя самъ претерпѣлъ, и такимъ образомъ несомнѣнно показывалъ намъ сей мысленный путь и мы бы удобно проходили онымъ.

Естьли нѣтъ наставника; должно искать его усильно. А естьли не находишь: то призвавъ Бога съ сокрушеніемъ и слезами, и поклонясь Ему съ признаніемъ бѣдности, поступи, какъ я скажу тебѣ . . . .
И такъ ты сядь, собери умъ свой, и принуждай его низходить въ сердце. Когда умъ войдетъ туда; послѣдующее за тѣмъ будетъ не безъ радости и веселія. Какъ мужъ отлучавшійся изъ дома своего, когда возвращается, не знаетъ, что и дѣлать отъ радости о томъ, что увидѣлся съ дѣтьми и женою: такъ и умъ, когда съ душею соединится, исполняется несказанной радости и

веселія. И шакъ, брашъ мой, пріобучай умъ не скоро выходишь оттуда. Ибо правда, что въ началѣ ему не нравится сжатіе и тѣснота внутренности: но когда онъ привыкаетъ, тогда уже не любитъ носиться внѣ. *Ибо внутрь насъ есть царствіе небесное*, которое онъ тамъ разсматривая, и чистою молитвою ища онаго, все внѣшнее тягостнымъ и отвратительнымъ почитаетъ. Есть ли ты сказаннымъ образомъ скоро войдешь умомъ въ мѣсто сердечное, которое я тебѣ показалъ: то благодари Бога и прославляй и веселись, и держись сего дѣланія всегда; оно научитъ тебя тому, чего ты не знаешь. Надобно же тебѣ примѣчать и то, что когда умъ твой туда входитъ, тогда не должно оставаться въ молчаніи и бездѣйствіи, но имѣть непрестаннымъ дѣломъ и занятіемъ сію молитву: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя*; и никогда сего не прекращать. Ибо сіе, удерживая умъ отъ воспаренія, дѣлаетъ его неприкосновеннымъ и неприступнымъ для нападеній врага, и со дня на день вводитъ его въ любовь и желаніе Божественное.

Но естьли ты, брать мой, много тру-дившись, не возможешь войти въ область сердца, какъ я тебѣ показалъ: то поступи, какъ скажу тебѣ; и при содѣйствіи тебѣ Божіемъ найдешь искомое. Ты знаешь, что словесная сила у всякаго человѣка находится въ груди: ибо внутрь персей, когда молчатъ уста наши, мы говоримъ и желаемъ, и молитвы творимъ, и псалмопѣнія, и другое подобное. И такъ сей словесной силѣ, изгнавъ изъ нея всякой помыслъ, (ибо можешь изгнать, естьли захочешь) дай сей урокъ: *Господи, Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя*; и принуждай ее вмѣсто инаго помышленія всегда внутри взывать сіе. Когда сдержишь сіе въ продолженіи нѣкотораго времени: то чрезъ сіе безъ всякаго сомнѣнія откроется тебѣ и сердечный входъ, какъ мы тебѣ написали, и какъ и мы дознали опытомъ.

Съ многовождѣленнымъ же и сладостнымъ вниманіемъ придетъ къ тебѣ и весь ликъ добродѣтелей, любовь, радость, миръ, и прочія, чрезъ которыя всѣ прошенія твои получишь во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ,

съ которымъ Отцу купно и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

XII.

БЕСѢДА

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

Произнесенная въ Антіохіи, въ Церкви, такъ называемой, Древней, когда онъ былъ еще Пресвитеромъ, по случаю низверженія статуй благочестиваго Царя Ѳеодосія, и на текстъ Апостола: *Богатымъ нынѣшняго вѣка запрети высокомудрствовать.* 1 Тим. 6, 17.

1. Что мнѣ сказать, чѣмъ начать мою бесѣду? Теперь время не рѣчи а слезъ,—не словъ а стенаній, не проповѣди, но молитвеннаго сокрушенія. Столь велика прошедшая дерзость! такъ смертоносна рана! столь глубоко уязвленіе! На землѣ нѣтъ для насъ врача, развѣ только на небѣ. Іовъ, лишась всего, сидѣлъ на гноищѣ; друзья, услышавъ о семъ, пришли, и узрѣвъ его издалеча, растерзали одежды, осыпались пепломъ и сильно возстенали. Сіе же самое должно было

сдѣлать всѣмъ окрестнымъ городамъ, придти въ нашъ городъ и со всѣмъ сострадані емъ оплакать случившееся. Іовъ тогда сидѣлъ на гноищѣ, нашъ городъ нынѣ сидитъ въ великихъ сѣтяхъ; діаволъ, какъ тогда вскочилъ во всѣ стада и захватилъ все стяжаніе Праведнаго, такъ и нынѣ возненстовствовалъ во всемъ городѣ. Впрочемъ и тогда и нынѣ попустилъ Богъ; тогда, дабы тяжестію искушеній тѣмъ болѣе прославить Праведника; нынѣ, дабы великостію настоящихъ бѣдствій содѣлать насъ кротчайшими.

Дайте мнѣ оплакать настоящій случай; я молчалъ седьмь дней, какъ друзья Іова; дайте же мнѣ нынѣ открыть уста мои и оплакать всеобщее бѣдствіе. Кто васъ очаровалъ, возлюбленные? Кто вамъ позавидовалъ? Откуда такое превращеніе? Не было ничего почтеннѣе нашего города; ничего не стало достойнѣе сожалѣнія. Народъ, толико благонравный и кроткій, и, какъ ручной и смирный конь, всегда покорный рукамъ правителей, вдругъ нынѣ разсвирѣпѣлъ, и отважился на такія наглости, о кото-

рыхъ и говоритъ стыдно. Я терзаюсь и стенаю не о великости ожидаемаго мщенія, но о чрезвычайности прошедшаго бѣшенства; ибо хотя бы царь и не возмутился, хотя бы и не разгнѣвался и отложилъ казнь; впрочемъ скажите мнѣ, какъ намъ снести безчестіе, коимъ покрылъ насъ сей случай. Плачь пресѣкаетъ мое слово, едва могу открыть уста, подвигнуть языкъ и произносить слова; глубокая печаль, какъ узда, возпящаетъ языкъ мой, связываетъ слово. Прежде ничего не было привлекательнѣе нашего города; нынѣ ничего не стало унывнѣе. Какъ пчелы жужжатъ вокругъ сотовъ, такъ жители нашего города каждый день ходили вокругъ площади, и всѣ за толикое множество народа прежде почитали насъ счастливыми; но вотъ нынѣ улей сей сталъ пустынею; ибо какъ пчелъ прогоняетъ дымъ, такъ насъ разсѣялъ страхъ. Что произнесъ Пророкъ, оплакивая Іерусалимъ, то же самое прилично сказать и намъ: городъ нашъ сдѣлался какъ Теревинѳъ, отметнувшій листвія; какъ садъ, не имѣющій воды. (Иса. 1, 30.) Ибо, какъ неорошаемый садъ представляетъ дерева безъ листьевъ и плодовъ; то-

што таковымъ нынѣ сдѣлался и нашъ городъ: какъ скоро оставила его Вышняя помощь, онъ сталъ пустъ и лишился почти всѣхъ жителей. Нѣтъ ничего любезнѣе отечества; нынѣ нѣтъ ничего отвратительнѣе; всѣ бѣгутъ его, какъ сѣти, оставляютъ, какъ пропасть, выскакиваютъ, какъ изъ горящаго костра. Какъ отъ дома, объятаго пламенемъ, убѣгаютъ съ великою торопливостію не только тѣ, кои живутъ въ немъ, но и сосѣды, заботясь спасти хотя нагое тѣло; такъ и нынѣ Царскаго гнѣва, какъ нѣкотораго огня, свыше грозящаго паденіемъ, прежде нежели онъ на кого либо упадетъ, каждый спѣшитъ убѣжать и спасти отъ него хотя нагое тѣло. Наше бѣдствіе сдѣлалось для насъ самихъ загадкою: безъ враговъ бѣгство: безъ сраженія переселеніе, безъ плѣна узы; мы не видали вражескаго огня, не видали вражескаго лица, а терпимъ то же, что плѣнные.

Всѣ нынѣ узнаютъ о нашихъ бѣдствіяхъ; бѣглецы наши будутъ вѣстниками пораженія, постигшаго нашъ городъ Впрочемъ я сего не стыжусь и не краснѣю; пусть

узнающъ всѣ о злополучіи нашего города, дабы, сострадая машери, вознесли общій отъ всей земли голосъ къ Богу, и единодушно отъ Царя Небеснаго испросили милость на всеобщую машь и пишашельницу. Потрясенъ былъ прежде нашъ городъ, но нынѣ колеблюшся и самыя души жишелей; шогда шряслись основанія домовъ, нынѣ сошрясаешся у каждаго самое основаніе сердца; нынѣ мы всѣ каждый день видимъ смершь предъ глазами нашими, живемъ въ непресшанномъ страхѣ, несемъ наказаніе Каина; шерпимъ шо, чего не шерпяшъ заключенные въ шемницахъ; находимся въ шакой осадѣ, коей не было примѣра: Ибо иные, шерпя отъ враговъ осаду, бывающъ заключены шолько внушри городскихъ спѣнъ; но намъ и торжище сдѣлалось неприсшупнымъ, всякой заключенъ въ спѣнахъ своего дома, и какъ осажденнымъ не льзя безъ опасносши вышши за спѣну города, по причинѣ враговъ, его облежащихъ; шакъ нынѣ многимъ изъ жишелей нашего города не льзя безбѣдно вышши изъ дома, и явишься на площади: поелику всюду ловяшъ и виновныхъ и невинныхъ, похищающъ изъ среды шоржища, и влекушъ въ судебныя мѣ-

ста безъ всякаго разбора. По сему то господа вмѣстѣ съ своими рабами сидятъ въ своихъ домахъ, какъ въ темницѣ. Кто схваченъ, кто уведенъ, кто казненъ сего дня, и какимъ образомъ, тѣмъ единственно и занимаются, о томъ только и спрашиваютъ тѣхъ, у коихъ можно узнать о семъ, не подвергаясь бѣдѣ; проводятъ жизнь бѣдственнѣйшую всякой смерти, бывъ принуждены каждый день оплакивать бѣдствіе другихъ; и съ трепетомъ помышляя о своемъ спасеніи, ничѣмъ не лучше мертвыхъ, умерши давно отъ страха.

Но естьли бы кто, будучи свободенъ отъ сего страха и увѣренъ въ безопасности собственной жизни, рѣшился выпти на площадь; то плачевный видъ ея заставилъ бы его уйти въ свой домъ; ибо онъ увидѣлъ бы, что тамъ, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ множество народа превышало обиліе рѣчныхъ потоковъ, бродитъ одинъ, много два человѣка, и то съ поникшимъ лицемъ, съ сердцемъ растерзаннымъ печалію. Какъ садъ, вырубленный по мѣстамъ, представляетъ печальный видъ, такъ и нашъ городъ, по

уменьшеніи жителей, изъ коихъ немногіе появляются коегдѣ, представляетъ видъ самый непріятный, и у взирающихъ на него исторгаетъ вздохи и слезы. Не только земля, даже самый воздухъ кажется мнѣ какъ бы унылымъ, самые лучи солнца, кажется, потеряли прежній блескъ; не потому, будто въ самомъ дѣлѣ естество стихій измѣнилось, но что наши глаза, покрывшись облакомъ скорби, не могутъ свободно и съ прежнею живостію принимать дневнаго свѣта. Объ этомъ-то съ плачемъ говорилъ нѣкогда Пророкъ: Зайдетъ для нихъ солнце въ полдень, и померкнетъ день. (Амос. 8, 9.) Сіе онъ сказалъ не съ тѣмъ, будто въ самомъ дѣлѣ сокроется солнце и померкнетъ день, но что скорбящіе, по причинѣ мрака печали, даже и въ полдень не узрятъ свѣта. Что дѣйствительно случилось и съ нами: ибо куда кто ни обратитъ взоръ свой, на землю ли, на стѣны ли, на столпы ли городскіе, или на сосѣдей своихъ, ему представляется, будто видитъ ночь и густѣйшій мракъ. Толикою все исполнилось скорбію! Всюду безмолвіе, соединенное съ ужасомъ, повсюду запустеніе; изчезъ оный любезный

шумъ народа, и какъ бы скрылся подъ землю; жители подобны нѣмымъ камнямъ (такое безмолвіе царствуетъ въ городѣ!). Бѣдствіями, какъ бы цѣпью, окованы уста каждаго, и содержатся въ такомъ глубочайшемъ безмолвіи, какъ бы насъ окружили враги, и положили погубить всѣхъ огнемъ и мечемъ.

Прилично стало нынѣ воззвать: пошлите къ женамъ плачущимъ, пусть онѣ придутъ; пошлите къ женамъ мудрымъ, пусть онѣ вознесутъ голосъ свой. Да изліютъ очи ваши воду, и зеницы ваши слезы; холмы, пріимите плачь; горы, пріимите стенанія! Призовемъ всю тварь къ состраданію о нашихъ бѣдствіяхъ. Городъ толико обширный, глава всего востока, трепещетъ исторженія изъ среды вселенныя; недавно многочадный нынѣ внезапно сталъ безчаденъ, и нѣтъ помогающаго; прелику оскорбленный не имѣетъ на землѣ себѣ равнаго; онъ Царь, верхъ и глава всѣхъ людей, живущихъ на землѣ. По сему то намъ остается прибѣгнуть только къ Царю Небесному; Его призовемъ на помощь; естьли Онъ не призритъ на насъ окомъ бла-

говоленія, то никто не утѣшитъ насъ въ настоящемъ бѣдствіи.

Я хотѣлъ было здѣсь окончить мою бесѣду; ибо скорбящія души не любятъ продолжительнаго собесѣдованія. Какъ огустившееся облако, ставъ между лучами солнца и землею, обращаетъ назадъ весь блескъ ихъ; такъ точно и облако печали, доколѣ стоитъ близъ нашей души, не даетъ свободнаго прохода слову, но какъ бы задушаетъ его собою, и сіе бываетъ не только съ проповѣдниками, но и съ слушателями. Ибо скорбь, какъ не дозволяетъ съ удобностію изходить слову изъ души говорящаго, такъ точно не позволяетъ ему упадать на сердца слушающихъ съ надлежащею силою. По сему-то и Іудеи, трудившіеся нѣкогда надъ копаніемъ земли и сѣченіемъ камней, не могли слушать Моисея, разглагольствовавшаго съ ними о ихъ спасеніи; печаль заграждала словамъ путь къ сердцу, и притупляла слышаніе. И такъ здѣсь хотѣлъ и я окончить свое слово; но размыслилъ, вспомнивъ, что облако не всегда можетъ пресѣкать лучамъ солнечнымъ дальнѣйшій путь,

но нерѣдко само разгоняется ими. Ибо когда солнце бросаетъ непрерывно лучи свои на облако; то нерѣдко расторгаетъ его, и, снова возсіявъ, всецѣло открывается предъ очами зрящихъ. То же самое и я надѣюсь нынѣ сдѣлать; надѣюсь, что слова мои, непрестанно звуча, и одно за другимъ ударяя въ сердца ваши, расторгнутъ наконецъ облако скорби и снова просвѣтятъ ваши мысли Божественнымъ ученіемъ.

И такъ предайте мнѣ души ваши; возбудите сколько нибудь слухъ свой; отриньте печаль вашу; возвратимся къ прежнему обыкновенію нашему: какъ прежде мы привыкли сюда стекаться съ радостію, сдѣлаемъ то же и нынѣ, возложивъ все на Бога; сіе вѣрно поможетъ намъ избавиться настоящихъ бѣдствій. Ибо когда Богъ увидитъ насъ со вниманіемъ слушающихъ слово Его, и въ самой тѣснотѣ обстоятельствъ не уклоняющихся отъ любомудрія; то вскорѣ приметъ насъ подъ свою защиту, обратитъ настоящую бурю въ тишину, и усугубитъ блага свои. Христіанинъ, кромѣ другихъ отличій, долженъ еще отличаться отъ невѣр-

ныхъ и великодушнымъ перенесеніемъ всего, возносясь на крилахъ надежды превыше всѣхъ бѣдствій и золъ. Вѣрный поставленъ на высокой скалѣ, а потому не боится треволненій. Пусть воздымаются волны искушеній; онѣ не досягаютъ стопъ его; онъ стоитъ превыше всякаго навѣта. И такъ, да не унываемъ, возлюбленные! Мы никогда столько не печемся о нашемъ спасеніи, сколько печется о немъ сотворившій насъ Богъ. Возкрылимъ себя сею надеждою, и съ прежнею готовностію будемъ слушать то, что имѣетъ быть сказано.

Недавно произнесъ я къ вашей любви пространную бесѣду; всѣхъ тогда видѣлъ я покорными, каждый слушалъ оную со вниманіемъ до самаго конца; благодарю васъ за таковое усердіе; я получилъ награду за свои труды; но я искалъ тогда отъ васъ и другой награды, я думаю, вы это знаете и помните. Но какая это награда? Образумить, наказать и укротить городскихъ нечестивцевъ, дерзающихъ возносить хулу на Бога, я не думаю, чтобы сіе было сказано отъ меня самаго; это вложилъ во уста мои

Богъ, провидѣвшій, что имѣетъ послѣдовать. Ибо естьли бы мы наказали тѣхъ, которые дерзнули на толикое беззаконіе, то конечно не случилось бы нынѣ съ нами того, что случилось. Не гораздо ли лучше было бы даже подвергнуться опасности, даже, естьли то не избѣжно, потерпѣть что нибудь, обуздывая и укрощая ихъ богопротивное буйство (ибо сіе значило бы стяжать вѣнецъ мученическій), нежели нынѣ страшиться, трепетать и ожидать смерти по причинѣ безчинствъ, оказанныхъ сими возмутителями? Смотрите! преступленіе произошло отъ немногихъ, а вина пала на всѣхъ; за нихъ трепещемъ теперь всѣ мы, за ихъ дерзость сами несемъ наказаніе. Но естьли бы, предупредивъ сіе, мы укротили ихъ, или выслали изъ города, то есть, изцѣлили или отсѣкли гнилые члены; то не были бы принуждены трепетать отъ настоящаго страха. Я знаю, что характеръ здѣшнихъ гражданъ издавна свободный и благородный; знаю, что отважились на злодѣяніе не граждане, а пришельцы, бродяги, злодѣи, люди погибельные и отчаянные, по сему-то я и не преставалъ взывать и внушать вамъ: накажемъ бѣшенство

богохульниковъ, постараемся образумить ихъ, попечемся о ихъ спасеніи, хотя бы сіе стоило кому нибудь изъ насъ и самой жизни. Великую пользу принесетъ намъ сей трудъ; не будемъ равнодушными свидѣтелями безчестія, наносимаго общему всѣхъ Владыкѣ. Великое зло постигнетъ городъ нашъ, естьли презримъ сіе. Что предрекалъ я, то случилось нынѣ; вотъ мы уже несемъ казнь за свою безпечность. Ты презрѣлъ поносимаго Бога, и вотъ Онъ попустилъ быть оскорбленнымъ Царю, дабы мы всѣ безъ исключенія подверглись крайней опасности и дабы настоящій страхъ отмстилъ намъ за прежнюю безпечность.

Ужели я напрасно и безразсудно предсказывалъ сіе, и непрестанно докучалъ вамъ, возлюбленные? Но вы не внимали сему прежде; по крайней мѣрѣ, вонмите теперь, да образумитъ насъ настоящее бѣдствіе: обуздаемъ возмутительное бѣшенство оныхъ людей; заградимъ ихъ уста, заключимъ ихъ, какъ смертоносные источники, и обратимъ въ противную сторону: тогда изчезнутъ сами собою злоключенія, дер-

жащія городъ нашъ какъ бы въ осадѣ. Церковь не есть зрѣлище, гдѣ слушаютъ только для удовольствія; отсюда должно выходить съ назиданіемъ, чтобы сколько нибудь, но вынесть съ собою. Напрасно мы пришли сюда, естьли, получая здѣсь назиданіе, выдемъ отсюда ничемъ не лучше, какъ и вошли. Какое мнѣ удовольствіе въ рукоплесканіяхъ? Что мнѣ нужды до шумныхъ похвалъ? Для меня то похвала, когда вы своими дѣяніями осуществляете все то, что я говорю вамъ. Тогда я буду торжествовать и почту себя блаженнѣйшимъ; когда прославите меня не рукоплесканіемъ, но ревностнымъ исполненіемъ на дѣлѣ того, что отъ меня услышите. Каждый да назидаетъ ближняго; ибо Апостолъ говоритъ: *Созидайте кійждо ближняго.* (1 Сол, 5, 11.) Естьли мы сего не будемъ дѣлать: то хотя бы преступленіе произведено было однимъ человѣкомъ, нанесетъ всему городу тягчайшій ударъ. Вотъ мы, совершенно невинные, страшимся и трепещемъ не менѣе тѣхъ, которые дерзнули на преступленіе; трепещемъ, чтобы гнѣвъ Царя не отяготѣлъ и на насъ вмѣстѣ съ ними. Теперь

не послужитъ тебѣ во оправданіе, естьли скажешь: я не былъ дома, не хотѣлъ возмущенія и не былъ соучастникомъ онаго; за сіе-то и неси наказанія, и терпи смертную казнь, скажутъ тебѣ, что ты не былъ, не возпрепятствовалъ, не удержалъ бунтующихъ, не сталъ до крови за честь Царя. Ты не былъ въ обществѣ мятежныхъ? Хвалю и радуюсь: но ты не остановилъ случившагооя; и потому осуждаешься. То же самое услышимъ и отъ Бога за то, что оставляли безъ вниманія хулы и поношенія, на Него изрыгаемыя. Ибо и скрывшій въ землѣ талантъ осужденъ былъ не за злодѣянія (потому что онъ возвратилъ въ цѣлости данное), а за то, что не усугубилъ врученнаго, не научилъ другихъ, не отдалъ злата своего торговщикамъ, не утѣшалъ, не подавалъ совѣта, не запрещалъ, не уклонялъ отъ злодѣяній мятущихся сосѣдей; вотъ за что безъ милости онъ былъ отосланъ на тяжкія мученія. Впрочемъ естьли не прежде, по крайней мѣрѣ, нынѣ я твердо надѣюсь, что вы исправитесь, и не потерпите, что бы имя Божіе было поносимо: ибо обстоятельства наши таковы, что сами со-

бою, безъ внушенія другихъ, могутъ лежащихъ въ самомъ безчувственномъ усыпленіи возбудить къ попеченію о своемъ спасеніи.

Но намъ время предложить обыкновенную трапезу изъ ученія Апостола Павла, нынѣ чтеннаго и предложеннаго всѣмъ. Что же было читано? *Богатымъ нынѣшняго вѣка запрети высокомудрствовать.* (1 Тим. 6, 17.) Сказавъ: *Богатымъ нынѣшняго вѣка,* Апостолъ показалъ, что есть другіе богатые будущаго вѣка; таковъ, на примѣръ, былъ упоминаемый въ Евангеліи Лазарь. Въ настоящей жизни онъ былъ бѣденъ, но въ будущей богатъ. Онъ не имѣлъ золота, серебра, или другаго какаго нибудь тлѣннаго и привременнаго богатства; но получилъ тѣ неизреченныя блага, которыхъ глазъ не видѣлъ, ухо не слыхало, и которыя на сердце человѣческое никогда не приходили. Ибо то истинное богатство, которое никогда не истлѣваетъ, и не подлежитъ никакой перемѣнѣ. Но не таковъ богачъ, презиравшій сего бѣдняка; онъ тамъ сдѣлался всѣхъ бѣднѣе. Ибо послѣ толикаго изобилія желалъ себѣ капли воды, но не удостоился и той (до

шакого дошелъ убожества!). Апостолъ сказалъ: *Богатымъ нынѣшняго вѣка—для* того, дабы шы зналъ, что обладаніе богатствомъ изчезаешъ вмѣстѣ съ настоящею жизнію; оно не преселяется съ обладашелемъ своимъ въ вѣчность, не сопутствуетъ ему за гробомъ, но по большой части оставляетъ его еще прежде смерти; что также самъ Апостолъ объясняетъ, присовокупляя: *ниже уповати на богатство погибающее.* Подлинно, нѣтъ ничего ненадежнѣе богатства. Я часто говорилъ, и никогда не престану внушать вамъ, что оно неблагодарный бѣглецъ, невѣрный рабъ; хотя бы ты оковалъ его тысячію оковъ, онъ убѣжитъ и съ ними: ибо часто обладатели запирали оное за многими дверьми крѣпкими запорами, и приставляли стражами рабовъ; но оно, прельстивъ ихъ, убѣгало и съ самыми стражами, влеча ихъ за собою, какъ цѣпи. И такъ что ненадежнѣе его? Да и кто столько жалокъ, какъ собиратели и рачители богатствъ, когда они стараются собирать столь тлѣнныя и неудобоудержимыя вещи, не слушая Пророка говорящаго: *Горе надѣющимся на силу свою и хвалящимся множествомъ*

богатствъ своихъ? (Псал. 48, 7.) Скажи мнѣ, почему горе? *Сокровиществуетъ*, говоритъ онъ, *и не вѣсть, кому соберетъ я;* ибо трудъ явенъ, а польза сокрыта. Часто для враговъ трудишься и истощаешь силы свои: весьма удобно можетъ случиться, что имѣніе, по смерти твоей, достанется въ наслѣдство врагамъ твоимъ, тысящекратно противу тебя злоумышлявшимъ; съ тобою останутся одни грѣхи, а обладаніе богатствомъ, грѣхами твоими пріобрѣтеннымъ, достанется имъ.

Достойно также разсмотрѣнія и то, почему Апостолъ не сказалъ: *Богатымъ нынѣшняго вѣка* запрещай богатѣть, или: совѣтуй раздавать имѣніе и сдѣлаться бѣдными, а сказалъ: *Запрещай высокомудрствовать.* Онъ зналъ, что корень и основаніе богатства есть безумная надменность; зналъ, что кто знакомъ съ умѣренностію, тотъ не будетъ много заботиться о богатствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, скажите мнѣ, для чего богатый имѣетъ столько рабовъ, ласкателей, льстецовъ и прочія принадлежности пышности? Конечно не по нуждѣ, а по одной без-

умной гордости, чтобы, окруженный ими, онъ казался почтеннѣйшимъ предъ прочими людьми. Притомъ Апостолъ зналъ, что богатство не воспрещается, естьли оно будетъ употребляемо должнымъ образомъ: ибо, какъ я говорилъ, что не вино худо, а пьянство; такъ точно не богатство худо, но жадность и сребролюбіе, соединенныя съ богатствомъ. Иное дѣло сребролюбивый, а иное богатый. Сребролюбивый не бываетъ богатъ; онъ всегда нуждается во многомъ, а таковый что за богатый? Сребролюбецъ стражъ своего имущества, а не обладатель, рабъ, а не владыка. Онъ лучше отрежетъ другому часть тѣла своего, нежели дастъ что либо изъ закопаннаго золота: онъ такъ стережетъ его и бдитъ надъ нимъ, какъ бы ему было приказано строжайшимъ образомъ, чтобы никто до сокрытаго у него не касался; бдитъ надъ своимъ, какъ надъ чужимъ. Да и въ самомъ дѣлѣ оно для него чужое: ибо можно ли почесть его собственностію то, чего онъ не можетъ дать другимъ и раздѣлить съ бѣдными, хотя бы принуждали его къ тому наказаніями самыми тяжкими? Можно ли почесть стяжаніемъ

его то, чѣмъ онъ не можетъ свободно располагать даже для собственной своей выгоды? Сверхъ того Апостолъ Павелъ обыкновенно не всѣмъ все повелѣваетъ, но часто снисходилъ немощамъ слушателей, что также дѣлалъ и Іисусъ Христосъ. Ибо богачу оному, который, пришедъ къ Нему, бесѣдовалъ съ Нимъ о жизни вѣчной, не сказалъ вдругъ: *Иди, продай имѣніе твое.* (Лук. 18.) Но оставивъ сіе до времени, началъ съ нимъ бесѣдовать о другихъ заповѣдяхъ. Потомъ, когда сей спросилъ его, *что еще остается мнѣ,*—и тогда не сказалъ прямо: *Иди, продай все имѣніе твое,*—но сказалъ: *Ежели желаешь быть совершенъ, иди, продай все имѣніе твое;* какъ бы такъ сказалъ: Я отдаю сіе на твою волю, не налагаю на тебя необходимости, выбирай самъ любое. Почему и Павелъ ничего не говорилъ богатымъ о бѣдности, а только о смиренномудріи, какъ по причинѣ немощи своихъ слушателей, такъ и потому, что весьма твердо зналъ, что умѣренность можетъ освободить ихъ не только отъ безумной надменности, но и отъ страсти къ собиранію богатствъ.

Научивъ не высокомудрствовать, Апостолъ показываетъ потомъ и способъ, какъ освободиться отъ высокомудрія: какой же сей способъ? Поелику онъ глубоко проникъ въ естество богатства и зналъ, что оно непрочно и лукаво; то по сему присовокупилъ: *ниже уповати на богатство погибающее*. Не тотъ богатъ, кто много пріобрѣлъ, но тотъ, кто много раздалъ. Богатъ былъ Авраамъ, но несребролюбивъ, ибо онъ не заглядывалъ въ чужіе домы, не высматривалъ чуждыя стяжанія, но вышедъ изъ своего дома, смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ странника, или бѣднаго; чтобъ помочь послѣднему и угостить перваго. Онъ не покрылъ своей кровли золотомъ, но близь дуба состроилъ кущу, будучи доволенъ тѣнію листовъ. Не смотря на то гостинница его была столь блистательна, что и Ангели не погнушались въ ней остановиться; ибо они искали не блистательнаго дома, но добродѣтельной души. Будемъ и мы, возлюбленные, его подражателями, раздѣлимъ имѣніе наше съ тѣми, кои терпятъ нужду. Гостинница Авраамова была сдѣлана безъ искусства, но оказалась свѣтлѣе царскихъ чертоговъ. Ни одинъ царь никогда не прини-

малъ къ себѣ Ангеловъ: но сей человѣкъ, обитавшій подъ дубомъ, сосшроившій себѣ бѣдную кущу, удостоился сей чести; впрочемъ не потому, что домъ его былъ самый скудный, но потому, что имѣлъ богатую добродѣтелями душу, имѣлъ богатство небесное, сокрытое въ душѣ Его. Не будемъ и мы много заботиться о украшеніи нашихъ домовъ, но прежде домовъ украсимъ свои души.

Въ самомъ дѣлѣ какъ не стыдно для пустаго тщеславія украшать стѣны мраморомъ, а Христа нашего, ходящаго по улицамъ, пренебрегать. Какая тебѣ, человѣкъ, польза въ блистательномъ домѣ, когда ты, умирая, не возмешь его съ собою, а возмешь одну душу? Вотъ нынѣ окружили насъ бѣдствія; пусть предстанутъ намъ домы наши, пусть избавятъ насъ отъ золъ, намъ угрожающихъ: но нѣтъ, они не могутъ. Да вы и сами доказываете сіе, когда, оставя ихъ пустыми, съ опрометчивостію бѣжите отъ нихъ, страшась ихъ, какъ узъ или сѣтей. Но, можетъ быть, намъ помогутъ нынѣ деньги; увы! отрицаются и сіи, говоря: „намъ нѣтъ вре-

мени.“ Но естьли нынѣ, когда гнѣвается человѣкъ, деньги отказываютъ намъ въ своей помощи; то кольми паче онѣ измѣняютъ намъ предъ безмездным судомъ Божіимъ! Естьли нынѣ, когда подобный намъ человѣкъ оскорбился и воспылалъ гнѣвомъ, деньги оказались безсильными; то кольми паче тогда, какъ прогнѣвается Богъ, не имѣющій никакой нужды въ золотѣ, обличится недѣйствительность золота. Мы строимъ домы для того, чтобы жить, а не для того, чтобы хвастаться ихъ красотою. Все, что сверхъ нужды, излишне и безполезно. Надѣнь сапогъ болѣе ноги, и не пойдешь; ибо онъ будетъ препятствовать ногамъ: такъ точно и домъ, превышающій нужду, препятствуетъ восхожденію на небо. Желаешь строить блистательный домъ? строй, я не запрещаю; только не на землѣ, а на небесахъ, чтобъ быть въ состояніи принять въ него и другихъ; строй жилище, никогда и ничѣмъ неразоряемое. Что ты безумно бросаешься за тѣмъ, что убѣгаетъ и остается въ здѣшней жизни? Нѣтъ ничего обманчивѣе богатства, оно нынѣ съ тобою, а завтра противъ тебя; вездѣ во-

оружаетъ противъ себя глаза завистливыхъ; это злодѣй, живущій съ тобою подъ одною кровлею; это домашній врагъ.

Сказанное нами засвидѣтельствуютъ всѣ богачи, кои не знаютъ теперь, гдѣ сокрыть или зарыть богатство, содѣлавшееся не только излишнимъ, но и опаснымъ. Смотри, какъ бѣдные легки, исправны и ко всему готовы; а богатые съ великимъ безпокойствомъ обходятъ всѣ мѣста и домы, ища, гдѣ бы скрыть свое золото, или кому бы вручить его для сохраненія. Для чего ты, о человѣкъ, ищешь подобныхъ себѣ рабовъ золота? Вотъ предстоитъ тебѣ Христосъ; Онъ готовъ принять отъ тебя и сохранить все, и не только сохранить, но и приумножить и возвратить съ лихвою. Изъ Его руки никто не похититъ; Онъ не только сохранитъ твое золото, но сверхъ того и тебя избавитъ отъ бѣдъ. Человѣкъ, принявшій подъ сохраненіе чужое золото, ожидаетъ себѣ благодарности за сохраненіе; но Христосъ не таковъ. Онъ не требуетъ благодарности отъ человѣка, отдавшаго ему золото свое подъ сохраненіе; но

*

самъ еще благодаритъ его и не требуетъ ничего за соблюденіе врученнаго. И такъ можемъ ли мы,—мы, которые, презирая Того, кто можетъ сохранить наше золото, кто не требуетъ за сіе отъ насъ благодарности, и Самъ обѣщаетъ за него великія и неизреченныя награды, вручаемъ оное людямъ, симъ ненадежнымъ блюстителямъ, которые ожидаютъ себѣ благодарности, и которые послѣ возвращаютъ намъ только принятое ими,—можемъ ли, говорю, представить что либо въ извиненіе столь безразсуднаго поступка, можемъ ли сказать что нибудь въ оправданіе самихъ себя? Ты здѣсь гость и странникъ; твое отечество на небесахъ; туда переноси все, что имѣешь, дабы еще прежде, нежели будешь наслаждаться твоимъ стяжаніемъ *тамъ*, ты *здѣсь* могъ получить достойное воздаяніе. Кто питается благою надеждою и живетъ мыслію въ будущемъ, тотъ еще *здѣсь* предвкушаетъ царство небесное: поелику ничто такъ не возвышаетъ души и не творитъ ее богоподобною какъ твердое упованіе на воздаяніе за гробомъ и произтекающая отсюда ревность къ стяжанію себѣ

сокровища на небесахъ, то есть, добродѣтелей, украшающихъ душу. Тѣ, кои употребляютъ все время и всѣ труды свои на украшенiе своихъ домовъ, старáясь чрезмѣрно о внѣшнемъ, не могутъ радѣть о внутреннемъ, попускають душѣ своей оставаться пустою, нечистою, покрытою паутинами: напротивъ тѣ, которые, забывая внѣшнее, обращаютъ свое вниманiе на украшенiе души, содѣлываютъ ее жилищемъ Христа. Но что можетъ сравниться съ блаженствомъ того, который носитъ въ себѣ Христа? Хочешь быть богатымъ? Стяжи друга Господа, и немедленно сдѣлаешься богатѣйшимъ изъ всѣхъ. Хочешь быть богатымъ? Смотри, не гордись: это полезно тебѣ не только для будущаго, но и для настоящаго. Ибо никто не возбуждаетъ такъ легко зависти, какъ человѣкъ богатый; а какъ скоро къ богатству присоединится еще безумная гордость, то сугубая опасность, тебя возненавидятъ всѣ еще болѣе; естьли же будешь вести себя умѣренно, то смиренномудрiемъ своимъ отнимешь поводъ къ зависти, и безопасно будешь пользоваться тѣмъ, что имѣешь. Таково свойство добродѣтели, что она не

только полезна для будущаго, но и здѣсь еще награждаетъ любящихъ ее.

И такъ да не гордимся богатствомъ, ниже чѣмъ либо другимъ. Ибо естьли и духовными совершенствами надмевающійся падаетъ и погибаетъ, то кольми паче тѣлесными. Разсмотримъ самихъ себя, вспомнимъ о грѣхахъ своихъ, познаемъ, кто мы; и сего будетъ довольно для того, чтобъ быть смиренномудрыми. Не говори мнѣ: „Я столько-то имѣю у себя наличныхъ денегъ, у меня тысячи талантовъ золота, доходы мои возрастаютъ съ каждымъ днемъ." Все, что скажешь, скажешь нелѣпо и безразсудно. Быть можетъ, да и часто бываетъ, что въ одинъ часъ, въ одно мгновеніе ока, все сіе поднимется и улетитъ изъ твоего дома, какъ поднимается и улетаетъ легкій прахъ отъ дуновенія свирѣпаго вихря. Таковыхъ примѣровъ безчисленное множество: хотя бы Св. Писаніе и не внушало сего такъ часто и съ такою силою. Нынѣ богатъ, завтра нищь. По сему-то я часто смѣялся, читая завѣщанія, въ которыхъ пишется: такой-то дѣлается вѣчнымъ владѣль-

цемъ полей или дома, а такой-то имѣетъ право только пользоваться оными. Всѣ мы можемъ чѣмъ либо только пользоваться, но владѣть постоянно ничѣмъ никто не можетъ: ибо хотя бы богатство наше было неотъемлемо и сопровождало насъ чрезъ всю жизнь; но при концѣ жизни, волею или невольно, должны будемъ оставить его другимъ, взявъ съ собою одинъ душевный прибытокъ, естьли только умѣли извлечь его изъ тлѣннаго богатства. Отсюда видно, что одни тѣ имѣютъ власть надъ богатствомъ, которые презираютъ оное и не дорожатъ его обладаніемъ. Ибо кто, отвергнувъ богатство свое, раздалъ оное бѣднымъ, тотъ съ обладаніемъ его перейдетъ и въ другую жизнь; смерть не исторгнетъ у него владычества надъ сокровищами; онъ возвратитъ все расточенное имъ, и даже гораздо болѣе, въ день суда, когда оно наипаче будетъ нужно, когда потребуется отъ всѣхъ насъ отчетъ въ нашихъ дѣлахъ. И такъ естьли кто хочетъ быть дѣйствительнымъ и всегдашнимъ обладателемъ богатствъ, да расточаетъ оное въ пользу бѣдныхъ; ибо поступившій иначе оставитъ его

при смерти, а можетъ быть, и прежде, подвергаясь притомъ безчисленнымъ бѣдствiямъ. Впрочемъ не одно только сiе несчастiе, что онъ вдругъ потеряетъ все свое богатство, но и то, что непредвидѣнно упадетъ въ бездну нищеты. Напротивъ бѣдный не таковъ. Онъ не полагаетъ надежды ни на золото, ни на сребро—сiи бездушныя вещи, но на Бога, щедро раздающаго дары свои; по сему участь богатаго гораздо сомнительнѣе, нежели бѣднаго; поелику тотъ безпрестанно страшится и подлежитъ всѣмъ перемѣнамъ счастiя.

Но что такое еще—*дающаго намъ вся обильно къ наслажденiю*? Богъ даруетъ щедро все то, что гораздо нужнѣе денегъ, на пр. воздухъ, воду, огонь, солнце и сему подобное. Не льзя сказать, что богатый прiемлетъ болѣе лучей солнца, нежели бѣдный; не льзя также сказать, что богатый дышетъ большимъ количествомъ воздуха, нежели бѣдный: но все сiе предложено на пользу общую всѣмъ равно. Для чего же Богъ, сотворивъ общимъ большее и необходимѣйшее, такое, которое имѣетъ влiянiе

на продолженіе нашей жизни, не сотворилъ общимъ меньшаго и малозначительнѣйшаго, я разумѣю деньги? Для того, чтобы жизнь наша была въ безопасности, и чтобы открыть поприще для добродѣтели; ибо есть-ли бы необходимое не было всеобщимъ, то богатые, по сродному имъ пристрастію къ сребролюбію, можетъ быть, передушили бы всѣхъ бѣдныхъ; съ другой стороны есть-ли бы деньги были общи, и никто не имѣлъ въ нихъ нужды, то не было бы случая къ милосердію, не надъ чѣмъ было бы упражняться сердечной благости. И такъ чтобъ намъ можно было жить безбѣдно, необходимое для жизни сотворено общимъ; а чтобъ имѣть случай получить вѣнцы и славу, деньги не сотворены общими, дабы тѣ, кои, презрѣвъ сребролюбіе и возлюбивъ отъ всего сердца правду, раздѣляютъ имущество свое съ бѣдными, получили нѣкоторое утѣшеніе въ скорби о грѣхахъ своихъ. Богъ опредѣлилъ тебѣ быть богатымъ; для чегожъ ты самъ себя дѣлаешь бѣднымъ? Онъ опредѣлилъ тебѣ быть богатымъ для того, чтобъ ты помогалъ бѣднымъ, и щедростію своею заглаждалъ свои грѣхи. Онъ даровалъ

шебѣ богатство; не для того, чтобъ ты заключалъ его въ кладовую на свою погибель, но чтобъ расточалъ оное для своего спасенія. Для того то Онъ и самому обладанію богатствомъ назначилъ быть сомнительнымъ и непостояннымъ, дабы возбудить къ нему недовѣріе и отвращеніе; ибо естьли владѣтели богатства даже нынѣ, когда не могутъ съ надеждою положиться на свои сокровища, когда принуждены терпѣть за нихъ многіе навѣты, столь сильно воспламеняются страстію сребролюбія; то что было бы, естьли бы богатство было постоянно и неизмѣнно? Кого бы тогда пощадили богатые? Кого бы помиловали? Какую вдову, сироту, или бѣдняка?

И такъ не будемъ почитать великимъ благомъ богатства. Великое благо не деньги собирать, но пріобрѣсть страхъ Божій и благочестіе. Вотъ, естьли бы нынѣ между нами былъ какой нибудь Праведникъ, такой, которой бы имѣлъ великое дерзновеніе у Бога: то хотя бы онъ былъ и бѣденъ; безъ сомнѣнія, могъ бы разогнать тучу бѣдствій, насъ облежащихъ. Ему бы стоило только

воздѣть руки къ небу и воззвать къ Богу, и она бы вдругъ прошла и разсѣялась. А золото—такая драгоцѣнность, лежитъ теперь въ хранилищахъ спокойно; для избавленія насъ отъ предлежащихъ золъ оно безполезнѣе всякой грязи; да и не въ сихъ однихъ злоключеніяхъ, но и всегда, болѣзнь ли одержитъ, или приходитъ смерть, или другое что, золото оказываетъ свое безсиліе.

Однимъ только, кажется, богатство превышаетъ бѣдность,—это ежедневныя забавы, соединенныя съ многоразличными видами удовольствія на пирахъ. Впрочемъ подобное сему можно видѣть и на трапезѣ бѣдныхъ; они даже гораздо большимъ наслаждаются удовольствіемъ, нежели всѣ богачи. Не удивляйтесь, и не почитайте сказаннаго мною страннымъ; я докажу и объясню вамъ истину сію самымъ опытомъ; вы согласитесь, и конечно убѣждены въ томъ, что удовольствіе происходитъ не столько отъ качества пищи, сколько отъ состоянія ядущаго. Я знаю, что говорю. Когда, на пр., кто либо приступаетъ къ трапезѣ голодный, тогда самая простая и скудная пища кажется

ему пріятнѣе всякихъ жаркихъ, закусокъ и другихъ приманчивыхъ яствъ: но кто, не чувствуя голода (что обыкновенно бываетъ съ богатыми), садится за трапезу, тотъ хотя бы нашелъ на ней самыя лучшія яства, не почувствуетъ удовольствія, поелику аппетитъ его еще не возбужденъ. А что сіе дѣйствительно бываетъ точно такъ, тому вы всѣ свидѣтели, и Священное Писаніе говоритъ то же самое. *Душа въ сытости сущи сотамъ ругается; души же нищетнѣй и горькая сладка являются.* (Притч. 27, 7.) Въ самомъ дѣлѣ, что слаще меда и сота? Но Писаніе говоритъ, что соты меда не сладки для сытаго. Что отвратительнѣе горькаго? Но и оно сладко для бѣдныхъ. А что бѣдные съ нуждою и алканіемъ выходятъ на дѣла свои, богатые же не терпятъ сего, сіе для всякаго изъ васъ явно; почему послѣдніе никогда не получаютъ благороднаго и чистаго удовольствія. И не только въ пищѣ, но и въ питіи то же самое бываетъ; какъ, я думаю, нѣкоторые изъ васъ и знаютъ: какъ тамъ голодъ производитъ удовольствіе, превышающее качество и вкусъ яствъ; такъ здѣсь

жажда дѣлаетъ питіе гораздо вкуснѣйшимъ, хотя бы то была вода. На сіе самое намѣкалъ и Пророкъ, когда говорилъ: *Отъ камене меда насыти ихъ*, (Псал. 80, 17.) ибо мы нигдѣ не читывали въ Священномъ Писаніи, чтобы Моисей источилъ медъ изъ камня, но вездѣ говорится о водѣ. И такъ что же значитъ выраженіе Пророка? Писаніе обманывать не можетъ. Пророкъ, желая изобразить удовольствіе жаждущихъ и утомленныхъ оскудѣніемъ водъ, которые вдругъ припали къ хладному источнику, воду называетъ медомъ, не потому, чтобы естество ея дѣйствительно обратилось въ медъ, но потому, что состояніе піющихъ содѣлало оный источникъ сладчайшимъ меда.

Видишь ли, какъ питіе услаждается состояніемъ жаждущихъ. Многіе бѣдные въ трудѣ и утомленіи, палимые жаждою, пьютъ воду изъ источниковъ съ такимъ же, о какомъ говорили выше, удовольствіемъ; а богатые, вкушая пріятное, душистое и драгоцѣнное вино, не чувствуютъ подобнаго удовольствія. То же самое, думаю, примѣчалъ кто нибудь и въ разсужденіи сна. Ибо

ни мягкія перины, ни злашокованный одръ, ни безмолвіе въ домѣ, ни другое что тому подобное не можешъ доставишь сна сладкаго и вожделѣннаго, кромѣ шрудовъ и утомленія. О семъ свидѣтельствуетъ опытъ, и прежде опыта еще Священное Писаніе. Упоенный удовольствіями Соломонъ, желая объяснить наше мнѣніе, сказалъ; *Сонъ сладокъ рабу, аще мало, аще много снѣсть.* (Екл. 5, 11.) Для чего онъ присовокупилъ—*аще мало, аще много снѣсть?* Какъ неяденіе, такъ и пресыщеніе равно прогоняютъ сонъ; первое, изсушая гортань, напрягая рѣсницы и не давая имъ сомкнуться; послѣднее, стѣсняя дыханіе, исторгая оное насильственно и влеча за собою отягощеніе и недуги; но таково свойство трудовъ, что хотя бы то или другое случилось, рабъ можетъ спать. Ибо послѣ того, какъ онъ весь день безпрестанно бѣгалъ туда и сюда, служа господамъ, біемый, утомленный, безъ малѣйшаго отдыха, за утомленія и труды ожидаетъ его достойное возмездіе—сладость сна. И это есть дѣло человѣколюбія Божія, что удовольствія не могутъ быть куплены ни золотомъ, ни сребромъ, но трудами, уто-

мленіемъ, необходимостію, любомудріемъ. Не такъ бываетъ съ богатыми. Покоясь на мягкихъ ложахъ, они часто проводятъ безъ сна цѣлыя ночи, и не смотря ни на какія ухищренія роскоши, не получаютъ удовольствія. Бѣдный же послѣ цѣлодневнаго труда, съ утомленными членами, едва упадаетъ на постелю свою, засыпаетъ глубокимъ, пріятнымъ и питательнымъ сномъ, который служитъ наградою праведныхъ трудовъ его.

И такъ, естьли бѣдный съ большимъ удовольствіемъ ѣстъ, пьетъ и спитъ; то что̀ завиднаго въ богатствѣ, когда оно не имѣетъ и тѣхъ преимуществъ, кои, по видимому, должны бы принадлежать ему? Не напрасно Богъ въ самомъ началѣ далъ человѣку вмѣсто спутника трудъ, не наказывая его симъ, ниже утомляя, но умудряя и научая. Адамъ, когда проводилъ жизнь безъ трудовъ, потерялъ рай; но Апостолъ Павелъ, когда трудился и переносилъ озлобленія, восхищенъ былъ въ рай и вошелъ на третіе небо. (2 Кор. 12.) И такъ не будемъ убѣгать трудовъ, не будемъ врагами дѣятель-

ности; ибо прежде царствія небеснаго здѣсь еще получаемъ за труды величайшее возмездіе, наслаждаясь удовольствіемъ, отъ нихъ произтекающимъ; и не только удовольствіемъ, но и, (что выше всякаго удовольствія) прочнымъ здравіемъ. Ибо богатымъ, кромѣ недоувольствій, много сопутствуетъ болѣзней; а бѣдные со всѣмъ не знаютъ врачей. Ежели когда либо и впадаютъ въ разслабленіе, то скоро возставляютъ самихъ себя, бывъ свободны отъ изнѣженности и имѣя составъ тѣла крѣпкій и мощный. Великое стяжаніе—бѣдность для тѣхъ, которые умѣютъ ею пользоваться! Это сокровище нерасхищаемое, жезлъ несокрушимый, стяжаніе ненавѣтное, убѣжище самое спокойное.

Мнѣ скажутъ: но бѣдный утѣсняется. А я скажу: богатому гораздо болѣе строятъ ковъ. На бѣднаго не обращаютъ вниманія, надъ нимъ издѣваются, и только: а богатый служитъ предметомъ зависти и злобы. Бѣднаго рѣдкій согласится обидѣть; богатый всегда въ опасности; онъ со всѣхъ сторонъ можетъ служить цѣлію для стрѣлъ

діавола и навѣтниковъ; чрезмѣрное множество дѣлъ поставляетъ его въ зависимость отъ множества лицъ, коимъ онъ принужденъ бываетъ ласкательствовать и оказывать уваженіе почти рабское. Естьли бѣдный богатъ мудростію; то его не можетъ побѣдить самъ князь тьмы. Іовъ былъ крѣпокъ и силенъ и прежде нападенія діавола; но когда лишился всего, сдѣлался еще могущественнѣе и одержалъ блистательную побѣду надъ діаволомъ. Скажу болѣе, бѣдный совершенно не можетъ быть никѣмъ обиженъ, естьли только поступаетъ такъ, какъ слѣдуетъ мудрому. Ибо, какъ я говорилъ о удовольствіи, что оно зависитъ не отъ образа приготовленія пищи, но отъ расположенія ядущихъ, такъ то же самое скажу объ обидѣ. Обижающій никогда не можетъ сдѣлать ее чувствительною, естьли обижаемый не расположенъ чувствовать оную. Тебя обидѣлъ кто нибудь словами, дѣломъ или мыслію: естьли сія обида не произвела въ тебѣ ничего, кромѣ смѣха, естьли ты не принялъ на свой счетъ ругательныхъ словъ; то ты не былъ обиженъ. Какъ естьли бы мы имѣли тѣло адамантовое; то

не чувствовали бы ударовъ, хотя бы отвсюду были осыпаемы тысячею стрѣлъ, ибо рука, бросающая стрѣлы, не могла бы причинить ранъ, естьли бы тѣло было совершенно неуязвляемо; такъ и обида и сопряженное съ нею безчестіе произходятъ не отъ злобы обижающихъ, но отъ слабости духа обижаемыхъ. А по сему естьли бы мы были мудры и благоразумны, ничѣмъ бы не обижались, ни отъ чего бы не страдали. Тебя такой-то обидѣлъ; но естьли ты не чувствуешь обиды, не страдаешь; то ты не обиженъ, скажу болѣе, ты не пораженъ, а поразилъ. Ибо когда обидѣвшій видитъ, что стрѣлы его не достигаютъ до души обижаемаго; то мучитъ самъ себя, и, тогда какъ обижаемый молчитъ, стрѣлы обидъ сами собою обращаются на того, кѣмъ онѣ посланы.

И такъ будемъ во всемъ любомудрыми, возлюбленные, и тогда бѣдность не только не причинитъ намъ вреда, но и принесетъ весьма много пользы, содѣлаетъ насъ славнѣйшими и богатѣйшими всѣхъ богачей. Скажи мнѣ, кто былъ бѣднѣе Иліи? Но онъ превосходилъ всѣхъ богатыхъ, не смотря

на то, что былъ бѣденъ; а бѣдность избралъ онъ потому, что былъ богатъ духовно. Онъ возлюбилъ внѣшнюю нищету потому, что почиталъ всякое обиліе богатства ниже величія своего духа, и недостойнымъ своего любомудрія; ибо естьли бы настоящія блага цѣнилъ онъ много, то пріобрѣлъ бы не одну милоть: но онъ такъ презрѣлъ суету настоящаго, что не имѣлъ у себя ничего кромѣ одной оной милоти, и попиралъ золото, какъ персть земную. По сему-то царь возъимѣлъ нужду въ бѣдномъ, и тотъ, который имѣлъ груды золота, съ жадностію ловилъ слова бѣдняка, неимѣющаго ничего, кромѣ милоти. Столько милоть Праведника была блистательнѣе порфиры, и пещера его величественнѣе царскихъ чертоговъ! По сей причинѣ, восходя на небо, Илія не оставилъ ученику своему ничего, кромѣ милоти. Какъ бы такъ говорилъ онъ ему: „Съ нею сражался я съ діаволомъ, возми ее и ты, чтобъ тѣмъ надежнѣе отражать его нападенія. Нестяжаніе есть самый крѣпкій оплотъ, убѣжище неизвѣтное, столпъ незыблемый!" Елисей принялъ милоть, какъ величайшее наслѣдіе;

да и подлинно это великое наслѣдіе, драгоцѣннѣйшее всякаго золота! Съ нею онъ сдѣлался вторымъ Иліею; былъ Илія горѣ, былъ Илія и низу. Я знаю, что вы ублажаете сего Праведника, и каждый изъ васъ желалъ бы быть такимъ, каковъ онъ; но что? естьли я вамъ докажу, что мы всѣ получили въ таинствахъ нѣчто гораздо большее? Илія оставилъ ученику своему милоть, а Сынъ Божій, по вознесеніи своемъ, оставилъ намъ тѣло свое. Илія, отдавъ милоть свою, обнажилъ себя самаго; но Христосъ оставилъ и намъ тѣло свое, и съ Собою взялъ его. И такъ да не упадаемъ въ духѣ, да не сѣтуемъ безмѣрно и да не страшимся несчастныхъ временъ. Тотъ, кто не отрекся пролить за насъ кровь свою, и даровалъ намъ тѣло и кровь свою, на что не рѣшится для нашего спасенія? Сею назидая духъ нашъ надеждою, будемъ взывать къ Нему непрестанно, вознесемъ молитвы и моленія, и о всякой добродѣтели попечемся со всякимъ тщаніемъ, дабы избѣжать предлежащихъ бѣдъ, и содѣлаться причастниками будущихъ благъ. О естьли бы мы удостоились сего благода-

тію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ слава Отцу вкупѣ и Святому Духу во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

НРАВЫ ХРИСТІАНЪ.

3. Ученіе. Крещеніе.

Образъ проповѣди Евангельской былъ различенъ, смотря по свойствамъ поучаемыхъ. Іудеевъ приводили къ истинѣ чрезъ пророчества и чрезъ другія доказательства, заимствованныя изъ Св. Писанія и ихъ преданій *). Язычниковъ убѣждали посредствомъ умствованій болѣе или менѣе простыхъ, смотря по степени ихъ удобопріемлемости, и посредствомъ мнѣній, заимствуемыхъ изъ ихъ Стихотворцевъ и Философовъ. Чудеса возбуждали вниманіе тѣхъ и другихъ. Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ мы находимъ примѣры всѣхъ сихъ различныхъ образовъ поученія. (2, 15. 3, 12. 13. 16. 14, 14. 17, 22.) Слово Божіе предлагалось токмо тѣмъ, кои слушали оное съ расположеніемъ и спокойнымъ духомъ. Какъ скоро невѣрные приходили въ запальчивость или поднимали смѣхъ, что случалось нерѣдко, Христіанинъ умолкалъ, опасаясь, чтобы въ противномъ слу-

*) Амвр. на Лук. 9, 21.

паѣ не подвергнуть святой истины поруганію и не подать повода къ Богохульству. Со временемъ стали выходить въ свѣтъ нѣкоторыя сочиненія, коихъ цѣль была, показать язычникамъ неосновательность ихъ Религіи, и вывесть ихъ изъ заблужденія. Таковы: Совѣтъ язычникамъ Климента Александрійскаго, три книги Ѳеофила къ Автолику, разсужденіе Татіана противу Грековъ. Но естьли что особенно привлекало къ Христіанству, то это были чудеса, и въ сіе время нерѣдко происходившія, святая жизнь Христіанъ, и ихъ непоколебимая твердость среди мученій.

Естьли кто объявлялъ желаніе сдѣлаться Христіаниномъ, то представляли его къ Епископу или Пресвитеру, который въ тожъ время испытывалъ, точно ли желаніе его есть твердое и искреннее; ибо весьма опасались, чтобы не осквернить святыни, ввѣряя ее недостойнымъ, и чтобы не обременить Церкви людьми слабодушными и легкомысленными, способными обезславить ее своимъ отпаденіемъ при первомъ гоненіи. По сему навѣдывались о причинахъ обраще-

нія, о состояніи обращаемаго, свободный ли онъ былъ, или невольникъ, или отпущеникъ, о его нравахъ и прежнемъ образѣ жизни. Тѣ, кои занимались какимъ либо постыднымъ ремесломъ, или пріобрѣли какой либо дурный навыкъ, не были принимаемы, развѣ по совершенномъ отъ того отреченіи *). Такимъ образомъ отвергали распутныхъ женщинъ, ростовщиковъ, актеровъ, гладіаторовъ, народныхъ плясуновъ и пѣвцевъ; словомъ, всѣхъ тѣхъ, кои служили при зрѣлищахъ, и кои къ онымъ были пристрастны. Обманщики, ворожеи, гадатели, употреблявшіе волшебныя слова для врачеванія или предотвращенія извѣстныхъ золъ, и промышлявшіе другимъ какимъ либо суевѣрнымъ ремесломъ, не прежде принимаемы были въ число вѣрующихъ, какъ по оставленіи ими худаго образа жизни и по нѣкоторомъ ихъ въ томъ испытаніи. При всей ревности къ обращенію душъ, Христіане были весьма строги къ тѣмъ, кои желали къ нимъ присоединиться.

Тотъ, кого признавали достойнымъ Хри-

*) Бл. Август. II. о проп. Госп. на горѣ.

стіанства, вступалъ въ число оглашенныхъ чрезъ возложеніе на него рукъ Епископа, или, по его порученію, Пресвитера, который полагалъ на его челѣ крестное знаменіе, прося Бога, дабы Онъ подалъ успѣхъ въ предлежащихъ ему наставленіяхъ, и сподобилъ его достигнуть Св. крещенія. Съ сего времени онъ слушалъ поученія, говоримыя предъ народомъ, къ коимъ допускаемы были самые невѣрные. Здѣсь-то наставники наблюдали за поведеніемъ оглашенныхъ, и каждаго порознь учили основаніямъ Вѣры, не касаясь изъясненія таинствъ, къ уразумѣнію коихъ они еще не были способны. Преимущественно старались внушить имъ правила нравственности, дабы они знали, какъ вести себя послѣ крещенія. Таковое изложеніе нравственности составляетъ предметъ наставленій Климента, бывшаго въ Александрійскомъ училищѣ преемникомъ Пантена. Послѣ Климента сію должность отправлялъ Оригенъ, который впрочемъ въ послѣдствіи раздѣлилъ свой трудъ съ Св. Гераклом, возложивъ на него попеченіе о первыхъ урокахъ *).

*) Евсевія Ист. гл. 15.

Обыкновенное время оглашенія продолжалось чрезъ два года, но оно могло сокращаться, смотря по успѣхамъ оглашеннаго. Въ семъ случаѣ смотрѣли не только на то, понималъ ли онъ ученіе, но особенно на то, исправлялъ ли онъ свою жизнь, и держали его въ семъ состояніи до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не перемѣнялъ своихъ нравовъ *). Вотъ почему многіе отлагали свое крещеніе до смерти: ибо никого не крестили, какъ развѣ по прозьбѣ о семъ, хотя нерѣдко увѣщевали другихъ къ сему прошенію. Требовавшіе крещенія и признанные достойными сего объявляли свои имена въ началѣ В. поста, для внесенія оныхъ въ списокъ ищущихъ крещенія или просвѣщенныхъ **). Такимъ образомъ было два рода оглашенныхъ, слушатели и ищущіе крещенія. Сіи послѣдніе говѣли въ В. постъ, подобно вѣрнымъ, присоединяя къ сему частыя молитвы, колѣнопреклоненія, бдѣнія и исповѣданіе своихъ грѣховъ ***). Между тѣмъ мало по малу научали ихъ осно-

*) Оригенъ на Лук. Бесѣд. 2.

**) Онъ же прот. Цельса Кн. 3. стр. 142.

***) Тертулліанъ о крещеніи 20.

внымъ истинамъ Вѣры, изъясняя имъ Символъ и особенно таинства Троицы и воплощенія; нѣсколько разъ вводили ихъ въ церковь для испытанія и для произнесенія надъ ними заклинаній и молитвъ въ присутствіи вѣрныхъ. Сіе называлось избраніемъ, и соблюдалось въ продолженіи многихъ вѣковъ даже надъ младенцами.

Въ концѣ В. поста учили ихъ молитвѣ Господней и давали имъ краткое понятіе о таинствахъ, къ коимъ они приступали, оставляя полное оныхъ изъясненіе до послѣдующаго времени. Сей порядокъ ученія открывается въ оглашеніяхъ Св. Кирилла Іерусалимскаго и въ письмѣ Діакона Феррандa къ Св. Фулгенцію, гдѣ разсуждается о крещеніи Еѳіоплянина. Тѣ, кои послѣ всѣхъ сихъ испытаній признавались достойными крещенія, назывались избранными; и ихъ торжественно крестили или въ ночь на свѣтлое Воскресеніе, дабы они воскресли съ Іисусомъ Христомъ, или въ ночь на Пятьдесятницу, дабы они получили Святаго Духа съ Апостолами *), ибо въ то же вре-

*) Тертул. о крещеніи 19.

мя совершалось надъ ними и мνропомазаніе. Обыкновенно въ сіи только два праздника производилось крещеніе. Папа Левъ *) осуждаетъ Епископовъ Сицилійскихъ за то, что они крестили на день Богоявленія; и сіе правило существовало еще въ десятомъ вѣкѣ: впрочемъ людей, подвергавшихся какой либо опасности, какъ то было во времена гоненій, крестили во всякое время.

По наступленіи дня крещенія оглашеннаго приводили къ крещающему; заставляли его отрекаться сатаны и дѣлъ его; вопрошали о Вѣрѣ, и онъ отвѣтствовалъ чтеніемъ Апостольскаго Сνмвола **). Самое крещеніе обыкновенно совершалось чрезъ погруженіе; крещаемаго погружали трижды, произнося каждый разъ одно лице Святыя Троицы ***). Крещеніе чрезъ окропленіе считалось также достаточнымъ въ случаѣ нужды, какъ то надъ больными; но народъ подъ симъ именемъ разумѣлъ тѣхъ, кои бы-

---

*) Писмо 4.

**) Тертуліанъ о крещеніи, 19. 20. онъ же о вѣнцѣ. 3. Письмо 70 Кипріана къ Януарію.

***) Тертулліанъ противъ Праксея. 26.

ли крещаемы упомянутымъ образомъ на одрѣ *). Младенцевъ крестили тотчасъ по ихъ представленіи, иногда ранѣе даже осьми дней **), и родители отвѣтствовали за нихъ. Но младенцами назывались и всѣ новокрещенные, какого бы возраста они ни были. Съ крещеніемъ соединялось помазаніе мѵромъ, освященнымъ на престолѣ ***). Крестившіеся представляемы были Епископу, и посредствомъ его молитвы и рукоположенія получали Святаго Духа ****). Новокрещеннымъ давали млеко и медъ въ знакъ того, что они вступали въ истинную обѣтованную землю и духовное младенчество *****). Въ первую недѣлю духовно новорожденные носили бѣлую одежду, полученную ими по выходѣ изъ воды, въ означеніе невинности, которую они обязывались хранить до смерти, и въ продолженіи той же недѣли не ходили въ баню, что въ теплыхъ стра-

---

*) Письмо 69, по инымъ изд. 76 Кипріана къ Магнусу. Его же 64 къ Фиду.

**) Тертуліанъ о крещеніи. 18.

***) Письмо 70 Кипріана къ Януарію.

****) Тертулліанъ о воскресеніи тѣла гл. 8.

*****) Тертулліанъ о вѣнцѣ. гл. 3.

нахъ употреблялось ежедневно *). Не видно, чтобы совершеннолѣтніе перемѣняли имена; ибо мы знаемъ многихъ Святыхъ, коихъ имена происходятъ отъ языческихъ Боговъ, каковы Діонисій, Мартиніанъ, Димитрій **). Что касается до младенцевъ ***), то имъ по произволу давали имена Апостоловъ, или другія благочестивыя имена, заимствованныя отъ добродѣтелей и предметовъ вѣры, каковы на Греческомъ языкѣ: Евсевій, Евстафій, Григорій, Аѳанасій, на Латинскомъ: Пій, Вигилій, Фидъ, Сперанцій и другія, вошедшія въ общее употребленіе по утвержденіи Христіанства. Новокрещенные послѣ крещенія находились подъ руководствомъ своихъ воспріемниковъ и Пресвитеровъ до тѣхъ поръ, пока сами не укрѣплялись въ Христіанской жизни.

4. Молитва.

Такимъ образомъ они мало по малу вступали въ новую жизнь, духовную и благодат-

*) Тертул. о вѣнцѣ гл. 3.

**) Діонисій Александрійскій у Евсевія. 8. гл. 20.

***) Златоустъ въ Бесѣдѣ 21 на книгу Бытія.

ную, и то, что прежде казалось имъ невозможнымъ, уже нетруднымъ для себя находили. Первымъ и главнымъ занятіемъ ихъ была молитва, согласно съ ученіемъ Ап. Павла; (1 Тим. 11, 18. 1. Сол. 5, 17.) и какъ сей увѣщеваетъ непрестанно молиться, то они всѣ мѣры принимали къ тому, чтобы, сколь можно чаще, устремлять свой духъ къ Богу и вещамъ Божественнымъ. Они всегда, когда только возможно было, молились вмѣстѣ *), бывъ увѣрены, что большее число просящихъ у Бога извѣстныхъ благодѣяній имѣетъ и большее право на полученіе оныхъ, по словамъ Спасителя: *Аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца моего, иже на небесѣхъ. Идѣже бо еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ.* (Мат. 18, 19. 20.) По сему Св. Игнатій за правило поставляетъ Св. Поликарпу, чтобы собранія были часты, и совѣтуетъ справляться о присутствіи каждаго изъ вѣрныхъ, по его имени. Къ упомянутому побужденію присое-

*) Письмо Игнатія къ Ефесянамъ. Тертулліанъ въ Апологіи. гл. 39.

динялось еще и то, что присутствіе Пастырей обыкновенно придаетъ болѣе важности общественнымъ молитвамъ, и предстоящіе своимъ примѣромъ побуждаютъ другъ друга къ ревности и благочестію.

Общественныя молитвы, на которыя преимущественно собирались вѣрные, происходили утромъ и вечеромъ. Ихъ учили симъ образомъ освящать начало и конецъ дня *) и отнюдь не извинять себя житейскими дѣлами, которыя должны быть только прибавленіемъ къ духовнымъ. Утренніи молитвы, кажется, замѣняли утреннюю Ветхозавѣтную жертву, а вечернія—вечернюю, и употреблялись для освященія начала ночи. Ихъ называли иногда свѣтильнами, потому что онѣ совершались въ такое время, когда уже начинали зажигать свѣтильники, и у насъ въ сіе время поется извѣстный стихъ, напоминающій о свѣтѣ. Общественное молитвословіе обыкновенно заключалось взаимнымъ лобзаніемъ мира **). Тѣ, кои не могли присутствовать въ собраніи, больные,

*) Постановленій Апостольскихъ Кн. 2. гл. 59.
**) Тертулліанъ о молитвѣ Господней гл. 14.

заключенные въ темницу, путешествующіе собирались между собою, коль скоро то было возможно; и естьли находились порознь, то не преставали однакожъ молиться въ узаконенное время.

Кромѣ утра и вечера молились еще въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу дня и въ продолженіи ночи. Климентъ Александрійскій, Тертулліанъ и Св. Кипріанъ ясно означаютъ всѣ сіи молитвы *); они утверждаютъ оныя примѣрами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и приводятъ на то глубокія причины. Оригенъ требуетъ, чтобы молились по крайней мѣрѣ трижды въ день: по утру, въ полдень, вечеромъ и еще ночью **). Молящіеся обыкновенно обращались къ востоку, и стояли съ руками воздѣтыми къ небу. Часы молитвы считались по

---

*) Постановленій Апост. кн. 8. гл. 34. 35. Климентъ Александрійскій въ 77 стромѣ на стр. 719. 722. Тертулліанъ противъ Псих. гл. 10. Кипріанъ о молитвѣ Господней въ концѣ.

**) Оригенъ о молитвѣ гл. 33.

счету Римлянъ *), кои дѣлили весь день, отъ восхожденія до захожденія солнца, на 12 часовъ равныхъ въ каждый день, но неравныхъ по мѣрѣ возрастанія или убавленія дней. Ночь равнымъ образомъ дѣлилась на 12 часовъ и на четыре части, кои назывались стражами или смѣнами; поелику на войнѣ смѣняли ночный караулъ четыре раза. Такимъ образомъ, естьли взять въ примѣръ равноденствіе, первый часъ Римскій будетъ отвѣчать нашему седьмому часу утра, третій девятому, шестый полудню, девятый третьему за полдень, двенадцатый шестому; изъ чего видно, что молитвы въ продолженіи дня слѣдовали одна за другою чрезъ каждые три часа.

Среди самой ночи вставали, чтобы молиться, по примѣру Псалмопѣвца (Псал. 118, 62.) и Св. Павла, когда сей находился въ темницѣ послѣ побоевъ, претерпѣнныхъ имъ вмѣстѣ съ Силою. (Дѣян. 16, 25.) Климентъ Александрійскій, Тертулліанъ и Оригенъ упоминаютъ о сей ночной молитвѣ **); Св. Ки-

*) Климентъ въ 7 стромѣ стр. 724.

**) Климентъ въ 7 стромѣ на стр. 7. 18. У него

пріанъ отзывается о ней съ похвалою *); вообще сей навыкъ молитвеннаго бдѣнія одобряется всѣми Отцами **), какъ весьма полезный для умерщвленія плоти и для возвышенія духа къ Богу въ минуты самыя безмятежныя. Было такъ же правило прочитывать Символъ каждое утро и при всякомъ случаѣ опасности ***).

Наконецъ, дабы, сколь можно, чаще обращаться къ Богу и строже выполнить заповѣдь о непрестанной молитвѣ, составляли молитвы особливыя для каждаго занятія, слѣдуя внушенію Св. Павла: *И все, еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ.* (Кол. 3, 17.) Такимъ образомъ всѣ работы, какъ то: воздѣлываніе земли, сѣяніе, жатва и собраніе плодовъ

же во 2 книгѣ о воспитаніи дѣтей гл. 9. Тертулліанъ въ 1 книгѣ къ женѣ гл. 4.

*) Кипр. о молитвѣ въ концѣ.

**) Златоустъ въ Бесѣдѣ 26 на Дѣянія Ап. и въ 14 на посланіе къ Римлянамъ.

***) Августинъ въ Бесѣдѣ 42. Амвросій въ 3 книгѣ о Дѣвствѣ.

начинались и оканчивались молитвами. Молились, начиная строить домъ, или жить въ немъ, начиная ткать холстъ, или шить платье, или носить оное, или дѣлать что нибудь тому подобное. Примѣры такого рода молитвъ и теперь можно находить въ служебникахъ. Привѣтствіе, какъ то въ началѣ письма и при встрѣчахъ, состояло не въ обыкновенномъ изъявленіи дружбы, но въ молитвѣ *). Дѣйствія не столь важныя сопровождались знаменіемъ креста, какъ сокращеннѣйшею молитвою. Его изображали на челѣ и употребляли почти каждую минуту, то есть, всякой разъ, когда надлежало входить, выходить, идти, садиться, вставать, ложиться, одѣваться, обуваться, пить, ѣсть, и пр. **).

5. Чтеніе Св. Писанія.

Сокровищницею молитвъ всегда почитались

*) Златоустъ въ Бесѣдѣ 5 на Посланіе къ Солунянομъ.

**) Тертулліанъ о вѣнцѣ гл. 3. Св. Кириллъ Іерусалимскій въ 4 оглашеніи о Вознесеніи и въ 13 къ концу.

Псалмы, кои, бывъ произносимы благоговѣйно и вразумительно, служили превосходнымъ наставленіемъ; поелику они сокращенно содержатъ въ себѣ все, что заключается въ прочихъ Св. книгахъ, и подаютъ примѣры чувствованій, какія благочестивый человѣкъ долженъ имѣть въ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Вмѣстѣ съ симъ читали что нибудь и изъ другихъ Св. книгъ, изъ чего составились въ послѣдствіи такъ называемые часы. Нощныя молитвы, по причинѣ своей продолжительности, состояли большею частію изъ чтенія; а Литургія, какъ торжественнѣйшая часть всего священнослуженія, сопровождалась преимущественно поученіемъ. Изъ Священныхъ книгъ читаемы были только тѣ, кои состояли въ Канонѣ, то есть тѣ, кои, по согласному преданію Церквей, считались Богодухновенными; а тѣ изъ нихъ, которыя внесены были туда же по желанію нѣкоторыхъ только людей, назывались Апокрифическими *), или имѣющими скрытное и неизвѣстное проис-

---

*) Оригенъ въ письмѣ къ Африкану стр. 219. и въ 26 Бесѣдѣ на Матѳ. гл. 23.

хожденіе. Изъ опасенія, чтобы Церковныя книги не потерпѣли чего отъ невѣжества переписщиковъ, нерѣдко прилагаемо было къ онымъ объявленіе, въ коемъ каждый желающій переписывать заклинаемъ былъ судомъ Божіимъ дѣлать сіе со всею точностію. О семъ объявляетъ Св. Ириней въ концѣ своего письма къ Флорину; поводомъ къ такому обыкновенію могла служить угроза, заключающая Апокалипсисъ.

Церковь представляла не только домъ молитвы, но и училище благочестія. Епископъ изъяснялъ Евангеліе и другія Св. книги, поучая и всенародно въ собраніи вѣрныхъ, и по домамъ, какъ свидѣтельствуетъ Св. Павелъ, и приспособляли свои поученія къ тѣмъ, кто ихъ слушалъ, и они давали обѣтъ ничего не говорить отъ себя, не входить ни въ какія произвольныя изслѣдованія, ничего не искать внѣ Евангелія, но передавать во всей точности то, чему они научились отъ своихъ Отцевъ, то есть, прежде бывшихъ Пресвитеровъ и Епископовъ, посредствомъ преданія восходившаго даже

до Апостоловъ *). Они внушали вѣрнымъ крайнее опасеніе противу всякаго нововведенія, особливо въ ученіи; такъ что ежели кому изъ сихъ послѣднихъ случалось слышать что нибудь противное ихъ вѣрѣ, они отнюдь не входили въ споръ, оставляя сей трудъ своимъ Пастырямъ **). Симъ объясняется, почему толикое множество ересей, какія возникали въ первыхъ вѣкахъ, осуждаемо было по большей части безъ Соборовъ и судопроизводствъ, сдѣлавшихся нужными въ послѣдствіи. Вселенскіе Пастыри всѣ единодушно содержали преданіе, а народъ безпрекословно вѣрилъ ихъ ученію.

Вѣрующіе кромѣ того поучались закону Божію и сами по себѣ, и размышляли о немъ день и ночь. Они перечитывали дома слышанное въ церкви и старались помощію взаимнаго собесѣдованія утвердить въ памяти наставленія своихъ Пастырей, особенно от-

*) Св. Ириней къ Флорину. Св. Климентъ Алекс. въ началѣ 1 стромы.

**) Св. Ириней въ 3 Книгѣ, гл. 3, 4. Евсевій въ 5 Книгѣ Исторіи, гл. 20. Игнатій въ посланіи къ Тралліанамъ.

цы заботились дѣлать сіи повторенія въ своихъ семействахъ *). Ибо каждый у себя былъ какъ бы домашній Пастырь, который управлялъ молитвою и чтеніемъ домашнимъ, поучалъ свою жену, дѣтей и слугъ, дѣлалъ имъ дружескія увѣщанія и содержалъ ихъ въ союзѣ съ Церковію, чрезъ совершенную покорность, какую самъ оказывалъ своему Пастырю. Что сказано объ отцахъ, то же самое должно разумѣть и о матеряхъ. Св. Василій и его братъ Св. Григорій Нисскій гордились сохраненіемъ той Вѣры, которой они научились отъ своей бабки Св. Макрины **), просвѣщенной Св. Григоріемъ Чудотворцемъ; подобно сему Св. Павелъ съ похвалою отзывается о вѣрѣ матери и бабки Св. Тимоѳея. (2 Тим. 1, 5.) Доказательствомъ чрезмѣрнаго попеченія, какое прилагали отцы и матери о наставленіи въ Вѣрѣ своихъ дѣтей, служитъ то, что во всей древности не видимъ мы ни одного Катихизиса составленнаго для дѣтей, ни одного общенароднаго наставленія для крестившихся

*) Постановленій Апост. Кн. 4. гл. 10.

**) Василій въ письмахъ 64, 73, 79. Григорій въ жизнеописаніи Макрины.

прежде совершеннолѣтія. Каждый домъ составлялъ тогда особливую Церковь, говоритъ Златоустъ *).

Многіе Христіане, даже изъ мірянъ, столь прилѣжно читали Св. Писаніе, что знали его наизустъ. Они обыкновенно носили его съ собою, отъ чего многихъ Святыхъ находили погребенными съ Евангеліемъ на груди. Св. Златоустъ свидѣтельствуетъ, что еще и въ его время многія женщины носили оное на шеѣ **), что умывали руки, принимаясь за Св. книги ***), что каждый пристойно убирался, что мущины стояли съ открovенною головою, а женщины накрывались въ знакъ почтенія. Ибо и сіи не менѣе читали Писаніе, сколько мущины. Извѣстно, что мученики, во время Діоклитіанова гоненія, принужденные все оставлять и скрываться въ пещерахъ, ни о чемъ не жалѣли кромѣ Св. книгъ, въ коихъ уже не имѣли утѣшенія по прежнему поучаться день и ночь.

*) Злат. Бесѣд. 36 на Посл. къ Корине.
**) Злат. Бесѣд. 72 на Матѳея.
***) Злат. Бесѣд. 53 на Іоанна.

Христіане кромѣ того читали творенія Епископовъ и Писателей Церковныхъ, коихъ число весьма умножилось еще въ первыхъ вѣкахъ. Евсевій насчитываетъ ихъ около сорока, кромѣ Писателей безъименныхъ, или такихъ, о коихъ онъ говоритъ только вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что самая большая часть древнихъ писаній не дошла до нашего времени. Положимъ, что многіе изъ Епископовъ не могли писать книгъ частію по своей скромности, частію по опасенію обнародывать таинства, частію по причинѣ своихъ многотрудныхъ занятій, или по причинѣ гоненій, не позволявшихъ имъ даже жить долгое время. Но при всемъ томъ имъ необходимо было писать письма о разныхъ вещахъ и защищать Религію противъ еретиковъ и язычниковъ. Сверхъ того столь много было ученыхъ, Философовъ и Ораторовъ, по всей Имперіи, особливо въ Греціи и на Востокѣ, что между Христіанами никогда не могло быть недостатка въ хорошихъ Писателяхъ.

Чтеніе языческихъ книгъ было возбраняемо вѣрнымъ какъ могущее поколебать вѣру

неукрѣпленныхъ и пришомъ безполезное. „Ибо чего не достаешъ для васъ въ законѣ „Божіемъ?“ говоришъ одинъ древній Писашель *). „Хошите ли Исторіи? У васъ „есшь Книги царсшвъ. Желаеше ли Фило„софіи или Поэзіи? У васъ есшь Пророки, „Іовъ, Пришчи, гдѣ вы найдеше гораздо бо„лѣе ума, нежели во всѣхъ Поэшахъ и Фи„лософахъ, пошому что эшо есшь слово „единаго Премудраго Бога. Любише ли ги„мны? У васъ есшь Псалмы. Изыскиваеше „ли древносши? У васъ есшь Книга Бышія. „Наконецъ законъ Божій преподаешъ вамъ „правила и насшавленія душеспасишельныя.“ Впрочемъ Епископы и Пресвишеры не счишали для себя запрещеннымъ чишашь свѣшскія книги, и съ пользою упошреблящь оныя въ опроверженіе язычниковъ чрезъ свидѣшельсшво ихъ Поэшовъ и Философовъ. Они должны были знашь всѣ исшины, какъ бы шо ни было исшолкованныя, какъ свою собсшвенносшь; пошому что были ученики Іисуса Хриcша, кошорый есшь исшочникъ всякой исшины и премудросши.

---

*) Посшановленій Aпосш. Кн. 1. гл. 6.

6. Трудъ. Ремесла.

Непрестанное упражненіе въ чтеніи Писанія было предписываемо въ особенности богатымъ для избѣжанія праздности и разсѣянія; прочіе занимались ремеслами, дабы было, чѣмъ жить, платить долги и подавать милостыню; но ихъ ремесла были самыя невинныя и совершенно приспособленныя къ уединенію и Христіанской кротости *). Многіе изъ самыхъ богатыхъ подвергали себя произвольной нищетѣ, раздѣляя свои имущества бѣднымъ, особливо во времена гоненій, дабы симъ образомъ приготовить себя къ мученичеству. Ближайшіе ученики Апостоловъ, кои послѣ нихъ трудились надъ распространеніемъ Слова Божія, поступали также по побужденію благороднѣйшему. Они продавали свои имущества, и деньги за нихъ полученныя раздавали нищимъ, дабы съ вящшимъ дерзновеніемъ проповѣдывать Слово Божіе всюду. Многіе Христіане трудились только для того, чтобы не быть въ праздности. Ибо имъ строго

---

*) Постановленій Апост. кн. I. гл. 4.

внушали *) убѣгать сего порока и другихъ съ онымъ неразлучныхъ, какъ то разсѣянности, любопытства, злорѣчія, безполезныхъ посѣщеній, пересудовъ. Напротивъ увѣщевали каждаго, чтобы онъ пребывалъ въ покоѣ и молчаніи, занимаясь какимъ либо полезнымъ дѣломъ, особенно же дѣлами любви между больными, бѣдными и другими, имѣвшими нужду въ помощи.

Такимъ образомъ жизнь Христіанъ была непрерывное послѣдованіе молитвы, чтенія и труда, которыя смѣнялись по часамъ и не были прерываемы, какъ развѣ на самое краткое время, по требованію нуждъ житейскихъ. Но чѣмъ бы кто изъ нихъ ни занимался, на всякое занятіе смотрѣлъ, какъ на дополненіе къ благочестію, которое почиталъ главнымъ и единственнымъ упражненіемъ на цѣлую жизнь **). Ихъ званіе было единственное и простое званіе Христіанина; они не имѣли другаго титла: и, когда судіи вопрошали ихъ о ихъ имени, спра-

*) Постан. Апостоль. кн. 1. гл. 4. Климентъ Александрійскій въ 3 книгѣ о воспитаніи дѣтей гл. 10.
**) Постановленій Апост. кн. 2 гл. 62. 63.

нѣ и состояніи, они отвѣтствовали однимъ словомъ: *Я Христіанинъ*.

Они не любили состояній сопряженныхъ съ излишними заботами и развлеченіемъ; однакожъ сіе не препятствовало имъ оставаться въ томъ званіи, какое кто изъ нихъ имѣлъ до крещенія, естьли только сіе званіе не заключало въ себѣ ничего противнаго благочестію *). Такъ воиновъ, когда они дѣлались Христіанами, не обязывали оставлять службу, но токмо убѣждали соблюдать правило, предписанное имъ въ Евангеліи: *Никого же обидите, ни оклеветайте, и довольни будите оброки вашими.* (Лук. 3, 14.) А что великое число Христіанъ находилось въ войскѣ, тому доказательствомъ служатъ громоносный Легіонъ, прославившійся при Маркѣ Авреліѣ, и Ѳивскій, который, по примѣру своего вождя Мавриція, весь принялъ мученіе отъ Максиміліана Геркула. Воинскія правила Римлянъ, еще не вышедшія изъ употребленія, состояли существенно въ воздержаніи, трудолюбіи, повиновеніи и терпѣніи,—добродѣтеляхъ, совер-

*) Тертулліанъ о вѣнцѣ гл. 11.

щенно согласныхъ съ Христіанствомъ. Не смотря однако же на сіе, Христіане иногда отрицались записываться въ службу, или даже выходили изъ оной, дабы не участвовать въ языческихъ обрядахъ, какъ то въ яденіи идоложертвеннаго, въ поклоненіи знаменамъ, изображавшимъ идоловъ, въ обыкновеніи клясться именемъ Императора, вмѣсто имени Божія, и украшаться цвѣточными вѣнками на общенародныхъ пиршествахъ*).

7. Постъ.

Христіане постились чаще Іудеевъ, но образъ ихъ пощенія былъ почти тотъ же, то есть, носилъ на себѣ обыкновенные знаки сѣтованія. Существенное правило поста состояло въ томъ, чтобы ѣсть не болѣе одного раза въ день по вечеру; воздерживаться отъ вина, отъ сладкихъ и питательныхъ яствъ и проводить день въ уединеніи и молитвѣ. Въ книгѣ *Пастырь*, весьма уважаемой древними, говорится, что въ день поста съ самаго утра должно уходить на молитву, не вкушать ничего, кромѣ хлѣба

*) Тертул. о вѣнцѣ гл. 11.

и воды, и раздавать нищимъ избытки отъ имущества. Дѣйствительно съ постомъ всегда соединялось раздаяніе милостыни; самый постъ служилъ къ тому средствомъ, убавляя часть дневнаго расхода. Питіе прежде ужина почиталось нарушеніемъ поста. Нѣкто изъ Святыхъ, идя на мученіе, отвергнулъ напитокъ, который ему поднесли для укрѣпленія силъ, говоря, что еще не пришло время прервать постъ. Это было въ пятницу, въ десять часовъ утра. Въ первыхъ вѣкахъ Церковный постъ у Христіанъ былъ одинъ, который предшествовалъ Пасхѣ, то есть, Великій постъ *). Церковь соблюдала оный въ память страданій Іисуса Христа, прилагая къ себѣ сказанное Имъ: *Егда отъимется отъ нихъ* (Апостоловъ) *женихъ, тогда постятся.* (Матѳ. 9, 15. Марк. 2, 20.) Прочіе посты были произвольные **): постъ въ среду и пятокъ каждой недѣли, посты назначаемые Епископами по особеннымъ обстоятельствамъ Церквей, и посты, кои каждый налагалъ на себя по своему собственному благочестію.

*) Тертулліанъ о постѣ гл. 2.

**) Тамъ же гл. 13.

Постъ въ среду и пятокъ каждой недѣли, подобно главному посту, основывался на страданіяхъ Іисуса Христа; поелику въ среду составленъ былъ противъ Него Іудеями совѣтъ, а въ пятокъ Онъ умеръ.

Сіи посты различествовали между собою мѣрою продолженія, которая была трояка я. Еженедѣльные посты продолжались до девятаго часа утра, или, по нашему, до третьяго за полдень, почему и называли ихъ полу—постами. Постъ въ Четыредесятницу оканчивался Вечернею, или около шести часовъ вечера и заката солнечнаго. Еще былъ сугубый постъ или полное говѣнье, въ коемъ цѣлые сутки проводили безъ пищи. Такъ говѣли въ В. субботу, нѣкоторые къ ней присовокупляли В. пятокъ; иные такъ проводили три дня, другіе четыре, нѣкоторые всѣ шесть дней страстной недѣли, каждый, сколько могъ. Сей сугубый постъ въ Испаніи соблюдался каждую субботу, и сверхъ того разъ въ каждомъ мѣсяцѣ, исключая Іюль и Августъ. Причина, почему постились до девятаго часа, заключалась въ воспомина-

нія смерти Іисуса Христа, а до вечера, въ воспоминаніи Его погребенія *).

Степени воздержанія были также различны. Одни наблюдали сыроядение, то есть, не ѣли ничего печенаго; другіе—сухоядение **), воздерживаясь не только отъ мяса и вина, но и отъ плодовъ винныхъ и сочныхъ, и употребляя съ хлѣбомъ только орѣхи, миндаль и тому подобное; иные довольствовались хлѣбомъ и водою. Сухоядение одобряемо было ***) особливо во время гоненія, какъ приготовленіе къ мученичеству. Нѣкоторые, и кромѣ страстной недѣли, ничего не ѣли въ продолженіи многихъ дней и нерѣдко даже до десятой зари, какъ говоритъ Лукіанъ, свидѣтель несомнительный. Ибо въ сихъ необыкновенно продолжавшихся постахъ заключались и Воскресные дни, въ кои закономъ возбранено было поститься.

Сіи примѣры мало дѣйствуютъ на нынѣшній свѣтъ. Почти общее въ немъ мнѣніе,

*) Тертул. о постѣ гл. 10.
**) Тамъ же гл. 13.
***) Тамъ же гл. 9.

что таковыя строгости древнихъ Христіанъ нынѣ неудобоисполнимы. Природа, говорятъ иногда, послѣ толикаго множества столѣтій устарѣла; люди уже не живутъ такъ долго, тѣла не столь здоровы, какъ прежде. Но желательно бы знать, чѣмъ могутъ доказать сію перемѣну. Ибо мы говоримъ не о баснословныхъ временахъ Греціи, а о времени первыхъ Императоровъ Римскихъ, о періодѣ извѣстнѣйшихъ Греческихъ и Латинскихъ Писателей. Пусть трудятся, сколько угодно; никогда не докажутъ, что жизнь человѣческая, спустя осмьнадцать столѣтій, сдѣлалась короче. Въ то самое время и еще гораздо ранѣе она простиралась не болѣе, какъ до семидесяти или осьмидесяти лѣтъ. (Псал. 89, 10.) Въ первыхъ вѣкахъ Христіанства хотя были еще въ Греціи и Римѣ люди занимавшіеся искусствомъ, помощію разныхъ тѣлесныхъ упражненій укрѣплять свое тѣло; но съ другой стороны было гораздо болѣе такихъ, кои пороками, особливо вредными для здоровья, изможадали оное, подобно какъ нынѣ многіе, въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ, отъ тѣхъ же причинъ дѣлаются стариками. Впрочемъ среди

сего развращенія, коимъ исполнены были Египетъ и Сирія, возникали великіе постники, и жили гораздо долѣе, нежели другіе люди. Правда, что въ теплыхъ странахъ постъ не столь тягостенъ: но мы видимъ необыкновенные примѣры воздержанія въ Галліи и въ странахъ самыхъ холодныхъ, и притомъ спустя болѣе тысячи лѣтъ послѣ Апостоловъ: ибо многіе изъ великихъ подвижниковъ послѣдовали древнему образу пощенія.

Христіане, подобно Іудеямъ, взирали на постъ, какъ на время сѣтованія. Правда, Іудеи налагали его на себя часто въ изъявленіе естественной скорби, причиненной потерею любезной особы, или другимъ какимъ либо бѣдствіемъ токмо временнымъ. Но Христіане, все прилагая къ духовнымъ вещамъ, употребляли сіи внѣшніе знаки сѣтованія для возбужденія въ себѣ печали, содѣлывающей спасеніе, (2 Кор. 7, 10) то есть, раскаянія во грѣхахъ. Св. Кипріанъ хочетъ, чтобы грѣшникъ оплакивалъ смерть своей души, по крайней мѣрѣ, какъ потерю

любезной особы *), и Св. Златоустъ **) употребляетъ то же сравненіе. Сверхъ того постъ считался полезнымъ для предотвращенія искушеній, какъ изнуряющій тѣло и подчиняющій оное духу. По сему-то постящіеся избѣгали всякаго рода удовольствій даже позволенныхъ. Всѣ, противъ обыкновеннаго, становились уединеннѣе, молчаливѣе, къ церкви усерднѣе, въ молитвѣ и чтеніи прилѣжнѣе.

8. Столъ.

Но и не въ постные дни столъ Христіанъ былъ самый умѣренный и простой. Имъ внушали не для того жить, чтобы ѣсть, но для того ѣсть, чтобы жить ***); принимать пищи не болѣе, какъ сколько нужно для здоровья и укрѣпленія силъ, дабы снова трудиться; презирать всѣ лакомыя яства, приготовленіе къ пышнымъ обѣдамъ и все то, къ чему потребно искусство поваровъ.

*) Кипріанъ въ книгѣ о паденіи.

**) Златоустъ въ книгѣ о умиленіи.

***) Климентъ Александр. во 2 кн. о воспит дѣтей гл. I.

Они разумѣли буквально и какъ законъ сія слова Ап. Павла: *Добро не ясти мясъ, ниже пити вина.* (Рим. 14, 21.) Воздержаніе отъ вина предписывалось наипаче женщинамъ и отрокамъ; и тѣ, кои пили оное, всегда мѣшали его съ водою. Ежели кто ѣлъ мясо, то большею частію рыбье или птичье, нежели мясо четвероногихъ животныхъ, которое почиталось слишкомъ сочнымъ и питательнымъ: отъ крови же и удавленины воздерживались всѣ, по запрещенію Апостольскаго Собора, (Дѣян. 15, 29.) бывшему въ силѣ долгое время. Многіе питались однѣми молочными яствами, плодами и овощами. Да и отъ овощей, какъ то гороха, бобовъ, чечевицы, коль скоро находили оные слишкомъ питательными для тѣла, назначеннаго къ изнуренію, брали одну зелень для употребленія оной съ хлѣбомъ и водою, основываясь на буквальномъ смыслѣ словъ Апостола: *Изнемогаяй зеліе да ястъ.* (Рим. 14, 2.) Разсказываютъ объ Апостолѣ Матѳеѣ, что онъ питался одною зеленью, древесными почками и ягодами.

Вообще Христіане употребляли токмо

кушанья самыя простыя, состоящія болѣе изъ того, что можно ѣсть сырое и безъ приправы, нежели изъ того, что надобно печь *); и не садились за столъ болѣе двухъ разъ въ день, совершенно отметая, по внушенію Апостоловъ, сіи собранія послѣ ужина, называемыя пирушками, (Гал. 5, 21. Рим. 13, 13. 1 Петр. 4, 3.) на коихъ цѣлыя ночи провождались въ піянствѣ. Обѣдъ или ужинъ, сколько бы просты и легки они ни были, начинались и заключались молитвами, коихъ образецъ доселѣ хранится между Церковными молитвами; на сей-то предметъ Пруденцій сочинилъ два гимна, въ коихъ весьма ясно изображенъ духъ сихъ первыхъ вѣковъ **).

Въ сіи времена было обыкновеніе заставлять читать что нибудь въ продолженіе стола. Плиній никогда сего не опускалъ; и Ювеналъ, приглашая одного изъ своихъ друзей къ себѣ на ужинъ, обѣщаетъ ему чте-

---

*) Климентъ Алекс. въ II кн. о воспитаніи дѣтей гл. I.

**) Библіотека Отцевъ томъ 3.

ніе Гомера и Виргилія. Христіане *) заставляли читать Св. Писаніе, и, вмѣсто развратныхъ пѣсенъ и игръ, коими сопровождались языческія пиршества, пѣли духовные гимны. Ибо они отнюдь не охуждали ни музыки, ни увеселенія, только бы то и другое было благочинно и служило къ славѣ Божіей. Они не ѣли вмѣстѣ съ Еретиками, и другими отлученными отъ Церкви, (1 Кор. 5, 11.) ни даже съ оглашенными; но иногда ѣли съ невѣрными, (1 Кор. 10, 27.) дабы не вовсе расторгать съ ними общеніе.

---

*) Климентъ въ II. кн. о воспитаніи дѣтей, и въ 6 стромѣ на стр. 659.

XIV.

Отложимъ дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта. Рим. 13, 12.

Получивъ бытіе отъ Отца свѣтовъ, человѣкъ естественно долженъ стремиться къ свѣту, какъ лучь, исходящій отъ солнца, стремится паки къ солнцу; какъ источникъ, изъ моря изливающійся, въ него же паки возвращается. Ибо таковъ законъ въ твореніяхъ Вѣчнаго. Но сила ли тьмы такъ велика, или любовь въ насъ ко тьмѣ такъ сильна, что мы *ненавидимъ свѣта и не приходимъ къ свѣту?* (Іоан. 3, 20.) Кажется, что и другое должно соединиться вмѣстѣ для произведенія въ насъ сего противоестественнаго расположенія *къ Свѣту животному.*

Велика и сила тьмы! Ибо едва только она коснулась духа нашего, какъ уже и сокрыла отъ него невидимый, небесный міръ, гдѣ онъ, сіяніемъ трисвѣтлаго Божества озаряясь, свято жилъ и блаженствовалъ; — едва коснулась духа, и уже мракъ простер-

ся надъ всею душею. Разумъ, потерявъ вѣдѣніе истины, осуешился въ своихъ помышленіяхъ, и погрузился въ бездну предразсудковъ и заблужденій; желанія воли, свергнувъ съ себя владычество разума, разсѣялись по дольнему міру, и забыли или не восхотѣли стремиться къ своему единственному—верховному Благу; высочайшая красота престала быть сладчайщею пищею расшлѣнному въ своихъ чувствованіяхъ сердцу.— Едва тьма коснулась духа, какъ уже открылась и въ тѣлѣ. Плоть со страстьми и похотьми востала противъ духа, и, вмѣстѣ съ чувствами, приковала его къ суетѣ и тлѣнію. — Едва тьма коснулась духа человѣческаго, какъ уже мгла покрыла всю вселенную, тѣнь смертная простерлась надъ одушевленною и неодушевленною тварію.

Сильна подлинно въ насъ и любовь ко тьмѣ! Ибо многія и великія были посылаемы свѣтила на землю для просвѣщенія сей тьмы; но мы всегда желали лучше сидѣть во тьмѣ, нежели ходить при свѣтѣ ихъ. Пришелъ въ міръ и Самъ пренебесный, живый и живо-

творящій Свѣтъ, дабы возсіять въ сердцахъ нашихъ: но мы и отъ Сего отвращаемъ очи или смѣжаемъ ихъ, когда Онъ невольно осіяваетъ насъ. А такимъ образомъ болѣе и болѣе погружаемся во тьму; глубже и глубже погрязаемъ въ нечестіи; скверны будучи по грѣховному своему естеству, мы скверниmся еще — добровольно, когда и не желаемъ очищенія и просвѣщенія. Но чѣмъ больше тьма, тѣмъ гибельнѣе; чѣмъ сильнѣе любовь ко тьмѣ, тѣмъ богопротивнѣе. Возлюбилъ нѣкогда денница тьму, и со всѣмъ сонмомъ единомысленныхъ себѣ духовъ *связанъ отъ Бога узами адскаго мрака, для сохраненія на судъ.* (2 Пет. 2, 4.) Возлюбила тьму первая душа, и изгнана изъ свѣтлаго рая, отчуждена отъ жизни Божіей, осуждена на временную и вѣчную смерть. Куда и насъ ведутъ дѣла темныя? Въ царство Божіе, какъ въ царство свѣта, ничто нечистое и скверное, ничто мрачное не входитъ: и такъ конечно онѣ ведутъ насъ во тьму кромѣшнюю? Туда ли бы мы желали идти съ своими дѣлами? Но сіи и невольно повлекутъ насъ туда, естьли не послушаемъ совѣта Павлова, естьли не отвергнемъ сихъ *без-*

плодныхъ въ добрѣ, но плодотворныхъ во злѣ *дѣлъ тьмы.* (Ефес. 5, 11.)

Но какъ мы отвергнемъ ихъ? Какія употребимъ силы противу собственныхъ, враждебныхъ намъ силъ; противъ *силъ тьмы вѣка сего, и духовъ злобы поднебесныхъ,* (Ефес. 6, 12.) все темное царство противъ насъ ополчающихъ? *Укрѣпляйтесь братія мои,* такъ вразумляетъ насъ и о семъ Апостолъ, укрѣпляйтесь *въ Господѣ, и въ могуществѣ силы Его.* Конечно наши силы слабы противъ могущества враговъ нашихъ: но *крѣпокъ и силенъ Господь.* Будемъ уповать на Него во всѣхъ трудностяхъ, искушеніяхъ и нападеніяхъ: и Онъ *поборетъ по насъ.* (Исх. 14, 14.) Никакое плотское—человѣческое оружіе въ сей духовной брани устоять не можетъ: но *облечемся во всѣ оружія Божіи,* въ оружія свѣта, и *возможемъ* съ сими *стать противъ всѣхъ козней діавольскихъ.* (Ефес. 6, 11.)

И такъ станьте, продолжаетъ увѣщавать насъ Апостолъ, — перестаньте сидѣть во тьмѣ и сѣни смертной, рѣшитесь от-

вергнуть все царство ея, *бодрствуйте* надъ коварствомъ враговъ и надъ сохраненіемъ благодати, *трезвенно* ходите или стойте предъ Богомъ,—*станьте, препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ твердость Евангелія мира.* (Ефес. 6, 14.) Истина должна окружать нашу душу; она должна доставить вѣрность нашимъ познаніямъ, показавъ намъ прежде всего наше ничтожество предъ величествомъ Божіимъ,—должна доставить простоту нашему сердцу, правоту духу; ею должны быть *препоясаны и чресла наши*, то есть, она должна открываться и внѣ: слова наши всегда должны быть согласны съ нашими мыслями, и въ дѣлахъ нашихъ не должно быть притворства.—Должны мы *облечься бронею праведности* не собственной, которая распадается и безъ стрѣлъ вражескихъ, но праведности Христовой, которая одна можетъ устоять и противъ ударовъ меча Божія. — *Ноги наши должны быть обуты въ твердость Евангелія мира*, то есть, мы должны быть готовы ходить, но не *въ воляхъ сердецъ нашихъ*, а *въ заповѣдяхъ и оправ-*

даніяхъ Господнихъ, исполняя и возвѣщая міру столь ясно въ Евангеліи мира открытую *волю Божію благую, угодную и совершенную*. (Ефес. 6, 16.) *А паче всего возмите*, присовокупляетъ Апостолъ, *щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленныя стрѣлы лукаваго*, возможете *побѣдить царства, сотворить правду, получить обѣщанное, заградить челюсти львовъ, угасить силу огня, избѣгнуть* или притупить *остріе меча, прогнать полки иноплеменниковъ*, (Евр. 11, 33. 34.) словомъ, возможете препобѣдить все, что бы ни встрѣтилось на пути къ царству Свѣта. Только еще, для большей безопасности, *шлемъ надежды спасенія возмите и мечь духовный, который есть Слово Божіе*. (Ефес. 6, 17.) Душа да упразднится отъ всякаго помышленія, отъ всякой заботы; одна надежда спасенія да стрежетъ, да ограждаетъ ее и укрѣпляетъ, какъ шлемъ главу воина. Мечемъ Слова Божія, всякаго обоюдуостраго меча острѣйшимъ, мы должны пронзать и самихъ себя, *до раздѣленія души и духа, до составовъ и мозговъ*, (Евр. 4, 12.) отсѣкая и истребляя все, что въ самыхъ *помышле-*

ніяхъ нечисто, и *въ намѣреніяхъ сердечныхъ* воли Божіей противно; и въ другихъ мы должны убивать враговъ Божіихъ, враговъ Іисуса Христа и Церкви Его, — поборниковъ и защитниковъ царства темнаго.

Таково оружіе доблественныхъ воиновъ Христовыхъ,—оружіе свѣта, не плотское и слабое, но *сильное Богомъ на разореніе* всѣхъ *твердыней* сатанинскихъ, на истребленіе всѣхъ преградъ, плотію и міромъ поставляемыхъ *для* удержанія человѣковъ во власти тьмы! Таково оружіе всѣхъ сыновъ свѣта!

XV.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Какъ путешественникъ, палимый зноемъ, стремится къ источнику воды; такъ разумъ съ неутолимымъ жаромъ стремится къ познаніямъ. Но умѣй обуздывать его, ибо онъ дерзокъ; умѣй управлять имъ, ибо онъ своенравенъ; умѣй удерживать его, ибо онъ наглъ. Разумъ для неумѣющаго обладать имъ есть то же, что мечь въ рукѣ неистоваго безумца.

Цѣлію изысканій разума есть истина; его средства къ открытію истины суть разсужденіе и опытъ: но разсужденіе и опытъ, какъ принадлежности человѣческой природы, часто бываютъ неточны и приводятъ къ заблужденію. Какимъ же образомъ разуму достигнуть открытія истины?—Человѣкъ! познаніе самаго себя, глубокое чувствованіе Творца, домъ поклоненія Ему суть истины, такъ ясныя очамъ твоимъ, какъ свѣтъ сол-

нечный. Для чего же ты хочешь еще болѣе расширять кругъ твоихъ познаній?

Тѣло есть жилище души; но не превозносись тѣломъ: хозяинъ дома почтеннѣе стѣнъ его. Душа есть владычица тѣла, повелительница всѣхъ чувствъ его: не попускай, чтобъ подчиненные противились власти ея. Пусть душа заключится въ предѣлахъ умѣренности, пусть умъ будетъ внимателенъ къ пользамъ души; тогда чувства будутъ вѣрными служителями и орудіями истины!

Человѣкъ! для чего ты одинъ изъ всѣхъ животныхъ имѣешь прямое и возвышенное тѣло?—Для того, чтобъ разсматривать дѣла рукъ Божіихъ. Ты долженъ ихъ разсматривать, что бы удивляться имъ; ты долженъ имъ удивляться, чтобы благоговѣть предъ Творцемъ ихъ.

Для чего дана тебѣ рука?—Для того, чтобъ ты простиралъ ее къ ближнему.

Для чего ты одинъ изъ всѣхъ животныхъ можешь произносить явственные звуки, составлять слова, изображать свою мысль, облагороживать ее изящностію выраженія?... Чувствуй цѣну сего прекраснаго преимущества, и благодари Даровавшаго тебѣ оное, научая дѣтей твоихъ любить Его и покланяться Ему.

Для чего ты одинъ изъ всѣхъ животныхъ способенъ краснѣть? . . . Не дѣлай ничего постыднаго; твой стыдъ прочтутъ на челѣ твоемъ.

Всевѣдущій читаетъ въ сердцѣ человѣка всю суетность его желаній, и часто, по милосердію своему, отвергаетъ его прошенія.

Бѣдный жалуется на свою нищету по тому, что не видитъ тягостей и мученій богатаго; низкій жалуется на свою неизвѣстность по тому, что не видитъ заботъ и опасностей высокаго. И такъ не завидуй

никому въ его видимомъ счастіи; ибо ты не знаешь тайныхъ его мученій.

Чаша чистаго и несмѣшеннаго счастія не подается никогда простому смертному. Добродѣтель есть поприще, которое онъ долженъ совершить; а счастіе есть цѣль сего поприща: невозможно достигнуть счастія, не кончивъ теченія, и не получивъ вѣнца вѣчности.

Тотъ, который боится сказать одно слово противъ земнаго владыки своего, не страшится судить о дѣлахъ своего Бога. Тотъ, который не смѣетъ безъ уваженія произнести имени своего начальника, не стыдится призывать имя своего Творца для подтвержденія лжи. Тотъ, который старается смягчить судію просьбами и дарами, осмѣливается дѣлать условія съ Богомъ,—осмѣливается даже роптать на Бога, когда Онъ не исполняетъ его требованій.

О человѣкъ! почему нечестіе твое о-

спается безъ наказанія? . . . Потому что день суда твоего не пришелъ еще.

Болѣзни и страданія суть общій удѣлъ всѣхъ человѣковъ, суть необходимое слѣдствіе поврежденной природы нашей. Ужели ты станешь требовать чудесъ для твоего освобожденія отъ нихъ? Ужели станешь роптать, когда онѣ постигнутъ тебя?

Болѣзнь продолжительная менѣе сильна; стыдись малодушно жаловаться на нее: болѣзнь сильная менѣе продолжительна; ожидай терпѣливо близкаго конца ея. Тѣло создано съ тѣмъ, чтобы подчинено было душѣ: распространять тягости тѣла на душу значитъ подчинять душу тѣлу, значитъ превращать порядокъ творенія.

Несправедливо было бы требовать свободы отъ условія, подъ которымъ дарована тебѣ жизнь. И такъ исполняй оное равнодушно; сноси то, чего отвратить не можешь. Когда оставляетъ тебя твердость,

призови въ помощь вѣру; когда оставляетъ терпѣніе, призови надежду.

Тотъ не вотще родился, кто умѣетъ умереть; тотъ жилъ съ пользою, кто умираетъ, какъ должно. Не измѣряй счастія жизни ея продолженіемъ. Самая счастливая жизнь есть та, которая приноситъ честь человѣку; онъ получитъ награду по смерти.

Кто размышляетъ о томъ, что ему должно умереть, тотъ доволенъ жизнію; кто изгоняетъ изъ своего ума мысль о смерти, тотъ живетъ несчастно.

Хочешь ли ты научиться умереть достойно и по Христіански?—пусть пороки твои умрутъ прежде тебя! Счастливъ, кто оканчиваетъ дѣло жизни своей прежде смерти,—кому остается уже только умереть, когда ударитъ часъ его!

О, это несравненно болшее зло, нежели

сколько мы можемъ представить себѣ! Естьли пламенѣющая страсть не изливается въ огненныхъ потокахъ, то мы уже почитаемъ себя безопасными. Сердце! непрестанно бди надъ собою! Естьли когда надъ кипящею бездною бываетъ тихо, то страшись скораго, тѣмъ сильнѣйшаго воспламененія.

Изреченіе Іудеевъ: „Кто оставляетъ ученіе на одинъ день, того оно оставляетъ на три дня,“ весьма хорошо можно приложить къ благочестію и праводѣ.

Кто одну страсть хочетъ вытѣснить другою, и такимъ образомъ спасти душу, тотъ старается пламенѣющій домъ утушить масломъ.

XVI.

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ О СВ. ДІОНИСІѢ АРЕОПАГИТѢ *).

Св. Діонисій Ареопагитъ, современникъ Апостольскій, родился въ Аѳинахъ, на десятомъ годѣ по Р. Х. Родители его были язычники, знаменитые по своей породѣ и добродѣтелямъ. Первоначальное образованіе Св. Діонисій получилъ въ домѣ родителей. Оказавъ быстрые успѣхи въ наукахъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія своихъ Философскихъ познаній онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ, и потомъ прибылъ въ Египетъ, — столицу мнимо-высокой земной мудрости. Пребываніе Св. Діонисія въ Египтѣ особенно замѣчательно потому, что онъ и его товарищъ, Апполофанъ, находясь въ Иліополѣ, видѣли затмѣніе солнца, случившееся среди того дня, въ который Спаситель міра былъ вознесенъ на крестъ. И поелику сіе необыкновенное явленіе, по ихъ

*) Извлечено изъ Михаила Пселла, Меѳодія и Петра Галлоа. Смот. Dionys. Areop. Oper. Tom. II.

Астрономическимъ вычисленіямъ, не могло произойти отъ естественныхъ причинъ, то Св. Діонисій сказалъ: *Это или Богъ страждетъ, или сострадаетъ страждущему.* О семъ происшествіи упоминаетъ онъ самъ въ письмѣ своемъ къ Поликарпу.

Пробывъ нѣсколько времени въ Египтѣ, Св. Діонисій возвратился въ отечество. Порода, просвѣщеніе и добродѣтельная жизнь пріобрѣли ему между согражданами великую славу и онъ былъ опредѣленъ членомъ Ареопага, отъ чего и получилъ наименованіе Ареопагита. Проповѣдь Св. Апостола Павла, произнесенная въ Ареопагѣ, убѣдила его въ истинѣ Христіанской Вѣры, и онъ немедленно сдѣлался Христіаниномъ. По довольномъ наставленіи отъ Учителя языковъ въ истинахъ Евангельскихъ, на 55 годѣ по Р. Х. и на 46 годѣ своей жизни, Св. Діонисій рукоположенъ былъ своимъ высокимъ наставникомъ во Епископа Аѳинской Церкви. Устное слово сего просвѣщеннаго Пастыря, по замѣчанію Метафраста, подобно слову Спасителя, было со властію. Оно невольно покаряло и привлекало къ нему души и

сердца Аѳинянъ, славившихся земною мудростію. Въ обращеніи съ людьми онъ столько былъ мудръ, что по словамъ того же Дѣеписателя, подобно своему учителю, Апостолу Павлу, былъ всѣмъ вся. Ревность къ проповѣди побудила сего ученика Апостольскаго, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, предпринять подвиги Апостольскіе. Съ симъ святымъ намѣреніемъ онъ отправился на Западъ, и проходя разныя страны, проповѣдывалъ Евангеліе. По прибытіи въ Галлію и потомъ въ Парижъ, за проповѣданіе Іисуса Христа, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, Рустикомъ и Елевѳеріемъ, во время гоненія Домиціанова, онъ принялъ мученическую кончину.

Сей трудолюбивый и просвѣщенный Пастырь оставилъ по себѣ слѣдующія до нашихъ временъ дошедшія сочиненія:

1. О небесной Іерархіи.

2. О Церковной Іерархіи.

3. О именахъ Божіихъ.

4. О таинственномъ Богословіи.

5. Десять писемъ, и именно четыре къ Гаію Монаху, одно къ Діакону Дороѳею, одно къ Сопатру Епископу, одно къ Демофилу Монаху, одно къ Титу Епископу Критскому, одно къ Апостолу Іоанну Богослову, находившемуся на Патмосѣ и одно къ Аполофану языческому Философу.

Историческая достовѣрность сихъ сочиненій утверждается тѣмъ, что въ теченіи первыхъ одинадцати вѣковъ Христіанскихъ никто не сомнѣвался въ ихъ подлинности. Въ пятомъ вѣкѣ о нихъ упоминаетъ Ювеналій Епископъ Іерусалимскій *), а въ шестомъ Леонтій Византійскій **). Въ седьмомъ вѣкѣ онѣ изъяснены Св. Максимомъ. Наконецъ на нихъ указывается въ дѣяніяхъ шестаго вселенскаго Собора ***).

---

*) Niceph. Hist. Eccl. lib. 2. cap. 20.
**) Biblioth. Patr. Lugduni. Tom. 9. pag. 693.
***) Mansi Tom. II. colum. 371. Act. 8.

XVII.

СВЯТАГО ДІОНИСІЯ АРЕОПАГИТА

Письма къ разнымъ лицамъ.

1-е Къ Гаію Ѳерапевту *).

Мракъ изчезаетъ при свѣтѣ, и наипаче при великомъ свѣтѣ: невѣдѣніе прогоняютъ познанія, и наипаче великія познанія. Принимая сіе въ смыслѣ превосходства, а не лишенія, утверждай непреложно, что невѣдѣніе Бога **) сокрыто отъ тѣхъ, которые имѣютъ свѣтъ и познаніе о вещахъ;— что сей превыспренній мракъ Его скрывается при всякомъ свѣтѣ, равно какъ и при немъ скрывается всякое познаніе. Естьли кто, видѣвъ Бога, уразумѣлъ то, что видѣлъ,—сіе значитъ, не Его онъ видѣлъ, а что нибудь изъ существующаго и познаваемаго.

*) Ѳерапевтами, по свидѣтельству сего же Автора, назывались Монахи. Цер. Іерар. глав. 6.

**) Діонисій имѣетъ здѣсь въ виду свой Трактатъ о таинственномъ Богословіи, гдѣ объясняется свойство и высокое достоинство сего невѣдѣнія.

Самъ Онъ, будучи выше ума и выше бытія, потому самому, что не принадлежитъ къ числу познаваемаемыхъ и случайно существующихъ предметовъ, существуетъ пресущественно, и выше ума познается. И сіе, въ преимущественномъ смыслѣ, совершенное невѣдѣніе, есть познаніе Того, который выше всего познаваемаго.

2-е Къ нему же.

Какимъ образомъ Тотъ, кто выше всѣхъ, выше и начала божественности, и начала благости? Сіе постигнешь, естьли подъ именемъ божественности и благости будешь разумѣть самый предметъ благообщительнаго и обожительнаго дара, и то неподражаемое подражаніе, чрезъ которое мы дѣлаемся причастны божественности и благости,—подражаніе Тому, который выше божественности и благости. Ибо естьли сіе служитъ началомъ божественности и благости тѣхъ, которые онымъ причастны, то Тотъ, кто выше начала всякаго начала, конечно выше и такъ называемой божественности и благости, пріемлемыхъ за начало

божественности и благости. Какъ неподражаемый и недостижимый, Онъ выше всякаго подражанія и достиженія, и выше тѣхъ, которые подражаютъ и достигаютъ общенія съ Нимъ.

3-е Къ нему же.

Внезапу—значитъ то, что бываетъ сверхъ чаянія, и дѣлается явно, бывъ дотолѣ сокрыто. Въ отношеніи къ человѣчеству Христову, я думаю, слово Божіе показываетъ симъ и то, что Пресущественный, бывъ доселѣ сокрытъ, явился намъ въ существѣ человѣческомъ. Но сокровенъ Онъ пребываетъ и послѣ явленія, или, скажу еще болѣе, и въ самомъ явленіи: ибо сокровенно сіе таинство Іисуса, и само по себѣ никакимъ словомъ, ни разумомъ неизъяснимо, но неизреченно пребываетъ и тогда, какъ изрекается, и непостижимо, когда разумѣвается.

4-е Къ нему же.

Какимъ образомъ, говоришь ты, Іисусъ, который выше всѣхъ, причисляется по су-

ществу къ прочимъ человѣкамъ? Конечно здѣсь Онъ называется человѣкомъ, не какъ Творецъ человѣковъ, но какъ истинный человѣкъ, имѣющій полное естество человѣческое. Впрочемъ мы не органичиваемъ Іисуса человѣчествомъ: ибо Онъ не человѣкъ только, (иначе не былъ бы пресущественъ, естьли бы былъ человѣкъ только) однакожъ Онъ истинный человѣкъ, который изъ несравненной любви къ человѣкамъ, будучи пресущественъ, пріялъ существо отъ человѣковъ, по образу человѣческому и вышечеловѣческому. Но тѣмъ не менѣе Онъ преисполненъ пресущественности, будучи всегда пресущественъ, конечно по преизбытку оной; и, пріявъ истинное существо, сталъ въ существѣ выше существа, и совершалъ дѣйствія человѣческія вышечеловѣчески. Доказательствомъ сему служитъ преестественное зачатіе Дѣвы, и вода, которая несмотря на свою текучесть держала тяжесть стопъ, изъ вещества и земли образованныхъ, и не разступилась подъ ними, но сверхъ естественною силою удержалась отъ разлитія. Можно представить и другіе примѣры, которыхъ весьма много.

Кто будетъ взирать на нихъ въ божественномъ свѣтѣ, тотъ уразумѣетъ непостижимымъ для ума образомъ, что и то, что утверждается о человѣчествѣ Іисусовомъ, имѣетъ силу преимущественнаго отрицанія. Ибо скажемъ короче, Онъ и не былъ человѣкъ, не потому, чтобы не былъ таковымъ, но поелику былъ выше человѣковъ, родившись отъ человѣковъ, и сталъ истиннымъ человѣкомъ непостижимымъ для человѣка образомъ. И совершалъ дѣйствія Божественныя, не какъ Богъ, и человѣческія, не какъ человѣкъ, но какъ вочеловѣчившійся Богъ, дѣйствовалъ, пребывая съ нами, новою нѣкоею Богомужною силою.

5-е къ Доровею Діакону.

Божественный мракъ есть тотъ неприступный свѣтъ, въ которомъ, по словамъ Писанія, (1 Тим. 6, 16.) живетъ Богъ. И поелику онъ отъ чрезвычайнаго сіянія невидимъ, и отъ преизбытка пресущественнаго свѣта неприступенъ, то пребываетъ въ немъ только тотъ, кто достоинъ знать и видѣть Бога, и истинно пребывая въ немъ

выше видѣнія и познанія, чрезъ сіе самое невидѣніе и незнаніе познаетъ то, что Онъ выше всего чувственнаго и умнаго, и взываетъ съ Пророкомъ: *Чудно для меня вѣдѣніе Твое; высоко, не постигаю его.* (Псал. 138, 6.) Такъ конечно и божественный Павелъ позналъ Бога, когда позналъ, что Онъ выше всякаго понятія и разумѣнія: посему и называетъ пути Его неизслѣдимыми, Его дары неизрѣченными, (Рим. 9, 33.) и миръ Его превышающимъ всякій умъ; (Фил. 4, 7.) поелику онъ обрѣлъ Того, который выше всего, и выше понятія уразумѣлъ, что Онъ выше всего, будучи Творецъ всяческихъ.

6-е къ Сопатру Священнику.

Не почитай побѣдою, достопочтенный Сопатръ, когда возстаешь противъ какого нибудь вѣроисповѣданія или мнѣнія, хотя оно и неправилно. Ибо, естьли и разсудительно его опровергнешь, еще не слѣдуетъ, чтобы уже все, сказанное Сопатромъ, было вѣрно: ибо между многими, явно ложными мнѣніями, можетъ и отъ тебя и отъ другихъ укрыться то, что едино и сокровенно, то есть,

истина. Естьли что не красно, то будто бы уже бѣло; или естьли кто не конь, то уже необходимо человѣкъ. И такъ, естьли ты меня хочешь послушать, поступи такъ: перестань обличать другихъ; лучше предлагай самую истину такимъ образомъ, чтобы никакъ не льзя было словъ твоихъ опровергнуть. —

7-е къ Монаху Демофилу, (о своеволіи и кротости).

Благородный Демофилъ!

Еврейская Исторія говоритъ о Святомъ Моисеѣ, что онъ удостоился и Боговидѣнія за великую свою кротость. И естьли когда представляетъ его чуждымъ сего Божественнаго видѣнія: то прежде удаленія его отъ Бога представляетъ удаленіе его отъ кротости. Она говоритъ, что тогда разгнѣвался на него яростію Господь, когда онъ слишкомъ упорствовалъ и противился Божественнымъ его совѣтамъ. Также, когда возвѣщаетъ о его Божественномъ избраніи: то преимущественно прославляетъ его по-

дражаніе благости Божіей; ибо онъ былъ весьма кропокъ, почему и называется рабомъ Божіимъ и признается достойнымъ высшаго предъ всѣми Пророками Боговидѣнія. Да и когда у него и у Аарона нѣкоторые дерзновенно оспоривали первосвященство и начальство надъ народомъ; онъ явился выше всякаго честолюбія и любоначалія, и уступалъ власть надъ народомъ всякому, кто бы только былъ избранъ Богомъ. Когда же не смотря на сіе не переставали умышлять противъ него, порицали прежніе его поступки, угрожали ему и почти налагали на него руки: тогда онъ воззвалъ о спасеніи ко Всеблагому, не преставая быть кроткимъ: говорилъ весьма смѣло и вмѣстѣ весьма скромно, что онъ никакъ не виновенъ въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергались ввѣренные его начальству: ибо зналъ, что тотъ, кто бесѣдуетъ съ благимъ Богомъ, долженъ, сколько возможно, быть Ему подобенъ и въ своей совѣсти увѣренъ въ правотѣ своихъ поступковъ. Отъ чего Бого-отецъ Давидъ содѣлался другомъ Божіимъ? Конечно потому, что онъ былъ добръ и ко врагамъ снисходителенъ. Преблагій и Благолюбивый го-

ворить о немъ: *Обрѣтохъ мужа по сердцу Моему.* Да и законъ данъ былъ, чтобы не презирать даже скота, врагу принадлежащаго. (Втор. гл. 22.) И Іовъ за незлобіе оправданъ. (Іов. 1, 8. и 42, 7.) Іосифъ не мстилъ братьямъ своимъ за коварство ихъ, и Авель съ простотою и безъ подозрѣнія сопутствовалъ брату своему убійцѣ. Слово Божіе всѣхъ таковыхъ благихъ прославляетъ, которые не только не мыслятъ и не дѣлаютъ зла, но и терпя отъ злобы другихъ, не отступаютъ отъ добра, а на противъ, подобно Богу, благодѣтельствуютъ и злымъ, оказываютъ имъ великую благосклонность и со всею скромностію склоняютъ ихъ къ подобнымъ поступкамъ.

Но возведемъ выше взоръ свой: не будемъ говорить о кротости Святыхъ мужей, ни о благости человѣколюбивыхъ Ангеловъ, милосердующихъ о людяхъ, молящихся о благѣ ихъ, удерживающихъ зловредныя и губительныя силы, соболѣзнующихъ о злыхъ и радующихся о спасеніи возвращающихся къ добру, и что еще говоритъ Слово Божіе о благодѣтельныхъ Ангелахъ, все оставимъ:

и озаряясь благотворными лучами истинно благаго и преблагаго Христа, возведемъ просвѣщенный ими взоръ на Божественныя Его благодѣянія. Не естьли подлинно сіе знакъ неизреченной и непостижимой благости, что Онъ привелъ существа въ бытіе, что во всѣхъ ихъ сохраняетъ оное, и хочетъ, чтобы всѣ всегда были близки къ Нему и каждое по своей способности пріобщалось Его? Наипаче, что и тѣхъ, которые удаляются отъ Него, не оставляетъ своею любовію, но старается ихъ удержать, умоляетъ ихъ не пренебрегать Того, который любитъ и осыпаетъ ихъ благами; что терпѣливо переноситъ, когда они безразсудно Его обвиняютъ и Самъ же защищаетъ ихъ? И еще больше обѣщаетъ послужить имъ: завидѣвъ еще вдали идущихъ къ Нему, Онъ бѣжитъ уже и встрѣчаетъ ихъ, всѣмъ Собою всецѣло обнявъ ихъ, лобызаетъ, не обвиняетъ за прежніе поступки, но радуется о настоящемъ, учреждаетъ торжество, созываетъ друзей, то есть, всѣхъ добрыхъ, чтобы домъ Его исполнился веселящимися?— Демофила же, и всякаго, кто ненавидитъ добрыхъ, справедливо укоряетъ, но вмѣстѣ

и научаетъ добру, чтобы онъ исправился; ибо, какъ можно, говоритъ Онъ, доброму не радоваться о спасеніи погибшихъ, объ оживленіи умершихъ? И по истинѣ, лишь бы кто только обратился отъ заблужденія, Онъ тотчасъ подъемлетъ его на рамена свои, и благихъ Ангеловъ возбуждаетъ къ радости, благотворитъ и неблагодарнымъ, *солнце свое сіетъ на злыхъ и добрыхъ,* (Матѳ. 5, 15.) и самую душу свою полагаетъ за удаляющихся отъ Него. (Іоан. 10, 11.) А ты, какъ видно изъ твоего письма, уже повергшагося предъ Священникомъ, нечестиваго и грѣшника, какъ ты его называешь, не знаю, по какому праву пришедши своими руками извлекъ вонъ: потомъ, когда онъ умолялъ тебя и признавался, что онъ пришелъ для уврачеванія своихъ золъ, ты не только сего не уважилъ, но еще дерзнулъ ругаться надъ добрымъ Священникомъ, который благосклонно принялъ сего кающагося и оправдалъ сего грѣшника: наконецъ принудивъ и Священника выйти, ты съ подобными себѣ вторгся, въ противность закону, въ святилище и осквернилъ Святая Святыхъ: а пишешь къ намъ, что своимъ

стараніемъ сохранилъ Святое отъ угрожающаго оному оскверненія и доселѣ хранитъ въ цѣлости. И такъ теперь послушай словъ нашихъ: служителямъ Церкви и высшимъ тебя, тѣмъ менѣе Монахамъ равнаго съ тобою чина порицать Священника не слѣдуетъ, хотя бы казалось, что онъ и недостойно приступаетъ къ Божественнымъ тайнамъ, или хотя бы очевидно онъ дѣлалъ что нибудь запрещенное. Ибо естьли вообще нарушеніе устройства и порядка есть преступленіе Божественныхъ и законовъ и постановленій: то не можно почитать дѣломъ во славу Божію испроверженіе порядка, самимъ же Богомъ установленнаго. Ибо Богъ самъ въ себѣ не раздѣляется; — иначе какъ устоитъ царство Его? (Матѳ. 12, 25.) И естьли Богъ, по словамъ Писанія, есть судія, (Иса. 30, 18. Рим. 2, 16.) а Священники Ангелы, (Малах, 2, 7.) и, послѣ Архіереевъ, истолкователи Божественныхъ его судовъ: то отъ нихъ ты, чрезъ посредство Діаконовъ, въ пристойное время долженъ учиться Божественнымъ истинамъ, такъ какъ чрезъ нихъ же удостоился быть и Монахомъ. Не то же ли внушаетъ намъ смыслъ

священныхъ прообразованій? Ибо Святое Святыхъ не отъ всѣхъ равно удалено: особенно близокъ къ нему чинъ Первосвященниковъ, потомъ разрядъ Священниковъ, а за сими слѣдуютъ Діаконы; чинамъ же Монашескимъ назначены мѣста у вратъ Олтаря, у которыхъ они и посвящаются и стоятъ не для охраненія ихъ, но для того, чтобы знали, что они по чину своему ближе къ народу, нежели къ Священникамъ. По сему чиноположеніе Церковное повелѣваетъ, чтобы они не сами пріобщались Божественныхъ таинствъ, но чтобы онѣ преподаваемы имъ были другими, то есть тѣми, которые стоятъ ближе ихъ ко внутренности святилища; ибо сіи, окружая таинственно Божественный престолъ, видятъ предъ собою непокровенными Божественныя таинства, и съ благоговѣніемъ исходя съ ними внѣ священныхъ завѣсъ, достойно показываютъ ихъ благопокорливымъ Монахамъ, священному народу и проходящимъ степени очищенія,— таинства, которыя до того времени сохранялись въ совершенной чистотѣ и цѣлости, доколѣ ты со всею лютостію не устремился на нихъ и не принудилъ неволь-

но открыть тебѣ Святое Святыхъ. И послѣ сего смѣешь еще называть себя хранителемъ Святыни, когда и не видалъ и не слыхалъ и не имѣешь ничего приличнаго ея служителямъ: ибо не знаешь даже истиннаго смысла Писанія, ежедневно занимаясь спорами объ однихъ словахъ, ко вреду слушателей? Естьли бы кто принялъ начальство надъ народомъ безъ царскаго повелѣнія, то не понесъ ли бы справедливаго наказанія. Такъ же, естьли бы кто изъ предстоящихъ подданныхъ дерзнулъ прерѣкать Государю, оправдывающему кого либо или осуждающему, не говорю уже, естьли бы кто сталъ презирать и попирать власть его? А ты толикую дерзость оказалъ въ томъ, что принадлежитъ кроткому и благому Богу, и установленному Имъ священноначальству! Сіе должно бы было сказать и тогда, естьли бы кто только что не по своему достоинству, однакожъ должное, по видимому, дѣлалъ: ибо до сего никто не допускается. Что неприличнаго сдѣлалъ Озія, когда воскурилъ ѳиміамъ предъ Богомъ? (2 Пар. 26, 19.) Что Саулъ, принося жертву? (1 Цар. 13, 10. 15, 12.) Что лютые де-

моны, признавая Іисуса истиннымъ Богомъ? (Марк. 3, 11.) Однакожъ словомъ Божіимъ осуждается всякъ, кто дѣлаетъ то, что ему не принадлежитъ: (1 Кор. 14, 23.) всякъ долженъ пребывать въ чинѣ своего служенія; (Лев. 16, 2.) во Святая Святыхъ одинъ только Первосвященникъ могъ входить, однажды въ годъ, и притомъ со всею чистотою, какой только законъ требовалъ отъ Первосвященника. (Евр. 9, 7.) Священники покрываютъ Святилище, а Левитамъ возбраняется и прикоснуться къ оному, чтобъ не умереть. Разгнѣвался яростію Господь на Озію за его дерзость; (2 Пар. 26, 19.) и Маріамъ, когда хотѣла давать законы законодателю, поражена проказою; (Числ. 16, 10.) на сыновъ Скевы ринулись демоны. (Дѣя. 19, 14.) Говорится также: *Не посылахъ Пророки, а они течаху; не глаголахъ къ нимъ, и тіи пророчествоваху.* (Іер. 23, 21.) И еще: *Беззаконникъ жряй ми тельца, яко убиваяй пса.* (Иса. 66, 3.) Короче сказать: совершенная правда Божія не терпитъ нарушителей закона. Естьли сіи говорятъ: *Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ,* Господь отвѣтствуетъ: *Николи же знахъ васъ; отъиди-*

те отъ Мене вси дѣлающіе беззаконіе. (Матѳ. 7, 22. 23.) То есть, не должно, какъ говоритъ Священное Писаніе, праведное совершать неправедно. (Второз. 16, 20. 2 Цар. 15, 22.) Всякъ долженъ внимать самому себѣ, не долженъ высокомудрствовать и глубокомудрствовать, а разсуждать только о томъ, что сообразно съ его достоинствомъ. (Римл. 11, 20. 12, 3. Сирах. 3, 21.)

И такъ развѣ не должно, скажешь ты, исправлять Священниковъ, обличенныхъ въ нечестіи, или въ какомъ бы ни было преступленіи? И можно позволить имъ безчестить Бога преступленіемъ закона, которымъ они одни хвалятся? — (Римл. 2, 23.) Какіе же они посредники Божіи? Какъ могутъ возвѣщать народу Божественныя добродѣтели, когда не знаютъ силы ихъ? Или какъ могутъ просвѣщать другихъ, когда сами помрачены? Какъ преподадутъ Божественнаго Духа, когда, есть ли даже Духъ Святый, внутренно и истинно не увѣрены? Я самъ буду отвѣчать тебѣ на сіе: ибо Демофилъ не врагъ мой, и я не потерплю, чтобы тебя сатана обманывалъ. Всякой

изъ окружающихъ Бога чиновъ Богоподобнѣе того, который далѣе отстоитъ, и тѣмъ болѣе пріемлетъ и можетъ сообщать свѣта, чѣмъ ближе къ истинному свѣту. Близость разумѣй не по мѣсту, но по способности къ Богообщѣнію. И такъ есть ли чина Священническаго долгъ есть — просвѣщать, то конечно тотъ не принадлежитъ къ Священническому чину, который не можетъ преподавать свѣта, а тѣмъ болѣе, есть ли кто и самъ не имѣетъ онаго. И таковый мнѣ кажется дерзновеннымъ, есть ли вступаетъ въ Священническія права, не боится и не стыдится недостойно исправлять Божественныя службы, думаетъ, что Богъ не знаетъ того, что онъ самъ сознаетъ въ себѣ, думаетъ Его обмануть ложнымъ названіемъ Отца и дерзаетъ, по образу Христа, произносить на божественныя таинства непозволительныя хулы; (такъ должно назвать его молитвы). Таковый не Священникъ, — нѣтъ, но злодѣй, обманщикъ, посмѣшище самаго себя, и волкъ въ Божественномъ стадѣ, одѣтый въ овчую кожу,

Но Демофилъ не имѣетъ права испра-

влять сіе. Ибо естьли слово Божіе повелѣваетъ праведное совершать праведно, (совершать же праведное значитъ воздавать каждому достойное): то всѣ должны совершать сіе праведно, не выходя изъ своего достоинства и чина: и Ангеламъ должно быть опредѣляемо и воздаваемо достойное; но не отъ насъ, о Демофилъ, а намъ чрезъ нихъ отъ Бога, и имъ чрезъ высшихъ Ангеловъ. Просто сказать: во всѣхъ существахъ праведный во всемъ промыслъ воздаетъ чрезъ первыхъ вторымъ по достоинству. Слѣдовательно и тѣ, которыхъ Богъ поставилъ начальниками надъ другими, должны воздавать достойное нисшимъ себя и подчиненнымъ себѣ. И такъ Демофилъ долженъ опредѣлять, что слѣдуетъ разумной, раздражательной и вожделѣвательной силамъ. Не доженъ нарушать ихъ порядка въ себѣ, но разумъ, какъ высшій, долженъ владѣть нисшими силами. Естьли мы, видя на торжищѣ, что слуга поноситъ, нападаетъ, и наноситъ удары господину, юноша старцу, или сынъ отцу, почитаемъ за преступленіе не прибѣгнуть на помощь къ симъ почтеннымъ лицамъ, хотя, можетъ быть, сіи прежде сдѣ-

лали онымъ обиду: то какъ мы не стыдимся съ небреженіемъ смотрѣть, когда раздражительная и вождělѣвательная силы дѣйствуютъ противъ разума и отнимаютъ у него дарованное ему отъ Бога владычество, и въ самихъ себѣ производятъ преступный безпорядокъ, возмущеніе и неустройство? Справедливо блаженный и богодарованный намъ законодатель почитаетъ того недостойнымъ управлять Церковію Божіею, кто не умѣлъ хорошо управить собственнымъ домомъ: (Тим. 3, 5.) ибо естьли кто умѣлъ управить собою, то тотъ и другимъ управитъ; естьли другимъ, то и домомъ; естьли домомъ, то и городомъ; естьли городомъ, то и народомъ, и просто сказать словами Писанія: кто въ маломъ вѣренъ, тотъ и въ многомъ вѣренъ; а кто въ маломъ невѣренъ, тотъ и въ многомъ невѣренъ. (Лук. 16, 10.)

И такъ самъ ты назначай должное вождѣлѣвательной, раздражительной и разумной силамъ своимъ, а тебѣ назначатъ Священнодіаконы, симъ Священники, Священникамъ Архіереи, Архіереямъ Апостолы и преемникя Апостоловъ. Естьли же кто и изъ сихъ

преступить обязанность, то исправлять того должны Святые одного и того же чина. Такимъ образомъ чинъ съ чиномъ не смѣшается, но всякой останется въ своемъ чинѣ и при своемъ служеніи. Все сіе мы представили тебѣ для того, чтобы ты зналъ и исполнялъ свой долгъ. А о жестокости твоей къ тому мужу, котораго ты называешь нечестивецемъ и грѣшникомъ, не знаю, какими слезами оплакать мнѣ пораженіе, случившееся съ возлюбленнымъ моимъ. Кому, ты думаешь, мы поставили тебя служителемъ? Естьли не Благому; то конечно и Сей, и мы, и все наше служеніе должны быть для тебя теперь чужды, пора тебѣ искать и Бога другаго и другихъ Священниковъ, чтобъ у нихъ свободнѣе предаться жестокости, а не усовершенствованію, и быть непреклоннымъ служителемъ любезнаго своего безчеловѣчія. Сами мы достигли ли совершенной святости и не имѣемъ ли нужды въ Божественномъ къ самимъ себѣ снисхожденіи? Не двоякимъ ли грѣхомъ, какъ говоритъ Писаніе, подобно нечестивымъ, согрѣшаемъ мы, когда и не знаемъ, въ чемъ грѣшимъ, а еще оправдываемъ самихъ себя,

и думаемъ видѣть, когда въ самомъ дѣлѣ не видимъ? Ужаснулось небо о семъ, и я вострепеталъ, и самъ себѣ не вѣрю. И естьли бы я не имѣлъ твоихъ писемъ, (о естьли бы я никогда не видѣлъ ихъ,) то, сколько бы другіе ни старались увѣрять меня о тебѣ, меня бы не увѣрили, что Демофилъ почитаетъ благаго ко всѣмъ тварямъ Бога нечеловѣколюбивымъ, а милующую, или спасающую благодать Его для себя ненужною; да и отвергаетъ Священниковъ, которые за свою кротость удостоились носить грѣхи невѣдѣнія народнаго, и твердо знаютъ, что и сами подвержены слабости. Божественно—верховный Первосвященникъ шелъ другимъ путемъ, то есть, Тотъ, кто отлученъ былъ, какъ говоритъ Священное Писаніе, отъ грѣшниковъ; (Евр. 7, 26.) Онъ поставляетъ знакомъ любви къ Себѣ кротчайшее пасеніе овецъ своихъ. (Іоан. 10, 14. 21, 15.) Называетъ злымъ того раба, который не отпустилъ долга товарищу своему, (Матѳ. 18, 30.) и нисколько не удѣлилъ ему изъ того величайшаго снисхожденія, каковое самому оказано, и справедливо осуждаетъ его на то, что ему собственно, чего надобно

бояться и мнѣ и Демофилу. Самымъ злодѣямъ своимъ, среди самаго страданія низводитъ отъ отца прощеніе; (Лук. 23, 34.) и укоряетъ учениковъ, когда они просили жестоко осудить нечестіе изгнавшихъ Его отъ себя Самарянъ. О семъ ты тысящекратно говоришь въ своемъ дерзкомъ посланіи, сіе всюду твердишь, что ты не самаго себя, а Бога защищаешь. Но зломъ развѣ можно, скажи мнѣ, защищать добраго?

Нѣтъ! мы не имѣемъ *Архіерея, немогуща спострадати немощемъ нашимъ*; (Евр. 4, 15.) Но Онъ и незлобивъ и милостивъ. *Не преречетъ, ни возопіетъ*, (Матѳ. 12, 19. Иса. 42, 1.) такъ Онъ кротокъ! и *Той есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ*. (1 Іоан. 2, 2.) По сему мы не можемъ одобрить твоего чрезмѣрнаго ревнія, хотя бы ты тысящекратно ссылался на Финееса и Илію. Ибо непріятно было Іисусу слышать о семъ отъ учениковъ, которые тогда еще не были причастны кроткаго и благаго духа. И Божественный нашъ наставникъ съ кротостію учитъ противящихся ученію Господа. (2 Тим. 1, 24.) Невѣждъ и надобно учить,

а не наказывать, такъ какъ и слѣпыхъ мы не мучимъ, а ведемъ за руку. А ты напалъ на такого человѣка, который начиналъ только смотрѣть на свѣтъ, заушилъ его, и когда онъ съ великою скромностію приступалъ къ тебѣ, ты нагло оттолкнулъ его,— того, (о сколь ужасное дѣло!) котораго Христосъ, по благости своей, ищетъ на горахъ, гдѣ онъ блуждаетъ, зоветъ, когда онъ бѣжитъ отъ Него, и лишь только найдетъ, беретъ на рамена свои. Не будемъ, прошу тебя, — не будемъ такъ худо заботиться о самихъ себѣ, и изощрять мечь на самихъ себя. Ибо какъ тѣ, которые стараются другимъ причинять обиды, такъ и тѣ, кои стараются дѣлать добро, хотя бы совсѣмъ и не сдѣлали того, что хотѣли, но естьли уже питаютъ въ себѣ злобу или благость; то вскорѣ будутъ исполнены послѣдніе божественныхъ добродѣтелей, а первые жестокихъ страстей. Одни будутъ послѣдователями и спутниками Ангеловъ, здѣсь и тамъ въ совершенномъ мирѣ и свободѣ отъ всѣхъ золъ, на всю вѣчность наслѣдуютъ блаженнѣйшую участь, и, что выше всѣхъ благъ,

будутъ всегда съ Богомъ; другіе лишатся вмѣстѣ и Божественнаго и собственнаго мира, и здѣсь и по смерти будутъ вмѣстѣ съ жестокими демонами. По сему мы должны тщательно стараться, чтобы быть всегда съ благимъ Богомъ и Господомъ, а не быть отчужденными отъ Него Его правосудіемъ вмѣстѣ съ злыми, и самимъ отъ себя не потерпѣть должнаго наказанія, чего я болѣе всѣхъ боюсь, и желаю быть непричастнымъ никакому злу. Естьли тебѣ угодно; я воспомяну и о Божественномъ видѣніи одного Святаго мужа: но ты не смѣйся, ибо я буду тебѣ говорить правду.

Бывъ нѣкогда въ Критѣ, я принятъ былъ Святымъ Карпомъ,—мужемъ, какого едвали найдешь другаго, по великой чистотѣ ума наиспособнѣйшимъ къ Боговидѣнію. Онъ и не приступалъ къ совершенію Святыхъ таинъ, прежде нежели получитъ во время предуготовительныхъ молитвъ какое либо священное и благоволительное видѣніе. Онъ разсказывалъ, что нѣкогда одинъ изъ невѣрныхъ его опечалилъ. Причиною печали было то, что онъ отвлекъ нѣкоего отъ Церкви къ

безбожію, тогда какъ еще праздиуемы были имъ дни веселій. Надлежало о обоихъ усердно молить Бога Спасителя, чтобы Онъ одного обратилъ своею силою, а другаго побѣдилъ своею благостію; надлежало ему непрестанно чрезъ всю жизнь увѣщевать ихъ, доколѣ такимъ образомъ не приведетъ ихъ къ познанію Бога, такъ чтобы и сомнѣнія ихъ разрѣшились, и они принуждены были бы въ своихъ безразсудныхъ поступкахъ истинно раскаяться. Но не знаю, какимъ образомъ (чего прежде не случалось) возродилось въ немъ тогда сильное негодованіе и досада, и онъ, находясь въ такомъ худомъ состояніи, легъ и уснулъ; ибо былъ вечеръ. Въ полночь, когда онъ обыкновенно самъ собою пробуждался для пѣнія священныхъ гимновъ, встаетъ, имѣвъ много сновъ, которые непрестанно прерывались и были безпокойны. Начавъ разглагольствіе съ Богомъ, онъ сѣтовалъ, какъ неприлично Святымъ, и въ негодованіи говорилъ, что нѣтъ тутъ правды, когда живутъ люди нечестивые и превращающіе правые пути Господни. Говоря сіе, онъ просилъ Бога однимъ ударомъ молніи

жизнь обоихъ прекратить безъ милости. Сказавъ сіе, вдругъ казалось, увидѣлъ я, расказывалъ онъ, домъ, въ которомъ я находился сначала потрясшимся, потомъ своды его раздѣлившимися на двѣ половины, и свѣтлогорящій предъ собою костеръ, который, поелику мѣсто представлялось уже открытое, спускался ко мнѣ съ неба; самое небо видѣлъ отверстымъ и на высотѣ неба Іисуса, коему предстояли въ человѣческомъ видѣ безчисленные Ангелы. Сіе я видѣлъ на небѣ и удивлялся. Ниспустивъ же взоръ долу, увидѣлъ я, продолжалъ Карпъ, самый помостъ расторгшимся надъ обширною и мрачною пропастію, и оныхъ мужей, на которыхъ я произносилъ проклятіе, стоящихъ предо мною у зѣва пропасти, въ жалкомъ видѣ, трепещущихъ, едва отъ слабости стопъ своихъ не низвергающихся въ оную. Изъ глубины пропасти выходили змѣи, и то около колеблющихся ногъ ихъ извиваясь опутывались, налегали на нихъ и влекли къ себѣ; то зубами и хвостами дразнили, улещали, и всякимъ образомъ ухищрялись низринуть ихъ въ пропасть. Между змѣями были и люди, которые также устре-

млялись на сихъ мужей, шѣснили, нападали на нихъ и поражали; казалось, они близки уже были къ паденію, мало по малу склоняясь частію противъ воли, частію добровольно на убѣжденія и вмѣстѣ принужденія злаго. И Карпъ сказывалъ, что онъ смотря внизъ чувствовалъ удовольствіе, а о томъ, что происходило вверху, небрегъ; досадовалъ и негодовалъ, что они еще не низринуты, и многократно, но тщетно на сіе настаивая, въ негодованіи проклиналъ ихъ. Едва могши воззрѣть на небо, онъ увидѣлъ на немъ опять то же, что видѣлъ и прежде: Іисусъ, милосердымъ окомъ взиравшій на происходящее, воставъ съ превыспренняго престола и снишедъ къ нимъ простиралъ руку благости; Ангелъ, купно съ Нимъ подавая имъ помощь, одного съ той, другаго съ другой стороны охраняли, и Іисусъ говорилъ Карпу: уже простертою рукою твоею поражай Меня; ибо Я готовъ и снова пострадать для спасенія человѣковъ, и сіе мнѣ пріятно, только чтобъ прочіе люди не согрѣшали. Но смотри, полезно ли тебѣ, на пребываніе въ сей безднѣ и съ сими змѣями смѣнять сожительство съ Богомъ и благи-

ми и человѣколюбивыми Ангелами. Вотъ то, что я отъ него слышалъ, и вѣрю, что это истинно.

XVIII.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРІЯ ВЕЛИКАГО

БЕСѢДА

О милости Христа къ человѣку.

1. Какъ естьли бы кто вошелъ въ царскій дворецъ и тамъ увидѣлъ картины и всякія украшенія, индѣ сокровища, индѣ другія драгоцѣнности, и приглашенъ былъ къ трапезѣ съ царемъ и предложено ему было пріятнѣйшее кушанье и питіе, и онъ вполнѣ наслаждался созерцаніемъ красотъ, но послѣ сего оттуда былъ изгнанъ и низринутъ въ мѣста смрадныя; или какъ естьли бы какая нибудь отличная отъ всѣхъ красотою, умомъ и богатствомъ дѣвица взяла къ себѣ человѣка бѣднаго, низкаго по состоянію, безобразнаго, покрытаго рубищемъ, и снявъ съ него сіе рубище, одѣла его въ царскую одежду, возложила на него вѣнецъ и содѣлалась его супругою; то тогда сей бѣдный сталъ бы изумляться и говорить: мнѣ ли бѣдному, нищему, презрѣнному и низкому

дана такая супруга? Такъ и Богъ поступилъ съ бѣднымъ и уничиженнымъ человѣкомъ. Онъ далъ ему вкусить небесной жизни и духовной пріятнѣйщей пищи; показалъ ему славу свою и неизреченную, небесную красоту царства своего. Человѣкъ, сравнивая сіи духовныя блага съ благами міра сего, послѣднія всѣ отвергаетъ; видитъ ли царя, или сильныхъ, или мудрыхъ, онъ представляетъ себѣ сокровище небесное. Ибо такъ какъ Богъ есть любовь: то человѣкъ получаетъ отъ Него небесный и Божественный огнь Христовъ, покоится, радуется, и, будучи прилѣпленъ ко Христу, въ Немъ пребываетъ.

2. *Вопросъ.* Можетъ ли быть сатана вмѣстѣ съ Богомъ, какъ въ воздухѣ, такъ и въ людяхъ?

Отвѣтъ. Естьли сіе солнце, будучи твореніемъ, освѣщая мѣста нечистыя, не повреждается; то кольми паче Божество, находясь вмѣстѣ съ сатаною, не оскверняется и не помрачается. Богъ же попустилъ быть злу для упражненія людей: впрочемъ

зло сіе покрыто мракомъ и слѣпотою, и не можетъ видѣть чистой и простой природы Божіей. Естьли же кто скажетъ, что сатана занимаетъ свое мѣсто, и Богъ свое: то таковый ограничиваетъ Бога предѣлами того мѣста, въ которомъ злый духъ обитаетъ. А какъ же мы говоримъ, что добро неограниченно и невмѣстимо; что все въ немъ существуетъ, и что добро не оскверняется отъ зла? Ибо неужели, естьли небо и солнце и горы существуютъ въ самомъ Богѣ и посредствомъ Его имѣютъ свое бытіе,—неужели и они суть Богъ? Творенія поставлены въ свойственномъ имъ порядкѣ, и Творецъ, присущій тварямъ, есть Богъ.

3. *Вопросъ.* Поелику грѣхъ преображается въ ангела свѣта, и походитъ на благодать, то какъ можетъ человѣкъ познать ухищренія діавола, и какъ онъ пойметъ и различитъ дѣйствія благодати?

Отвѣтъ. Дѣйствія благодати доставляютъ радость, миръ, любовь, истину. И сія истина возбуждаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ истинѣ. Напротивъ дѣйствія грѣха

доставляютъ безпокойство, и не производятъ ни любви къ Богу, ни радости о Немъ. Такъ цикорея видомъ походитъ на салатъ; но сей пріятенъ, а та горька: и въ самой благодати есть нѣчто сходное съ истиною, и есть самое существо истины. На примѣръ: есть свѣтъ солнца непосредственный, и есть свѣтъ его, который разливается по окружностямъ; свѣтъ непосредственный иное, нежели тотъ, который разливается по окружностямъ. Или: стоитъ, на примѣръ, въ домѣ зажженная свѣча. Свѣтъ ся, который разлитъ по дому, отличенъ отъ того, который находится на самой свѣтильнѣ. Послѣдній гораздо яснѣе и блистательнѣе. Есть нѣчто подобное сему въ явленіяхъ благодати, когда человѣкъ, находясь отъ нея вдалекѣ, смотритъ на нѣкоторыя видѣнія и при сихъ видѣніяхъ радуется: но онъ дѣлается другимъ человѣкомъ, когда входитъ въ него сила Божія, овладѣваетъ всѣми членами его и сердцемъ, и плѣняетъ умъ его въ любовь Божію. Когда Петра взяли и ввергли въ темницу, то во время его заключенія пришелъ Ангелъ, и, расторгнувъ

оковы, вывелъ его; а онъ, находясь какъ бы въ изступленіи, почелъ сіе за видѣніе.

4. *Вопросъ*. Какъ же падаютъ люди, въ которыхъ дѣйствуетъ благодать Божія?

Отвѣтъ. Самые чистые человѣческіе помыслы по природѣ своей не тверды и подвержены паденію: ибо человѣкъ начинаетъ гордиться собою, судить о другихъ и говорить: *ты грѣшникъ*, а себя почитать праведнымъ. Развѣ не знаешь, что сказалъ Павелъ: *Дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся?* (2 Кор. 12, 7.) Даже и въ чистой природѣ есть гордость.

5. *Вопросъ*. Можетъ ли кто нибудь посредствомъ просвѣщенія видѣть душу свою? или ее можно видѣть умозрительно и чувственно, какъ нѣкоторые говорятъ, отвергая откровеніе?

Отвѣтъ. Есть чувство, есть умозрѣніе, и есть просвѣщеніе. Кто имѣетъ просвѣщеніе, тотъ важнѣе того, кто имѣетъ

чувство. Ибо у кого умъ просвѣщенъ, тотъ имѣетъ больше, нежели тотъ, кто имѣетъ чувство, потому что онъ удостовѣренъ въ своемъ видѣніи. Но совсѣмъ особая вещь — откровеніе. Это есть открытіе душѣ важныхъ вещей и Божескихъ таинъ.

6. *Вопросъ*. И такъ видитъ ли кто нибудь свою душу посредствомъ откровенія и Божескаго просвѣщенія?

Отвѣтъ. Какъ тѣлесные глаза видятъ солнце, такъ просвѣщенные видятъ душу въ лице. Впрочемъ мало Христіанъ, которые видятъ ее.

7. *Вопросъ*. Развѣ душа имѣетъ видъ?

Отвѣтъ. Имѣетъ лице и видъ, подобный Ангельскому: Ибо какъ Ангелы имѣютъ свое лице и видъ, и какъ внѣшній человѣкъ имѣетъ лице; такъ и внутренний человѣкъ имѣетъ свое лице, подобное Ангельскому, и видъ, подобный внѣшнему человѣку.

8. *Вопросъ*. Естьли разность между умомъ и душею?

Отвѣтъ. Какъ человѣческое тѣло состоитъ изъ многихъ членовъ, и всѣ они составляютъ одного человѣка: такъ и душа имѣетъ много способностей: умъ, совѣсть, воля, мысли обвиняющія, и оправдывающія— всѣ онѣ составляютъ одинъ разумъ и суть какъ бы члены одной души-внутренняго человѣка. Но какъ тѣлесные глаза еще издали видятъ терны, утесы и пропасти: такъ и умъ, око души, по быстротѣ своей, предусматриваетъ сѣти и ковы, поставленные душѣ противною силою, и охраняетъ ее отъ нихъ. По сему воздадимъ славу Отцу и Сыну и Святому Духу во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIX.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРІЯ ЕГИПЕТСКАГО

БЕСѢДА

О Братскихъ обязанностяхъ.

1. Братія должны жить между собою въ глубокой любви. Молятся ли они, или читаютъ Писаніе, или занимаются какою либо работою,—должны имѣть основаніемъ взаимную любовь: только при ней можетъ быть благословеніе на ихъ занятіяхъ. И молиться и читать и работать съ пользою для себя они могутъ только тогда, когда всѣ будутъ искренны и усердны одинъ къ другому. Ибо для чего сказано въ Писаніи: *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли?* (Матѳ. 6, 10.) Для того, чтобы, какъ Ангелы на небѣ живутъ другъ съ другомъ въ совершенномъ единодушіи, мирѣ и любви; никакой нѣтъ у нихъ ни гордости, ни зависти, но одна взаимная любовь и искренность: такъ жили и братія между собою. Случается, что тридцать братьевъ живутъ вмѣ-

стѣ; они конечно не могутъ быть вмѣстѣ день и ночь, но одни изъ нихъ по шести часовъ пребываютъ въ молитвѣ и хотятъ читать; другіе усердно служатъ братіямъ, иные что нибудь работаютъ.

2. Слѣдовательно братія, что бы ни дѣлали, должны пребывать во взаимной любви и радости. Кто работаетъ, тотъ такъ долженъ говорить о молящемся братѣ: сокровище, пріобрѣтаемое братомъ моимъ, есть также и мое; потому что оно есть общее сокровище. Кто молится, долженъ говорить о читающемъ братѣ такъ: польза, которую онъ получаетъ отъ чтенія, простирается и на меня: И опять, кто работаетъ, долженъ говорить, что работа, которою я занимаюсь, служитъ къ общей пользѣ. Ибо какъ члены человѣческаго тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, одинъ другому помогаютъ, и каждый исполняетъ свое дѣло; глазъ для всего тѣла смотритъ, рука для всѣхъ членовъ работаетъ; нога ходя носитъ всѣ члены, и другіе члены не безъ подобнаго дѣла: такъ и братія должны быть между собою. Молящійся не

осуждай работающаго за то, что онъ не молится; работающій не осуждай молящагося за то, что онъ стоитъ, а ты работаешь; и служащій братіямъ не осуждай другаго: но всякъ, что бы кто ни дѣлалъ, дѣлай во славу Божію. Читающій люби молящагося и радуйся, думая такъ: онъ молится и за меня; а кто молится, тотъ о работающемъ братѣ такъ мысли: онъ дѣлаетъ все къ общей пользѣ.

3. При такомъ расположеніи будетъ между ими глубокое единодушіе, миръ и согласіе; и они въ простотѣ и искренности будутъ вести жизнь Богоугодную. Но, что всего важнѣе, это есть пребываніе въ извѣстное время въ молитвѣ. При всемъ томъ одно требуется, чтобы всякъ имѣлъ въ душѣ своей сокровище и жизнь, которая есть Господь въ сердцѣ. Работаетъ ли кто, молится ли, читаетъ ли, долженъ имѣть сіе непреходящее богатство,—то есть, Духа Святаго. Нѣкоторые говорятъ, что Господь требуетъ отъ человѣковъ только наружныхъ плодовъ, а внутреннее исправляетъ самъ Богъ; но въ самой вещи это неспра-

ведливо. Какъ кто ограждаетъ себя со стороны внѣшняго человѣка, такъ онъ долженъ подвизаться и сражаться и съ помыслами. Ибо Господь требуетъ отъ тебя, чтобъ ты гнѣвался на самаго себя и сражался противъ своего ума, а не вступалъ въ согласіе съ злыми помыслами и не услаждался ими.

4. Впрочемъ исторгнуть самый корень грѣха и зла съ нимъ неразлучнаго возможно одной только Божеской силѣ. Не возможно и не дано человѣку собственною силою искоренить грѣхъ. Сопротивляться, противоборствовать ему, поражать и побѣждать его, принадлежитъ тебѣ; но совершенное его истребленіе принадлежитъ Богу. Иначе, естьли бы ты могъ сіе сдѣлать, какая была бы нужда приходить Господу? Какъ не льзя видѣть безъ свѣта, или говорить безъ языка, или слышать безъ ушей, или ходить безъ ногъ, или работать безъ рукъ: такъ не возможно безъ Іисуса спастись, или войти въ царство небесное. Естьли же ты скажешь, что я не явный блудникъ и не прелюбодѣй, не сребролюбецъ, слѣдовательно и праведенъ: то ты обманы-

ваешься, думая, что ты тѣмъ все исполнилъ. Не три только вида грѣха, противъ которыхъ долженъ человѣкъ ограждать себя, но они безчисленны. Что такое надменіе, безстрашіе, невѣріе, ненависть, зависть, коварство, лицемѣріе? Не долженъ ли ты съ сими бороться и подвизаться противъ нихъ въ сокровенныхъ твоихъ помыслахъ? Естьли вторгнется къ тебѣ въ домъ разбойникъ; то конечно онъ тебя безпокоитъ, и не позволяетъ тебѣ быть безпечнымъ, но и ты начинаешь сопротивляться ему, поражаешь его и отъ него терпишь пораженіе: такъ и душа должна сопротивляться грѣху, противоборствовать ему и отражать его.

5. Такимъ образомъ воля, сопротивляясь грѣху, при всемъ трудѣ и изнуреніи, начинаетъ побѣждать его, падаетъ, востаетъ; грѣхъ снова до десяти или двадцати разъ преодолѣваетъ душу въ борьбѣ, побѣждаетъ ее и низвергаетъ; но въ послѣдствіи и душа однимъ разомъ побѣждаетъ грѣхъ. И естьли она останется твердою и нимало не ослабѣетъ; то начинаетъ превозмогать его, становится осмотрительнѣе и чаще одер-

живаетъ побѣды надъ нимъ. Впрочемъ естьли разсмотрѣть и сіе надлежащимъ образомъ, то грѣхъ дотолѣ низлагаетъ человѣка, доколѣ сей не придетъ въ *мужа совершенна въ мѣру возраста,* (Ефес. 4, 9.) и совершенно не побѣдитъ смерть. Ибо въ Писаніи сказано: *Послѣдній врагъ испразднится смерть.* (1 Кор. 15, 26.) Тогда-то пріобрѣтается настоящій верхъ и побѣда надъ діаволомъ. Но кто, какъ мы сказали выше, говоритъ, что я не блудникъ, не прелюбодей, не сребролюбецъ, и сего для меня довольно; тотъ хотя и вступалъ въ подвигъ съ тремя видами грѣха, но противъ двадцати другихъ, которые грѣхъ противопоставляетъ душѣ, не подвизался, но остался побѣжденнымъ. И такъ должно противу всѣхъ подвизаться, со всѣми бороться. Ибо умъ, какъ мы многократно говорили, есть такой противникъ грѣху, который имѣетъ равныя съ нимъ силы и потому можетъ противостоять и сопротивляться помысламъ.

6. Естьли же скажешь, что противныя силы крѣпче и грѣхъ взялъ совершенную

власть надъ человѣкомъ; то ты дѣлаешь несправедливымъ Бога. Ибо несправедливо было бы Богу осуждать родъ человѣческій за то, что онъ покорился сатанѣ, естьли сатана сильнѣе человѣка, и покорилъ себѣ человѣка насильственно, будучи, какъ ты полагаешь, сильнѣе и могущественнѣе души. Послушай меня. Естьли бы дитя стало сражаться со взрослымъ человѣкомъ и было побѣждено, то весьма было бы несправедливо обвинять его за то, что оно осталось побѣжденнымъ. Потому и мы утверждаемъ, что нашъ умъ есть такой противникъ грѣху, который одаренъ равными силами съ нимъ. Пусть только душа ищетъ высшей помощи и защиты: она получитъ ее и удостоится избавленія. Ибо только между равносильными можетъ быть борьба и подвигъ. Прославимъ Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

XX.

СВЯТАГО ИСААКА СИРІЯНИНА

СЛОВО

О ПОРЯДКѢ ТОНКАГО О СЕБѢ СУЖДЕНІЯ.

Обращай всегда на себя вниманіе, возлюбленный, и среди непрестанныхъ трудовъ бери въ разсмотреніе скорби, встрѣчающіяся съ тобою, и мѣста пустыни, въ которой живешь, и тонкость ума твоего, и трудность вѣдѣнія, и продолжительность твоего безмолвія, также множество врачевствъ, т. е. искушеній, которыя наводилъ на тебя истинный Врачь для здравія онаго внутренняго человѣка—иногда посредствомъ духовъ злобы, иногда болѣзнями и немощами тѣлесными, иногда страшными въ душѣ томленіями и грозными представленіями о томъ, что будетъ впередъ, иногда пораженіями, и утѣшеніемъ сердца твоего теплотою благодати, сладкими слезами, радостію духовною, и, дабы не распространяться много, многими другими средствами. И такъ разсматривая всѣ

сіи обстоятельства, примѣчаешь ли ты подлинно, что рана твоя начала заживать и закрываться, то есть, начали ли ослабѣвать страсти? Положи примѣту, и непрестанно входи въ себя самаго, и разсматривай, какія страсти въ тебѣ сдѣлались слабѣе, какія вовсе прекратились и отстали отъ тебя, и какія изъ нихъ начали умолкать не по отдаленію возжигающихъ оныя предметовъ, но отъ здравія души, и какія научился ты побѣждать по размышленію, а не по недостатку причинъ возбуждающихъ оныя? Но опять смотри, дѣйствительно ли ты видишь, что въ гнойной ранѣ твоей стала выростать живая плоть, то есть миръ душевный? Также какія страсти дѣлаютъ нападенія постепенно, какія стремительно, и въ какое время? Тѣлесныя ли онѣ, или душевныя, или сложныя и смѣшенныя? Темнымъ ли только образомъ возбуждаются въ памяти, какъ обезсиленныя, или крѣпко еще возстаютъ на душу? Повелительно ли нападаютъ, или украдкою? И какъ смотритъ на нихъ умъ, царь владычествующій надъ чувствами? Сражается ли съ ними, когда онѣ подступятъ и воздвигнутъ брань, и при-

водитъ ли ихъ въ изнеможенiе крѣпостiю своею, или не хочетъ и смотрѣть на нихъ и ни во что ихъ вмѣняетъ? И какiя изъ прежнихъ страстей изгладились, какiя вновь образовались? При томъ же страсти дѣйствуютъ ли въ образахъ, или въ чувствованiи безъ образовъ, и въ памятованiи безъ страстнаго движенiя и помысловъ, безъ раздраженiя?

По симъ признакамъ можно также узнать степень, на которой душа стоитъ. Въ первомъ случаѣ душа еще не пришла въ надлежащее устройство. Потому что сколько бы впрочемъ ни оказывала она крѣпости противъ страстей, ей предлежитъ еще брань. Въ послѣднемъ случаѣ, она достигла того состоянiя, о которомъ сказано въ Писанiи: *Сѣде Давидъ въ дому своемъ, и упокои Его Богъ отъ всѣхъ окрестъ его сущихъ.* (2 Цар. 7, 1.) Сiе разумѣй не объ одной какой либо страсти, но и вообще о страстяхъ естественныхъ—о похоти и гнѣвѣ, также о влеченiяхъ честолюбiя, которое живописуетъ въ воображенiи лице, занимается мечтами, и возбуждаетъ соотвѣт-

ственныя онымъ желанія и стремленіе; равно (разумѣй) и страсти сребролюбія, когда душа тайно входитъ съ нею въ сообщеніе, и хотя не соглашается приступать къ самому дѣлу, но образы предметовъ, вожделѣнныхъ для сребролюбія и всего, что относится къ собранію богатства, начертываетъ въ умѣ, и такимъ образомъ страсть сія заставляетъ душу заниматься оными вещами, и влагаетъ въ нее желаніе обладать ими.

Не всѣ страсти ведутъ войну наступательную. Есть страсти, которыя причиняютъ душѣ одну только скорбь. На пр. нерадѣніе, уныніе и печаль не нападаютъ на душу, не приводятъ ее и въ изнеможеніе, но только наполняютъ ее тяжестію. Крѣпость же души испытуется въ побѣдѣ надъ страстями, воюющими наступательно, и о нихъ-то всѣхъ нужно человѣку имѣть тонкое вѣдѣніе и признаки, дабы при каждомъ, сдѣланномъ имъ шагѣ, могъ чувствовать, гдѣ онъ сталъ, и въ какой странѣ начала ходить душа его, въ землѣ ли Ханаанской, или по ту сторону Іордана.

Обращай также внимание и на сіе. Смотря по тому, имѣетъ ли разумъ твой способность, во свѣтѣ души разсуждать о предметахъ сихъ, или судитъ о нихъ во мракѣ, или даже и вовсе не въ состояніи судить о нихъ, ты дѣйствительно откроешь, началъ ли очищаться разсудокъ твой, свободенъ ли умъ отъ разсѣянности во время молитвы, или какая именно страсть возмущаетъ душу, когда она приступитъ къ молитвѣ? Чувствуешь ли въ себѣ, что сила безмолвія осѣнила душу твою кротостію, тишиною и миромъ, который она необыкновеннымъ образомъ обыкновенно пораждаетъ въ мысляхъ? Восхищается ли умъ даже невольно къ помышленію о предметахъ безтѣлесныхъ, коихъ не дано постигать чувствамъ; возжигается ли въ тебѣ вдругъ радость, которая забываетъ молчать языкъ? И хотя неодинаковая бываетъ степень наслажденія, но течетъ ли непрестанно изъ сердца удовольствіе и увлекаетъ ли собою вполнѣ весь духъ? Время отъ времени нечувствительно разливается ли по всему тѣлу какое-то удовольствіе и радость, которыхъ плотской языкъ изречь не можетъ,

и въ шакой степени, что при чувствованіи шого все земное въ сравненіи съ симъ почишается прахомъ и помешомъ?

Что касаешся до перваго рода удовольсшвія сердца, шо иногда во время молишвы, иногда при чшеніи, а иногда шакъ же ошъ непресшаннаго размышленія и продожишельнаго созерцанія согрѣваешся онымъ духъ. Послѣдняго рода удовольсшвіе бываешъ очень часшо кромѣ сихъ случаевъ, и иногда при занятіи посшороннемъ, а по большой часши ночью, когда случаешся бышь между сномъ и бодрсшвованіемъ, ш. е. какъ будшо бы спишь и не спишь, бодрсшвуешь, и не бодрсшвуешь. Когда же найдешъ на человѣка шакое удовольсшвіе, кошорое производишъ шрепешаніе во всемъ шѣлѣ его: шо онъ въ сіе время думаешъ, что небесное царсшво есшь не иное что, какъ сіе сосшояніе.

Смошри опяшь, снискала ли душа силу, кошорая ослабляешъ чувсшвенныя предсшавленія дѣйсшвіемъ надежды, владычесшвующей въ сердцѣ, и власшвуешъ надъ внушренними чувсшвованіями неизъяснимою силою увѣ-

ренности. Такъ же: освободилась ли душа отъ заботливости, чтобъ не быть ей рабою земнаго, и бодрствуетъ ли сердце твое въ неумолкномъ бесѣдованіи и непрестанномъ дѣйствованіи со Спасителемъ нашимъ?

Научайся распознавать различіе гласа Его и бесѣдованія, когда услышишь. Непрерывное безмолвіе непрестаннымъ и постояннымъ своимъ дѣйствіемъ скоро даетъ душѣ ощутить сіе. Впрочемъ послѣ того, какъ найдено такое пріобрѣтеніе, оно опять можетъ быть утрачено небреженіемъ пріемлющихъ, и уже чрезъ долгое время возвращено быть не можетъ. Въ семъ состояніи, твердо полагающійся на свидѣтельство совѣсти своей можетъ смѣло сказать, какъ сказалъ блаженный Павелъ: „*Я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни другое что не можетъ отлучить меня отъ любви Христовой,*“ т. е. ни скорби тѣлесныя, ни душевныя, ни голодъ, ни гоненіе, ни нагота, ни одиночество, ни заключеніе, ни опасность, ни мечь, ни ангелы сатаны, ни его силы въ пагубныхъ образахъ ухищреній, ни гибнущая

слава имъ внушаемая, ни клеветы и ругательства съ заушеніемъ напрасно и невинно претерпѣваемыя.

Естьли же, любезный Брашъ, таковыя разположенія въ большей или меньшей мѣрѣ не начинали показываться въ душѣ твоей, то всѣ подвиги твои, скорби и все безмолвіе есть трудъ безполезный. И хотя бы руками твоими производились чудеса, хотя бы мертвые были воскрешаемы, все это одинаковую съ тѣмъ будетъ имѣть цѣну. По сему теперь же возбуди душу твою, и со слезами моли Спасителя всяческихъ, чтобы Онъ отнялъ преграду отъ дверей сердца твоего и разогналъ мрачную тучу страстей во внутренней тверди, дабы ты удостоился видѣть дневные лучи, дабы подобно мертвецу вѣчно не остаться во тьмѣ.

Непрестанное бодрствованіе съ чтеніемъ, и частые поклоны, преемственно совершаемые, немѣдленно доставляютъ таковыя блага тѣмъ, кои съ ревностію исполняютъ сіе. И кто пріобрѣлъ оныя: тотъ пріобрѣлъ симъ образомъ. И тѣ, которые желаютъ

пріобрѣсть оныя, должны постоянно пребывать въ безмолвіи, исполняя вышеозначенное, и притомъ умъ ихъ не долженъ быть связанъ, кромѣ своей души, ни чѣмъ, и никакимъ человѣкомъ, а заниматься должны они только внутреннею добродѣтелію. Но и при таковыхъ занятіяхъ въ нѣкоторыхъ только изъ нихъ близь себя находимъ отчасти вѣрное ощущеніе, изъ котораго и о прочихъ удостовѣриться можемъ.

Тотъ, кто пребываетъ въ безмолвіи и испыталъ благость Божію, не имѣетъ нужды, чтобы много убѣждали его. Душа его нимало не страдаетъ болѣзнію невѣрія, подобно тѣмъ, которые сомнѣваются въ истинѣ. Ибо свидѣтельство собственнаго его ума достаточно убѣдить его болѣе, нежели безчисленныя доказательства, неутвержденныя на опытѣ. Богу нашему да будетъ слава и величіе во вѣки. Аминь.

XXI.

СВЯТАГО ИСААКА СИРІЯНИНА

СЛОВО

О тѣхъ, кои живутъ въ близости къ Богу и въ жизни разумной провождаютъ дни свои.

Нѣкоторой старецъ написалъ на стѣнахъ кельи своей различныя слова и мысли. Когда же спросили его, что это? онъ отвѣтствовалъ: это суть мысли правды, внушаемыя присущимъ мнѣ Ангеломъ, и правыя мысли природы, возникающія во мнѣ. Въ то время, какъ возникаютъ онѣ, я записываю ихъ, дабы во время омраченія моего находить въ нихъ наставленіе, и посредствомъ оныхъ предохранять себя отъ заблужденія.

Другой старецъ, будучи ублажаемъ собственными помыслами, что ты-де вмѣсто преходящаго міра сподобился негибнущей надежды, отвѣтствовалъ: доколѣ еще я нахожусь на пути, тщетно вы меня хвалите. Еще я не окончилъ пути своего.

Ежели ты сдѣлаешь доброе дѣло, и не получишь воздаянія за оное, не удивляйся. Ибо доколѣ человѣкъ не смирится, не получишъ награды за дѣла свои. Награда дается не за дѣла, а за смиреніе. Пренебрегающій послѣднее теряетъ и первую. Кто уже получилъ воздаяніе, принадлежащее добрымъ дѣламъ, тотъ преимуществуетъ предъ тѣмъ, кто только имѣетъ добрыя дѣла. Добродѣтель раждаетъ скорбь, скорбь пораждаетъ смиреніе, и смиренію дается уже благодать. Однакожъ воздаяніе дается не добродѣтели, и не трудамъ для нея подъемлемымъ, но происходящему отъ того смиренію. Естьли же сего не будетъ, то и первые безполезны.

Добродѣтель есть сохраненіе заповѣдей Господнихъ. Непрестанное такое дѣйствованіе приводитъ духъ въ благое расположеніе, которое составляется изъ смиренія и бдѣнія. Когда нѣтъ силы успѣть въ первыхъ, то вмѣсто оныхъ пріемлется самое сіе расположеніе духа. Да и Христосъ требуетъ отъ насъ не исполненія заповѣдей, а исправленія души, для которой и заповѣди далъ подзаконнымъ. Тѣло одинаково дѣйствуетъ

какъ въ добрыхъ, такъ и въ худыхъ дѣлахъ, но умъ, смотря по его расположенію, или дѣлаетъ добро, или грѣшитъ. Иной и при худыхъ обстоятельствахъ ведетъ жизнь въ премудрости Божіей; а другой дѣлаетъ грѣхъ, находясь даже предъ лицемъ Божіимъ.

Въ людяхъ внимательныхъ къ самимъ себѣ недостатки суть стражи добродѣтели. Даръ безъ искушеній есть гибель для пріемлющихъ оный. Естьли ты дѣлаешь угодное предъ Богомъ, и Онъ низпошлетъ тебѣ даръ, то моли Его, чтобы Онъ тебя вмѣстѣ и вразумилъ, какъ должно тебѣ смиряться или приставилъ къ тебѣ стража для соблюденія онаго дара, или чтобы самый сей даръ взялъ отъ тебя, дабы оной не сдѣлался причиною твоей погибели; ибо не всякой можетъ сохранить богатство безъ вреда.

Душа пекущаяся о добродѣтели, и живущая въ повиновеніи и страхѣ Божіемъ, не можетъ ни одного дня пробыть безъ горести. Поелику съ добродѣтелями тѣсно сопряжены горести. Кто удаляется отъ скорбей, тотъ безъ всякаго сомнѣнія удаляется и

отъ добродѣтели. Ежели ты любишь добродѣтель, рѣшись на всякую скорбь. Ибо скорби раждаютъ смиреніе. Богъ не хощетъ, чтобы душа была безъ заботы, и кто хочетъ быть беззаботнымъ, тотъ своимъ расположеніемъ находится внѣ воли Божіей. Заботливость же разумѣю здѣсь не о потребностяхъ тѣлесныхъ, но въ разсужденіи трудностей, кои предлежатъ шествующимъ путемъ добрыхъ дѣлъ. Какъ скоро достигнемъ мы истиннаго вѣдѣнія, которое состоитъ въ откровеніи таинствъ, то искушеніями приближаемся къ смиренію. Кто, не испытывая скорбей, находится на пути добродѣтели, для того отверста дверь къ гордости.

Кто же послѣ сего и пожелаетъ быть безъ печали въ духѣ своемъ? Душа, не испытавшая горестей, не можетъ постоянно пребывать въ смиреніи, а безъ смиренія не можетъ часто пребывать въ молитвенномъ углубленіи предъ Богомъ. Ибо послѣ того, какъ удалитъ человѣкъ изъ мысли своей должную заботливость, приближается къ нему духъ гордости. Когда же онъ прилѣпится къ

гордости, тогда Ангелъ попечитель удаляется отъ него, который, находясь близъ его, возбуждалъ въ немъ заботливость о правдѣ. А когда человѣкъ оскорбитъ его и онъ удалится отъ него, тогда приступаетъ къ нему врагъ, и съ того времени уже нѣтъ въ немъ ни малаго попеченія о правдѣ.

Прежде сокрушенія, говоритъ Премудрый, *гордость,* (Прит. 16, 18.) прежде дарованія смиреніе. По мѣрѣ гордости, показывающейся въ душѣ, бываетъ и сокрушеніе, происходящее отъ наказанія Божія. Подъ гордостію разумѣется здѣсь не то, когда въ душѣ возникаетъ какой либо горделивой помыслъ, и не то, когда кто на время бываетъ побѣжденъ гордостію, но разумѣется гордость, постоянно пребывающая въ человѣкѣ. Въ первомъ случаѣ за гордостію послѣдуетъ сокрушеніе; а въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда человѣкъ прилѣпится къ гордости, онъ уже не знаетъ сокрушенія. Богу нашему да будетъ слава и величіе во вѣки. Аминь.

XXII.

РѢЧЬ

Кіевскаго Митрополита Кирилла III къ Священникамъ, присутствовавшимъ на Владимирскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1274 годѣ.

Внемли, священное собраніе Іереевъ! Ибо къ вамъ обращаю мое слово. Вы наименованы земными Ангелами и небесными человѣками. Вы вмѣстѣ съ Ангелами предстоите олтарю Господню. Вы съ Серафимами носите Господа. Вы низводите съ неба Духа Святаго, и претворяете хлѣбъ въ Тѣло и вино въ Кровь Іисуса Христа. Вы совершаете таинство, невидимое для людей, которое впрочемъ видѣли многіе Святые, и которое видятъ одни только достойные. Вы просвѣщаете человѣковъ Божественнымъ крещеніемъ; вы вяжете на землѣ, и Богъ не разрѣшаетъ на небѣ; разрѣшаете на землѣ, и Богъ не связуетъ на небѣ. Чрезъ васъ Богъ совершаетъ таинство искупленія рода человѣческаго; Самъ Онъ поставилъ

васъ стражами и пастырями овецъ своихъ, за которыхъ пролилъ драгоцѣннѣйшую кровь свою. Вамъ Онъ ввѣрилъ свой талантъ, котораго востребуетъ отъ васъ во второе свое пришествіе, и истяжетъ васъ, умножили ли вы даръ, данный вамъ? Соблюли ли непорочно свою святость? Не соблазнили ли вѣрныхъ, вашему попеченію ввѣренныхъ? Ибо сказано Господомъ, что человѣку гораздо лучше быть ввержену въ глубину морскую съ камнемъ на выи, нежели соблазнить одного изъ малыхъ. И подлинно, естьли одна душа превосходитъ цѣною весь міръ, то соблазнившій многія души не ввержется ли въ огнь неугасимый? Когда согрѣшитъ простолюдинъ и невѣжда, то онъ будетъ отвѣчать Богу за одну свою душу, а согрѣшающій Священникъ соблазняетъ многихъ, за души коихъ будетъ судимъ Богомъ.

И такъ отнынѣ блюдите себя отъ всякаго грѣха; не исполняйте похотей плоти, отвергните піянство и пресыщеніе; остерегайтесь ссоръ и распрей; ненависти и злословія, гордости и многорѣчія, всякой гнусности и запальчивости, клятвопресту-

пленія и обмана, корыстолюбія и зависти, лукавства и злобы. Сихъ и другихъ діавольскихъ дѣлъ вы должны тщательно отвращаться, и предостерегать отъ нихъ вѣрныхъ, вашему попеченію врученныхъ, дабы вамъ представить ихъ непорочными на страшномъ судѣ Божіемъ, и дабы всякой изъ васъ могъ тогда сказать: *Се азъ и дѣти, яже даде ми Богъ*!

И такъ старайтесь, о Священно-служители, умножать талантъ, данный вамъ Господомъ. Я, хотя и грѣшникъ, впрочемъ вашъ Митрополитъ, все сказалъ вамъ, и ничего не сокрылъ. Естьли нерадиво будете совершать дѣло Божіе, то не избѣгнете страшнаго приговора Всевышняго Судіи. Запрещенныхъ книгъ не читайте, отъ бесѣдъ съ еретиками уклоняйтесь, бѣгайте чародѣевъ, заграждайте уста тѣмъ, которые произносятъ хулы. Когда въ чемъ будете имѣть сомнѣніе, спрашивайте меня; ибо вамъ не стыдно отъ меня учиться. Естьли кто востанетъ противъ вашего истиннаго ученія, объявите мнѣ; я самъ обличу его и отлучу отъ Церкви.

Умѣйте исправлять духовныхъ дѣтей вашихъ, ни чрезъ мѣру снисходительно, дабы не погрязли въ порокахъ при ослабленіи бразды, ни чрезъ мѣру строго, дабы отъ суровости вашей не впали въ отчаяніе: но всѣхъ кающихся благосклонно принимайте и разрѣшайте, не требуя за сіе никакой мзды. Осторожно также поступайте, ежели нужно иногда или кого нибудь не удостоить причащенія Евхаристіи, или запретить кому входъ въ церковь, или отлучить кого отъ общенія съ вѣрными. Естьли же кто изъ васъ не довольно знаетъ правила, тотъ пусть не стыдится спрашивать другаго ученнѣйшаго: ибо кто умѣетъ найти правую стезю, тотъ удобно покажетъ оную и другимъ; а кто небрежетъ о семъ, тотъ и самъ ходитъ въ слѣпотѣ, и слѣпыхъ ввергаетъ въ яму.

Страшное священнодѣйствіе совершайте съ трепетомъ и благоговѣніемъ; никогда не приступайте къ Олтарю, имѣя на ближняго какую либо вражду, и, намѣреваясь приносить Богу святую и чистѣйшую Жертву, не тратьте время въ пустословіяхъ; но

возвысивъ умъ на небо, размышляйте, молитесь, и тогда совершайте сію Жертву со всякимъ вниманіемъ, дабы сердца вѣрныхъ, присутствующихъ при Богослуженіи, болѣе и болѣе исполнялись благочестіемъ.

(Переведено изъ книги; Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Jgnat. Kulczynskj, edit, 1733 an.)

XXIII.

НРАВЫ ХРИСТІАНЪ.

9. Степенность Христіанъ.

Вся жизнь Христіанъ была образцемъ умѣренности. Заботясь преимущественно о внутреннемъ величіи и благородствѣ, и дорожа токмо духовными сокровищами, они осуждали все то, что изобрѣла роскошь въ преисполненномъ богатствами Римскомъ государствѣ, какъ то строеніе пышныхъ зданій, заведеніе богатѣйшей мебели, столы изъ слоновой кости, постели изъ серебра, обтянутыя пурпуровою и вышитою золотомъ матеріею, золотую и серебреную посуду, украшенную рѣзьбою и драгоцѣнными каменьями *). Вотъ что нашли мучители въ горницѣ, въ которой жила Св. Домна, богатѣйшая дѣвица Никомидійская: Распятіе, Дѣянія Апостольскія, рогожу на полу, глиняную кадильницу, лампаду, небольшой де-

---

*) Климентъ Александр. во 2 кн. о воспит. дѣтей гл. 1.

ревянный ящичекъ, въ коемъ хранились Св. Дары для пріобщенія *)

Христіане не носили одеждъ яркаго цвѣта; Св. Климентъ Александрійскій одобрялъ бѣлый **), какъ знакъ чистоты; притомъ сей цвѣтъ былъ въ общемъ употребленіи у Грековъ и Римлянъ. Христіане не любили также весьма тонкихъ матерій, особливо шелковыхъ, бывшихъ тогда еще въ такой рѣдкости, что онѣ продавались на вѣсъ золота, перстней, драгоцѣнныхъ камней, завиванья волосъ, напрыскиванія себя духами, слишкомъ частаго хожденія въ бани, излишней опрятности, словомъ всего, что можетъ возбудить чувственную любовь и вождѣлѣніе ***). Пруденцій полагаетъ первымъ знакомъ обращенія Св. Кипріана перемѣну во внѣшности и оставленіе украшеній. Апол-

---

*) См. дѣянія мучениковъ Никомидійскихъ у Баронія въ 29 лѣтописи.

**) Климентъ во 2 кн. о воспитаніи гл. 10.

***) Онъ же въ 2 кн. о воспитаніи дѣтей гл. 10. 11. 12. и въ 3 кн. гл. 1. 2. 3. и пр. Постановленій Апост. кн. 1. гл. 3. и 24.

лоній *), древній писатель Церкви, дѣлаетъ слѣдующій упрекъ Монтанистамъ, говоря о ихъ лже-пророкахъ: „Скажите мнѣ, Пророкъ напрыскивается ли духами? Любитъ ли наряды? Играетъ ли въ кости? Отдаетъ ли въ ростъ деньги? Пусть скажутъ, позволительно ли сіе, или нѣтъ; я докажу, что ихъ пророки то дѣлаютъ." Нѣкоторый мученикъ **), желая обличить въ измѣнѣ одного лже-Христіанина, представлялъ судіямъ, что сей обманщикъ завивалъ волосы, что принималъ къ себѣ брадобрѣевъ, что пристально смотрѣлъ на женщинъ, что ѣлъ по многу и издавалъ отъ себя винный запахъ. Вообще по внѣшности Христіане вели себя сурово или, по крайней мѣрѣ, просто и степенно. Нѣкоторые изъ нихъ вмѣсто обыкновенной одежды носили Философскую епанчу ***), какъ Св. Іустинъ, Тертулліанъ и Св. Гераклъ, ученикъ Оригена.

Забавъ у нихъ почти вовсе не было. Они

*) У Евсевія въ 5 кн. Исторіи гл. 18.

**) См. Дѣянія Св. Севастіана у Баронія въ лѣтописи 289.

***) Тертулліанъ въ защищеніи сей одежды.

не ходили ни на какія народныя зрѣлища *), ни въ театръ, ни въ амфитеатръ, ни въ циркъ. Въ театрѣ игрались трагедіи и комедіи; въ амфитеатрѣ происходило сраженіе мечебойцевъ или травля звѣрей; циркъ былъ назначенъ для ристанія на колесницахъ. Всѣ сіи зрѣлища составляли часть идолопочитанія и бѣсовскихъ празднествъ; сего уже довольно было для Христіанъ, чтобы чувствовать къ нимъ отвращеніе; но кромѣ того они взирали на оныя, какъ на главный источникъ развращенія нравовъ. Можно ли, говоритъ Тертулліанъ, любоваться изображеніемъ того, чего дѣлать не должно **). Театръ представлялъ позорище безстыдства, амфитеатръ—позорище безчеловѣчія, тогда какъ Христіане отъ сего были столь далеки, что не хотѣли смотрѣть даже на казни совершаемыя правосудіемъ. Обѣ сіи забавы служили пищею страстей ***). И тѣ, кои доставлялъ циркъ, сколь невинными онѣ ни казались, были строго запрещаемы Св.

---

*) Постановленій Апост. кн. 2. 62. Тертулліанъ о зрѣлищахъ.

**) Тертулліанъ о зрѣлищахъ гл. 21.

***) Августинъ въ 6 Исповѣди своей гл. 7.

Отцами по причинѣ возмущеній, которыя тамъ господствовали, и кои ежедневно производили ссоры, драки, нерѣдко даже кровопролитіе. Сверхъ сего великія издержки, употреблявшіяся на сіи зрѣлища, праздность, которую онѣ питали, встрѣча мущинъ и женщинъ, которыя сидѣли здѣсь вмѣстѣ и могли другъ друга высматривать съ полною свободою и любопытствомъ, все сіе въ глазахъ Христіанъ было предметомъ, достойнымъ порицанія.

Христіане не менѣе порицали *) бросаніе костями и другія сидячія игры, какъ вредныя и потому уже, что поддерживаютъ лѣность. Они осуждали громкой смѣхъ **) и все то, чѣмъ онъ возбуждается, какъ-то смѣшные поступки и слова, забавныя повѣсти, шутки, пересмѣшки; тѣмъ паче вооружались противу всего постыднаго въ тѣлодвиженіяхъ и словахъ. Они не хотѣли

*) Климентъ въ III. кн. о воспитаніи гл. 11. Аполлоній у Евсевія кн. 5. гл. 18.

**) Климентъ во II. кн. о воспитаніи гл. 6. 7. Ириней кн. 4. гл 47. Постановленій Апост. кн. 5. гл. 9.

видѣть въ жизни Христіанина ничего неприличнаго, низкаго и недостойнаго честныхъ людей, ни слышать отъ него глупыхъ рѣчей и безполезнаго болтанья, толико свойственнаго простому народу и особливо женщинамъ, но которое обвиняетъ Ап. Павелъ, говоря: *Слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солію растворено.* (Кол. 4, 6.) Противу сихъ-то безпорядковъ, какъ предохранительное средство, предписывалось молчаніе.

Сей образъ жизни въ наше время, безъ сомнѣнія, покажется слишкомъ суровымъ: но менѣе станутъ тому удивлятся, ежели припомнятъ, что любители забавъ часто порицаются и проклинаются въ Св. Писаніи, (Притч. 3, 34. 12, 18. 19.) что Св. Павелъ осуждаетъ именно то, что Греки называли *Евтрапеліею,* (забавностію въ разговорахъ и поступкахъ) (Еф. 5, 4.) изъ которой Аристотелю угодно было составить особенную добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ вся жизнь Христіанина состоитъ въ томъ, чтобы заглаждать прежніе грѣхи покаяніемъ, и предотвращать будущіе умерщвленіемъ страстей.

Кающійся, поелику хочетъ наказать себя за неумѣренное наслажденіе удовольствіями, долженъ сіе начать отреченіемъ отъ самыхъ позволенныхъ удовольствій: ибо, чтобы истребить страсть или по крайней мѣрѣ ослабить ее, должно, сколько возможно, менѣе поблажать оной. По сему истинный Христіанинъ никогда не долженъ искать чувственнаго удовольствія, а развѣ мимоходомъ получать то, которое сопряжено съ необходимыми потребностями жизни, на пр. вкушеніемъ пищи и сномъ. Естьли онъ наслаждается тѣмъ, то сіе наслажденіе должно быть истинное; таково отдохновеніе послѣ трудовъ, удовлетворяющее слабости нашего естества, которое бы изнемогло, естьли бы тѣло находилось въ непрестанномъ дѣйствіи и душа въ неослабномъ напряженіи. Но искать чувственнаго удовольствія для самаго удовольствія и поставлять оное своею цѣлію, сіе совершенно противно обязанности самоотверженія, которая составляетъ сущность добродѣтелей Христіанскихъ. Тѣлесный трудъ или прекращеніе занятія возвращаютъ бодрость душѣ, отдыхъ, пища и

сонъ возстановляютъ тѣлесныя силы; забавы же ни къ чему не нужны.

Но сколь ни суровою представляется намъ жизнь первыхъ Христіанъ, не должно однакожъ воображать, что она была горестная. Св. Павелъ требовалъ отъ нихъ конечно не невозможнаго, когда побуждалъ ихъ къ радости. (Филип. 4, 4.) Естьли они лишены были чрезмѣрныхъ удовольствій, за коими гоняется большая часть людей; то съ другой стороны свободны были отъ печалей и другихъ страстей ихъ терзающихъ, поелику жили безъ честолюбія и корыстолюбія. Не имѣвъ привязанности къ благамъ настоящей жизни, они легко переносили ея непріятности; ихъ сердце исполнялось спокойствіемъ чистой совѣсти, радостію благихъ дѣлъ, чрезъ которыя старались угодить Богу, и наипаче сладкою увѣренностію въ будущей жизни, въ которой не будетъ никакихъ огорченій.

По сей причинѣ забота о потомствѣ не тревожила ихъ. Они желали своимъ дѣтямъ, какъ и самимъ себѣ, одного блага — скорѣе

отойти от міра *). Естьли они покидали их сиротами, какъ-то почасту случалось съ мучениками, то знали, что Церковь будетъ ихъ матерью, и что они ни въ чемъ не потерпятъ нужды. Такимъ образомъ они жили своимъ рукодѣліемъ или доходами, коихъ часть удѣляли нищимъ, безъ заботъ и нуждъ, чуждые не только низкой и сколько нибудь неправедной корысти, но и всякаго желанія собирать и богатѣть. Такъ, когда между гоненіями нѣкоторые изъ Христіанъ стали собирать недвижимыя имущества и искать сокровищъ на землѣ, сіе Отцами Церкви почиталось безпорядкомъ, достойнымъ оплакиванія **). Люди, толико хладные ко всему земному, не могли быть пристрастны къ удовольствіямъ чувственнымъ; и мы ложно на себѣ носимъ имя Христіанъ, ежели не имѣемъ, по крайней мѣрѣ, искренняго желанія, имъ въ томъ уподобиться. Какое удовольствіе, говоритъ Тертулліанъ ***), можетъ сравниться съ тѣмъ, которое происходитъ отъ презрѣнія къ міру, отъ истинной сво-

*) Тертулліанъ о зрѣлищахъ гл. 28.

**) Кипріанъ о паденіи.

***) Тертулліанъ о зрѣлищахъ гл. 29.

боды, отъ чистой совѣсти, отъ навыка довольствоваться малымъ и не страшиться смерти? Попирать ногами языческихъ боговъ, изгонять демоновъ, цѣлить болѣзни, испрашивать откровеній, жить для Бога, — вотъ утѣхи, вотъ увеселительныя зрѣлища Христіанъ!

10. Супружество.

При всемъ однакожъ хладнокровіи къ земнымъ вещамъ, большая часть Христіанъ вела брачную жизнь. Безбрачное состояніе язычниковъ, какъ основанное на одномъ своеволіи и распутствѣ, было во всеобщемъ презрѣніи. Для прекращенія сихъ безпорядковъ законы гражданскіе полагали разныя наказанія на безбрачныхъ и награды тѣмъ, кои умножали число гражданъ чрезъ законныя супружества.

Въ язычествѣ былъ обычай у родителей обремененныхъ семействомъ подкидывать своихъ дѣтей вскорѣ послѣ ихъ рожденія. Христіане порицали сіе безчеловѣчіе. Мы всту-

паемъ въ бракъ, пишетъ Св. Іустинъ *), единственно для воспитанія дѣтей, или, отрекаясь отъ брака, хранимъ совершенное цѣломудріе. И Св. Климентъ Александрійскій **): Должно вступать въ бракъ, или уже совершенно воздерживаться. И такъ они знали токмо два состоянія, и послѣднее, какъ утвержденное примѣромъ Іисуса Христа, предпочитали первому. Многіе возлагали на себя обѣтъ дѣвства тотчасъ послѣ своего крещенія ***), и между тѣми, кои отъ младенчества были Христіанами, находилось много обоего пола людей, соблюдшихъ свою непорочность до 60 и 70 лѣтъ ****). Извѣстно, до чего Оригенъ простеръ свою неумѣренную ревность о дѣвствѣ; въ послѣдствіи сей его примѣръ нашелъ было столько подражателей, что для обузданія ихъ нужны были соборныя опредѣленія *****).

---

*) Іустинъ въ 1 Апологіи.

**) Климентъ во II кн. о воспитаніи гл. 10.

***) Тертулліанъ въ I кн. къ женѣ гл. 5.

****) Іустинъ въ 1 Апол.

*****) Правило Апостольское 21. 22. Правило Никейскаго Собора 1. Тертулліанъ объ одноженствѣ.

Нѣкоторые еретики въ семъ пунктѣ преступили предѣлы. Одни изъ нихъ осуждали вторый бракъ, другіе вообще брачную жизнь. Къ симъ-то послѣднимъ Св. Климентъ Александрійскій прилагаетъ предсказаніе Ап. Павла относительно того, что въ послѣднія времена явятся люди порицающіе бракъ. (1 Тим. 4, 3.) Сіе самое заставило сего Отца и другихъ доказывать святость брака и утверждать примѣрами (Апостоловъ) Петра и Филиппа, которые находились въ брачномъ состояніи. Отцы Церкви съ уваженіемъ смотрѣли на бракъ, какъ имѣющій цѣлію произведеніе разумныхъ тварей, назначенныхъ для безсмертія. Только они не хотѣли, чтобы люди искали одного удовольствія въ семъ священнѣйшемъ дѣлѣ, но чтобы оно было управляемо благоразуміемъ и стыдливостію при постоянномъ памятованіи о томъ, который проникаетъ въ сокровеннѣйшія тайны, и при строгомъ храненіи тѣла, которое есть храмъ Его.

Между правилами воспитанія дѣтей находилось и то *), чтобы ихъ благовременно

*) Постановленій Апост. кн. 4. гл. 10.

сочешашь бракомъ для предошвращенія безпорядковъ. И шѣмъ, кои имѣли человѣколюбіе воспишывать сирошъ, внушаемо было, какъ скоро сіи придушъ въ возрасшъ, сочешовашь ихъ съ своими дѣшьми болѣе, нежели съ чужими *). Изъ сего видно, сколь мало учасшвовала разчешливосшь въ Христіанскихъ супружесшвахъ. О бракахъ, какъ и другихъ важныхъ дѣлахъ, предлагали на судъ Епископу, дабы, по словамъ Св. Игнашія **), они заключались по благословенію Божію, а не по сшрасши. По согласіи обѣихъ сшоронъ бракъ совершался всенародно и великолѣпно въ церкви, гдѣ былъ освящаемъ благословеніемъ Пасшыря и ушверждаемъ приношеніемъ Св. жершвы ***). Брачущіеся давали другъ другу руку, и невѣсша получала ошъ жениха персшень съ изображеніемъ кресша или символа какой нибудь добродѣшели, какъ шо голубицы, якоря, рыбы: ибо сіе обыкновенно вырѣзывалось у Христіанъ на печашяхъ; а извѣсшно, чшо у древнихъ персшни служили вмѣсшо печашей.

---

*) Посшан. Aпосш. гл. 1.

**) Игнашій въ письмѣ къ Полvкарпу.

***) Тершулліанъ во 2 кн. къ женѣ въ концѣ.

Христіане не заключали браковъ въ праздничные и постные дни, на какомъ основаніи доселѣ возбраняется вѣнчать въ извѣстныя времена года; и вообще они жили воздержно всегда, когда хотѣли особенно заняться молитвою, по внушенію Апостола. (1 Кор. 7, 5.) Св. Климентъ Александрійскій говоритъ*), что совершенный Христіанинъ послѣ того, какъ будетъ имѣть дѣтей, долженъ обращаться съ своею женою, какъ съ сестрою, ибо по разлученіи съ тѣломъ они будутъ точно въ такомъ отношеніи; а Тертулліанъ свидѣтельствуетъ, что многіе изъ супруговъ дѣйствительно хранили дѣвство, по взаимному согласію. Онъ же **) счастіе Христіанскаго супружества изображаетъ такъ:,, Они, т. е. супруги—Христіане несутъ единое бремя, составляютъ одно тѣло и одну душу, вмѣстѣ молятся, вмѣстѣ преклоняютъ колѣна, вмѣстѣ постятся, поучаютъ и увѣщеваютъ одинъ другаго. Они вмѣстѣ ходятъ въ церковь, садятся за столъ, терпятъ гоненія и наслаждаются спокой-

*) Климентъ въ 6 стромѣ стр. 664.

**) Тертулліанъ въ 1 кн. къ женѣ гл. 5. О воскресеніи тѣла гл. 8. 2 кн. къ женѣ. въ концѣ.

ствіемъ. Они ничего не таятъ другъ отъ друга и не бываютъ въ тягость одинъ другому. Свободно посѣщаютъ больныхъ, охотно раздаютъ милостыню, безъ развлеченія стоятъ за Службою. Они вмѣстѣ поютъ псалмы и гимны, взаимно возбуждаютъ себя къ славословію Господа." Возбранялось вѣрнымъ вступать въ бракъ съ невѣрными; но въ томъ случаѣ, когда который нибудь изъ нихъ прежде крещенія вступилъ въ оный, позволялось имъ жить вмѣстѣ. (1 Кор. 7, 12 и проч.) Вторый бракъ хотя не былъ вовсе запрещенъ, однакожъ въ нѣкоторыхъ Церквахъ полагали покаяніе на второженцевъ.

11. Союзъ Христіанъ.

Такъ жили Христіане порознь, внѣ своего общества. Теперь обратимъ взоръ на ихъ собранія. Подъ именемъ церкви (ἐκκλησία) Греки разумѣли собраніе народа для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ. Такъ собраніе народа, бывшее въ Ефесѣ, называется въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ церковію (ἐκκλησία). (Дѣян. 19, 32.) По сему въ отличіе отъ мірской церкви, собраніе вѣру-

ющихъ именовалось Божіею Церковію. Оригенъ въ опроверженіи Цельса *) сравниваетъ сіи двѣ Церкви одну съ другою и утверждаетъ рѣшительно, что, судя даже по Христіанамъ, стоящимъ на низшей степени Христіанскаго совершенства, Церкви Христіанскія суть какъ бы свѣтила въ мірѣ. Изъ самаго понятія о Церкви (εκκλησία) видно, что Христіане каждаго города составляли единое общество; и вотъ что было однимъ изъ главныхъ предлоговъ къ гоненію: ибо собранія ихъ казались предосудительными, какъ несогласныя съ законами правленія, а единодушіе ихъ, которое на самомъ дѣлѣ происходило токмо отъ взаимной любви, представлялось заговоромъ **).

Дѣйствительно, Христіане одного города или селенія сводили между собою тѣсную дружбу въ собраніяхъ, назначенныхъ для молитвы и другихъ благочестивыхъ упражненій, гдѣ они видѣлись почти каждый день. Здѣсь имѣли они частыя бесѣды и совѣто-

*) Ориг. противъ Цельса Кн. 3. стр. 130.
**) Тертулл. Апологія гл. 39.

вались другъ съ другомъ даже о неважныхъ вещахъ. Радость и горесть у нихъ были общія. Естьли кто изъ нихъ получалъ отъ Бога какую либо особливую милость, всѣ брали въ томъ участіе; естьли кто находился въ состояніи покаянія, всѣ испрашивали прощеніе. Они обращались между собою, какъ родные, называя одинъ другаго отцемъ или сыномъ, братомъ или сестрою, смотря по возрасту и полу.

Сей союзъ укрѣплялся властію родителей въ своемъ семействѣ и подчиненностію ихъ Священникамъ и Епископу, какъ сіе старается внушить Св.Ириней въ своихъ письмахъ. Епископы находились между собою въ тѣсномъ союзѣ. Безъ общаго согласія они не предпринимали ничего важнаго. Принадлежавшіе къ одному округу часто сходились на Соборъ, когда имѣли для сего свободное время. Дальнихъ же мѣстъ Епископы вели между собою частую переписку, весьма удобную по чрезмѣрной обширности Римскаго единодержавія, которое, говоря словами Оригена *), Господь, казалось, нарочно устроилъ

*) Ориг. противъ Цельса Кн. 2. стр. 79.

съ тѣмъ, чтобы споспѣшествовать успѣхамъ Евангельской проповѣди. Сіи письма имѣли особливую форму для предохраненія отъ подлога и для прикрытія священныхъ истинъ, нужнаго наипаче во время гоненій *). Для большей безопасности онѣ посылались съ Клириками, а за недостаткомъ ихъ съ людьми, нарочно для сего избранными. Но поелику Церковь Божія не заключалась въ предѣлахъ Римской Имперіи, а простирала свое владычество по всѣмъ окрестнымъ странамъ: то единство Вѣры и нравовъ общее всѣмъ Христіанамъ было достойнымъ еще большаго удивленія при столь великомъ разнообразіи народовъ, особенно когда примѣчали, что истинная Религія отучала своихъ послѣдователей отъ самыхъ грубыхъ и безразсудныхъ привычекъ. Послѣ сего можно сказать, что Церковь вселенская составляла точно одно тѣло, коего члены соединялись между собою союзомъ не только вѣры, но и любви взаимной.

---

*) Кипр. письмо 9 къ Клименту Римскому.

12. Собранія. Литургія.

Принадлежавшіе къ извѣстной Церкви собирались въ Воскресный день, называемый у язычниковъ днемъ солнца, который у Христіанъ былъ во всегдашнемъ уваженіи, потому что онъ напоминаетъ о сотвореніи свѣта и воскресеніи Христовомъ *). Собирались также въ пятокъ, называвшійся иначе у Христіанъ днемъ *приготовленія* (*παρασκευῇ*). Мѣстомъ собранія былъ какой нибудь частный домъ, въ коемъ на сіе отдѣлялась одна изъ столовыхъ комнатъ (по латинѣ coenaculum), находившихся въ верхнемъ жильѣ. Такова была горница, изъ коей упалъ юный Евтихъ, во время полуночной проповѣди А. Павла въ Троадѣ. Она была въ третьемъ жильѣ, довольно освѣщена: и вѣрные туда собрались въ ночь на Воскресенье для преломленія хлѣба; т. е., для совершенія Евхаристіи, за коею слѣдовала вечеря. (Дѣян. 20, 7—11.) Часто гоненіе заставляло укрываться въ подземельяхъ за городами, какъ то подтверждаютъ каменныя пещеры, усматриваемыя доселѣ близъ Рима, коихъ опи-

*) Іустин. 1 Апологія парагр. 89.

саніе мы имѣемъ подъ названіемъ *Рима подземнаго* *). При лучшихъ обстоятельствахъ Христіане собирались въ открытыя мѣста, кои извѣстны были язычникамъ подъ именемъ Христіанскихъ церквей **). Такъ было при Императорахъ, Филиппѣ и Гардіанѣ ***). Императоръ Галліенъ, прекращая гоненіе, повелѣлъ возобновить Христіанскія кладбища, подлѣ коихъ обыкновенно находились и церкви ****); а по низложеніи Павла Самосатскаго, Императоръ Авреліанъ приказалъ домъ церковный отдать тѣмъ, кому присудятъ Италійскіе и другіе правовѣрные Епископы *****). Нѣкоторыя изъ сихъ открытыхъ церквей находились въ частныхъ домахъ, какъ то извѣстно о домовой церкви Сенатора Пуденса. Иногда же для сего строились особенныя зданія. Не задолго предъ гоненіемъ Діоклитіановымъ церкви во всѣхъ городахъ, начиная съ основанія,

*) Бароній Лѣтоп. 57. пар. 99.

**) У него же Лѣтоп. 224. пар. 3. Лѣтоп. 245. пар. 502.

***) Евсев. VIII. Церк. Ист. гл. 3.

****) Евсев. VII. Ист. гл. 13.

*****) Тамъ же гл. 30.

были перестроены; и гоненіе началось разрушеніемъ сихъ зданій *).

Въ сихъ собраніяхъ совершалось молитвословіе, опредѣлявшееся, какъ выше показано, разными часами дня и ночи, приносилась безкровная Жертва, какъ дѣйствіе исключительно принадлежавшее Священникамъ. Оно называлось или именами взятыми изъ Св. Писанія, какъ то вечерею, преломленіемъ хлѣба, жертвою, или именами, принятыми Церковію, *Синаксомъ*, что значитъ собраніе, *Евхаристіею*, что значитъ благодареніе, *Литургіею*, что значитъ общественное служеніе. Оно совершалось иногда прежде восхода солнечнаго, особливо во времена гоненій, для предупрежденія помѣхи, могшей приключиться со стороны невѣрныхъ**). Въ каждой церкви, или въ каждомъ приходѣ совершаема была только одна Литургія; отправлялъ оную всегда Епископъ и, развѣ за отсутствіемъ и болѣзнію его, Священники; впрочемъ они тутъ же были и служили съ нимъ вмѣстѣ. Уставъ Литургіи, переходя

*) Евсев. VIII. Ист. гл. 2.

**) Кипр. письмо 63. къ Цецилію.

разныя времена и мѣста, измѣнился чрезъ прибавленіе и отмѣненіе нѣкоторыхъ неважныхъ обрядовъ, но въ существѣ своемъ остался неизмѣннымъ. Вотъ что мы находимъ о семъ у древнихъ Писателей.

Послѣ нѣкоторыхъ молитвъ читали Св. Писаніе сперва Ветхаго, потомъ Новаго Завѣта. Чтеніе заключалось Евангеліемъ, которое изъяснялъ Настоятель, прилагая къ сему наставленія, сообразныя съ нуждами своей паствы *). Послѣ сего всѣ вставали съ мѣстъ, и обращаясь къ востоку съ воздѣтыми къ небу руками, молились за людей всякаго рода: за Христіанъ, за язычниковъ, за знатныхъ и бѣдныхъ, и преимущественно за плѣнныхъ, больныхъ и другихъ страдальцевъ. Діаконъ побуждалъ предстоящихъ къ моленію; Священникъ произносилъ возгласъ; а народъ въ знакъ согласія отвѣтствовалъ: *аминь* **). За симъ слѣдовало приношеніе даровъ, т. е. хлѣба и вина раствореннаго водою, долженствовавшихъ служить веществомъ таинственной Жертвы. Предстоя-

*) Іустин. I. Апологія пар. 87.

**) Постановл. Апост. кн. 8. гл. 12. Кипр. письмо 63.

щіе давали другъ другу лобзаніе мира, мущины мущинамъ, женщины женщинамъ въ знакъ совершеннаго единенія; потомъ каждый относилъ дары Священнику, а сей отъ лица всѣхъ приносилъ оные Богу *). Тогда приступая къ тайнодѣйствію, онъ внушалъ предстоящимъ возвысить сердца свои къ Богу, благодарить Его и славословить съ Ангелами и всѣми небесными силами; потомъ, вспоминая установленіе Евхаристіи, и повторяя слова, изреченныя при семъ случаѣ Іисусомъ Христомъ, совершалъ самую тайну **); послѣ сего читалъ съ народомъ молитву Господню; и причастившись напередъ самъ, чрезъ Діаконовъ раздавалъ причастіе всѣмъ предстоящимъ. Ибо всѣ, кои входили въ церковь, обязывались причащаться, особливо служители олтаря ***). Тѣло Господне принимаемо было съ величайшею осторожностію и опасеніемъ, дабы ни малѣйшая крупица онаго не упала на землю.

Тѣмъ, кои не могли быть при соверше-

*) Климентъ. II о воспит. дѣт. гл. 2.
**) Іустин. I. Апологія пар. 85.
***) Правила Апост. 9. 10.

ніи Литургіи, причастіе отсылалось через Діаконовъ, или служителей Церковныхъ (Аколуѳовъ). Часть онаго откладывалась для напутствованія умирающихъ, какъ дорожній запасъ на дальній путь, ихъ ожидающій. Позволялось вѣрнымъ брать оное домой *), дабы каждое утро пріобщаться до вкушенія пищи, или въ случаѣ опасности, на пр. когда надлежало идти на мученіе, потому что не всякой день можно было собираться для слушанія Литургіи. Причастіе, отлагаемое для здравыхъ или больныхъ, заключалось подъ видомъ токмо хлѣба: между тѣмъ какъ въ собраніи всѣ пріобщались подъ двумя видами, кромѣ малолѣтныхъ дѣтей, коихъ причащали однимъ виномъ. Трапеза любви (ἀγάπη), слѣдовавшая въ древности за приѡщащеніемъ Св, таинъ, состояла изъ обыкновенныхъ яствъ, отъ коихъ всѣ присутствовавшіе вкушали на томъ же самомъ мѣстѣ. Въ послѣдствіи она была предоставлена только вдовицамъ и нищимъ. За столомъ извѣстная доля откладывалась Епископу, хотя бы его тутъ не было. Священни-

*) Тертулл. кн. I. къ жен. гл. 5.

ки и Діаконы получали по двѣ доли, чтецы, пѣвцы и привратники по одной *).

13. Сокровенность таинствъ.

Въ сихъ же самыхъ собраніяхъ совершались и всѣ прочія священнодѣйствія, коль скоро ничто сему не препятствовало; и вотъ почему такъ строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы не впустить туда кого нибудь изъ невѣрныхъ; ибо во всей точности исполняли предписаніе Спасителя, не давать святыни псамъ, и не бросать жемчуга предъ свиньями. (Матѳ. 7, 6.) Отъ сей то скрытности священнодѣйствія получили наименованіе таинствъ т. е. вещей тайныхъ, о коихъ хранилось ненарушимое молчаніе. Онѣ скрываемы были не только отъ невѣрныхъ, но и отъ оглашенныхъ. Не только оныхъ не совершали въ присутствіи ихъ, но никто не смѣлъ даже разсказывать имъ, что происходило въ собраніи, ни произносить въ ихъ присутствіи словъ употребляемыхъ при служеніи, ниже говорить о свойствахъ Священ-

*) Постан. Апост. кн. 2. гл. 28. Тертулл. о постѣ гл. 17.

нодѣйствія. Тѣмъ менѣе писали о семъ; и ежели въ общенародномъ поученіи или въ сочиненіи, которое могло попасть въ руки язычниковъ, заходила рѣчь о Евхаристіи или другомъ какомъ нибудь таинствѣ, то для сего употреблялись слова темныя и загадочныя. Таково въ Н. Завѣтѣ выраженіе; *Преломлять хлѣбъ*, (Дѣян. 2, 42. 46. 20, 7. 11.) то есть раздавать освященные дары, которое не могло быть понятно язычникамъ. Сія предосторожность существовала долгое время и послѣ свободы, пріобрѣтенной Церковію. Должно изключить отсюда однѣ Апологіи, въ коихъ Писатели объясняли таинства для отраженія клеветъ, взносимыхъ на Христіанство.

14. Клеветы на Христіанъ.

Немаловажнымъ поводомъ къ симъ клеветамъ служила упомянутая предосторожность Христіанъ скрывать свои таинства. Извѣстно было о другихъ Религіяхъ, что въ нихъ большую часть таинствъ, о коихъ никому не велѣно было сказывать, составляли постыдныя дѣла; таковы на пр. были

празднества Цереры и Цибелы и жертвоприношенія Бахуса, кои указомъ запретилъ Сенатъ въ 568 годѣ отъ созданія Рима. При господствовавшемъ предубѣжденіи противу Христіанъ, легко могло родиться подозрѣніе, что и ими содѣваемое съ такою скрытностію было что нибудь также худое. Сіи подозрѣнія оправдывались ужасными мерзостями, какія Гностики, послѣдователи Карпократа и другіе еретики содѣвали въ своихъ обществахъ *): поелику и еретики всѣ слыли подъ именемъ Христіанъ. У самыхъ Правовѣрныхъ находились въ услуженіи язычники, которые по страху мученія часто наговаривали на своихъ господъ все, чего только хотѣлось ихъ гонителямъ **).

Такимъ то образомъ распространились различные вымыслы на Христіанъ ***). Іудеи были главными изобрѣтателями оныхъ, и сколько ни были нелѣпы они сами въ се-

*) Касторъ у Евсев. 4. Ист. гл. 7. Барон. Лѣтоп. 120. Пар. 22 и пр. Епифан. Ер. 26 и 27. Ирин. Кн. 1. гл. 24.

**) Евсев. 4. Ист. гл. 1.

***) Евсев 4. Ист. гл. 7.

бѣ, народъ имъ вѣрилъ, такъ что настояла нужда опровергать ихъ всенародно *). Примѣръ празднествъ Вахусовыхъ, на коихъ за двѣсти лѣтъ предъ симъ открыты были ужасныя преступленія, убѣждалъ вообще, что не было мерзостей, кои бы не могли сокрываться подъ личиною Религіи.

Между прочимъ обвиняли Христіанъ во враждѣ на весь родъ человѣческій и въ особенности на могущество Рима; говорили, будто они утѣшаются народными бѣдствіями, сѣтуютъ на счастливое теченіе дѣлъ и желаютъ паденія Имперіи. Все сіе основывалось на ихъ проповѣданіи о суетѣ земнаго величія, о концѣ міра, о страшномъ судѣ и, можетъ быть, на увеличенномъ или злонамѣренномъ истолкованіи того, что предсказано въ Апокалипсисѣ о казни Рима идолопоклонствующаго, и о мщеніи, которое учинитъ нѣкогда Богъ за пролитую кровь Мучениковъ. Клевета подкрѣплялась тѣмъ, что Христіане не брали участія въ народныхъ празднествахъ **), какъ то, жертвоприно-

*) Тертулл. Апологія гл. 7. 8. 9.
**) Тамъ же гл. 35.

шеніяхъ, пирахъ, и зрѣлищахъ. Въ сіи дни Христіане плакали и постились, при видѣ безчисленныхъ беззаконій, тамъ совершаемыхъ; напротивъ во дни, по суевѣрію язычниковъ, плачевные и несчастные, у нихъ большею частію было веселіе. Они убѣгали даже площади, по причинѣ игрищъ, тамъ происходившихъ. Естьли же кому и случалось тамъ быть, то развѣ за тѣмъ, чтобы купить мимоходомъ вещь нужную въ жизни, или невольника ради его обращенія въ Вѣру *).

Наконецъ оказываемое Христіанами презрѣніе ко всѣмъ прочимъ Религіямъ довершало къ нимъ народную ненависть. Сколько ни проповѣдывали они, что покланяются духомъ Богу—Создателю неба и земли, принося ему непрерывно жертвы въ своихъ молитвахъ: народъ идолопоклоннический не разумѣлъ сего языка; онъ спрашивалъ о имени сего Бога и называлъ ихъ безбожниками, поелику они не покланялись ни одному изъ тѣхъ боговъ, которые стояли въ храмахъ, не имѣли у себя жертвенниковъ всесожженія,

*) Постан. Апост. кн. 2. гл. 62.

ни жертвъ кровавыхъ, ни кумировъ, всѣми почитаемыхъ. Жрецы, гадатели по полету птицъ (авгуры), по внутренностямъ живот-ныхъ (гаруспики), прорицатели, словомъ всѣ тѣ, коихъ промыселъ основанъ былъ на язычествѣ, для своей пользы старались поддерживать и усиливать народную ненависть къ Христіанамъ, изъясняя съ симъ намѣреніемъ случавшіяся въ народѣ несчастія, какъ то голодъ, моръ, войну *). Христіане, вопіяли они, привлекаютъ гнѣвъ Боговъ на всѣхъ тѣхъ, которые имъ жить попустили **).

Послѣ сихъ предубѣжденій, на самыя добродѣтели ихъ смотрѣли нечистымъ окомъ. Любовь, которую они питали между собою, казалась опаснымъ заговоромъ ***). Имена братьевъ и сестръ, которыя они давали другъ другу, толковались въ худую сторону; поелику язычники дѣйствительно употребляли оныя въ своихъ порочныхъ связяхъ. Ихъ

*) Тертулл. Апол. гл. 40.

**) Арновій въ началѣ своихъ разсужденій противъ язычниковъ.

***) Тертулл. Апол. гл. 39.

милостыни считались или средствомъ къ обольщенію бѣдныхъ и завлеченію ихъ въ злоумышленіе, или внушеніемъ корыстолюбивыхъ Пастырей, которые, собирая въ церковь большія сокровища, чрезъ сіе хотѣли нажиться сами. Объ ихъ чудесахъ отзывались, какъ о чародѣйствахъ и хитростяхъ Магіи. И дѣйствительно, въ сіе время много было обманщиковъ, кои хвастались искусствомъ предугадывать будущее по различнымъ примѣтамъ, или лѣчить болѣзни посредствомъ нѣкоторыхъ волшебныхъ знаковъ и колдовства, посредствомъ какихъ-то непонятныхъ словъ и странныхъ фигуръ. Они дѣлали даже диковинки для ослѣпленія глазъ, частію по наукѣ, частію при содѣйствіи темныхъ силъ. Аполлоній Тіанскій служитъ пресловутымъ сего примѣромъ. По сей-то причинѣ не слишкомъ удивлялись, слыша расказъ о какомъ либо чудѣ, и даже бывши личными онаго свидѣтелями; истинныя чудеса смѣшивали съ ложными и презирали безъ разбора всѣхъ, кои слыли подъ именемъ чудотворцевъ. Къ утвержденію сего заблужденія не мало способствовала страна, гдѣ жили Апостолы и первые Христіане: ибо

большая часть упомянутыхъ обманщиковъ приходила съ Востока.

Самыя гоненія токмо оправдывали ненависть къ Христіанамъ. Предполагалось, что они были виновны, когда всѣ признавали ихъ виновными; и по строгости казней судили о великости ихъ преступленій *). На нихъ смотрѣли, какъ на людей, обреченныхъ на смерть, въ удѣлъ коимъ назначены огонь и кресты; ихъ называли самыми позорными именами. Вотъ что дѣлало Христіанъ толико ненавистными въ глазахъ народа и невѣждъ; вотъ основаніе того, что объ нихъ говорятъ Светоній и Тацитъ, слѣдуя общему мнѣнію. Светоній пишетъ **), что „Императоръ Клавдій изгналъ изъ Рима Іудеевъ, кои непрестанно бунтовали, бывъ къ тому подущаемы нѣкоторымъ Христомъ;" какъ будто еще Іисусъ Христосъ находился на землѣ и былъ главою бунта между Іу-

*) Тертулл. Апол. гл. 50.

**) Свет. Клавд. пар. 25. У Автора онъ называется не Христомъ, а Хрестомъ: по всей вѣроятности, Светоній, по ошибкѣ, такъ назвалъ Іисуса Христа.

деяніи. Тотъ же Писатель *) относитъ къ похвальнымъ поступкамъ Нерона изданное имъ повелѣніе мучить Христіанъ, людей, какъ онъ выражается, одержимыхъ новымъ и опаснымъ суевѣріемъ.

Тацитъ, повѣствуя о пожарѣ, который въ Римѣ произвелъ Неронъ для своей забавы, говоритъ **), что „онъ въ томъ обвинилъ людей ненавистныхъ по своимъ преступленіямъ, коихъ народъ называлъ Христіанами.“ Потомъ прибавляетъ: „Имя сіе произошло отъ Христа, коего Понтій Пилатъ, въ царствованіе Тиверія, предалъ казни. И сіе опасное суевѣріе, съ начала подавленное, распространилось снова не только по Іудеи, отечествѣ сего зла; но и въ самомъ Римѣ, куда все, что только есть въ свѣтѣ нечестиваго и мерзскаго, стекается и подъ видомъ благочестія совершается. Сперва схвачены тѣ, кои сами признались; а потомъ, по ихъ показанію, множество другихъ осуждено на смерть не столько впрочемъ за произведеніе пожара,

*) Свет. Нер. пар. 16.

**) Тацит. Лѣтоп. 15. пар. 44.

„сколько за ненависть къ роду человѣче-„скому *).“ Онъ же, нѣсколько пониже, называетъ ихъ виновными и достойными примѣрнаго наказанія.

15. Другія укоризны.

Люди образованные и даже входившіе въ нѣкоторое изслѣдованіе вѣщей имѣли также свои причины къ худому мнѣнію о Христіанахъ. Ибо сіи образованные люди были Греки, или Римляне, привыкшіе съ презрѣніемъ смотрѣть на прочіе народы, коихъ называли варварами, а особливо на Іудеевъ, издавна служившихъ между ими предметомъ осмѣянія и примѣромъ смѣшнаго суевѣрія и глупаго легковѣрія. „Пусть Іудей сему вѣритъ, а не я,“ говоритъ Горацій, упоминая о нѣкоторомъ чудѣ **). По сему когда имъ сказывали, что есть между Іудеями такіе, кои исповѣдуютъ сыномъ Божіимъ человѣка, нѣкогда распятаго на крестѣ, и что

*) Въ подлинникѣ смыслъ словъ Автора не ясенъ и не опредѣленъ. Здѣсь онъ представленъ по вѣроятнѣйшему соображенію Филолого-Историческому.

**) Горац. Сатир. 5. въ концѣ.

славный споръ ихъ съ прочими Іудеями состоитъ въ рѣшеніи вопроса: живъ ли еще сей человѣкъ послѣ своей смерти и есть ли онъ истинный Царь ихъ; то можно судить, сколь нелѣпыми казались имъ всѣ сіи сказанія. Они видѣли послѣдователей новой секты ненавидимыми и гонимыми отъ прочихъ Іудеевъ до такой степени, что нерѣдко происходили отъ того великіе мятежи; а изъ сего заключали, что секта Христіанъ хуже еще Іудейства.

Сверхъ того имъ внушаемо было, что сіи люди не употребляли къ убѣжденію ни доказательствъ, ни краснорѣчія, а увѣщевали токмо вѣрить ихъ словамъ, думая замѣнить все прочее чудесами; что большую часть ихъ составляли невѣжды, ничего кромѣ Іудейскихъ книгъ неразумѣвшіе; что они поставляли за правило преподавать наставленія такимъ же, какъ сами, невѣждамъ, женщинамъ и черни, находя ихъ гораздо способнѣйшими къ принятію своего ученія, нежели людей просвѣщенныхъ. Поелику наконецъ всѣ еретики извѣстны были подъ именемъ Христіанъ, то не трудно понять, почему

бредни Валентинцев и оных духовидцев, коих опровергъ Св. Ириней, усвояемы были всей Церкви: язычники смѣшивали всѣ таковыя нелѣпости съ православнымъ ученіемъ и Христіанство казалось имъ заблужденіемъ людей невѣжествующихъ и закоренѣлыхъ въ своихъ предразсудкахъ.

По что, говорили они *), оставлять Религіи съ толь превосходными обрядами, искони утвержденными примѣромъ царей и законодателей и согласіемъ всѣхъ Греческихъ и Варварскихъ народовъ, дабы принимать чуждые нравы и со вредомъ для себя защищать Іудейскія басни? И пусть бы вы сдѣлались совершенно Іудеями: но какая глупость хотѣть служить ихъ Богу не такъ, какъ они, а нововымышленнымъ образомъ, который отвергаютъ сами Іудеи, и подчинять себя правиламъ, каковыя вамъ ни мало не свойственны!

Нѣтъ сомнѣнія, что нравственное ученіе Христіанъ было самое чистое, и что они жили сообразно съ своимъ ученіемъ **). Но

*) Евсев. 1. гл. 2.

**) Тертулл. Апол. гл. 46.

учить добродѣтели и подавать въ ней примѣръ поставляли себѣ въ обязанность и Философы. Въ первыхъ вѣкахъ Христіанства многіе изъ нихъ, можетъ быть, изъ подражанія Христіанамъ, странствовали даже по свѣту въ намѣреніи просвѣщать родъ человѣческій. Таковыми слыли Аполлоній Тіанскій, Музоній и Дамесъ. Философы издревле пользовались великимъ къ себѣ уваженіемъ; общее было мнѣніе, что они все сказали и никто не смѣлъ подумать, чтобы варвары могли имѣть большія о чемъ нибудь свѣдѣнія, нежели Пиѳагоръ, Платонъ или Зенонъ. Скорѣе соглашались на то, что все, что ни было у нихъ хорошаго, было не свое, а занятое у сихъ мудрецовъ знаменитыхъ.

Притомъ же Философы были гораздо снисходительнѣе Христіанъ. Большая часть ихъ не воспрещала земныхъ удовольствій; а нѣкоторые поставляли въ томъ даже верховное благо. Они дозволяли каждому руководствоваться своимъ образомъ мыслей и жить по своей волѣ, довольствуясь презрѣніемъ и осмѣяніемъ тѣхъ, которые незнали Философіи. Пирронистовъ было особенно много. Сіи лю-

ди сомнѣвались во всемъ, особливо въ разсужденіи Божества, коего не могъ объяснить ни одинъ изъ Философовъ. Они полагали себѣ за непреложное правило ни объ чемъ не произносить рѣшительнаго суда, и находили достойнымъ порицанія, что люди безъ познаній, безъ воспитанія, каковы большею частію были Христіане, осмѣливались положительно разсуждать о предметѣ, превосходящемъ человѣческій разумъ. Религіи держались они господствующей. Одни въ такомъ случаѣ вѣрили, и самымъ смѣшнымъ баснямъ давали таинственныя изъясненія; другіе, усвояя себѣ познаніе о Верховномъ Существѣ, виновникѣ вселенной, все суевѣрное предоставляли однимъ невѣждамъ. Епикурейцы даже, явно вооружавшіеся противу народныхъ понятій о богахъ, не отрекались присутствовать при жертвоприношеніяхъ и участвовать въ обрядахъ Религіи той страны, въ которой жили. Общее ихъ мнѣніе было, отнюдь не испровергать обычаевъ, освященныхъ законами и временемъ.

Вѣра въ многобожіе доходила до того, что каждой странѣ, каждому городу, каждому

семейству приписываемъ былъ свой богъ-хранитель, требовавшій особливаго себѣ поклоненія. Простой народъ, всегда склонный къ новизнѣ, думалъ, что чѣмъ большему числу боговъ и богинь покланяться онъ станетъ, чѣмъ большее число обрядовъ совершать будетъ, тѣмъ набожнѣе сдѣлается. Люди умные и свѣдущіе въ дѣлахъ государственныхъ не препятствовали сему заблужденію, находя оное согласнымъ съ своею политикою. Они распространяли въ народѣ мнѣніе, что Римъ одолженъ своимъ величіемъ единственно покровительствующимъ его богамъ, и что сіи боги конечно могущественнѣе прочихъ боговъ, когда покорили имъ всѣ страны свѣта. Вотъ почему, когда Христіанство совершенно уже утвердилось, язычники не преминули относить къ сему нововведенію паденіе Имперіи, вскорѣ за тѣмъ начавшееся; - а Бл. Августинъ принужденъ былъ написать большее сочиненіе о градѣ Божіемъ, съ опроверженіемъ оныхъ упрековъ.

Хладнокровіе Христіанъ къ смерти ни мало не удивляло язычниковъ. Они привыкли видѣть вольныхъ мечебойцевъ, кои изъ пус-

ной награды, и часто даже безъ всего отваживались на смерть среди Амфитеатра. Многіе и изъ честныхъ людей налагали на себя руки по маловажнымъ огорченіямъ; а нѣкоторые изъ Философовъ дѣлали сіе по тщеславію. Доказательствомъ тому служитъ Перегринъ, коего плачевный конецъ описанѣ у Луціана. По сему, видя Христіанъ презирающихъ мірскія удовольствія и помышляющихъ токмо о блаженствѣ жизни будущей, язычники удивлялись, почему они не умерщвятъ себя сами. Намъ скажутъ, пишетъ Св. Іустинъ *): „Перерѣжьтесь, естьли хотите, всѣ, и ступайте немедленно къ своему Богу, не причиняя намъ болѣе безпокойства.“ И Антонинъ, Проконсулъ Азіи, видя Христіанъ толпящихся около его судища для принятія мукъ, воскликнулъ: „Глупые! естьли умереть хотите, у васъ есть петли и утесы.“

Такимъ образомъ всѣ были противу Христіанъ, народъ, правительство, невѣжды, ученые: одни ихъ ненавидѣли, какъ обманщиковъ, злодѣевъ и нечестивцевъ, другіе презирали

*) Іустин. Апол. 2. пар. 4.

какъ человѣконенавистниковъ, сумазбродовъ и меланхоликовъ, коихъ доводило до смерти одно злое упрямство. Предубѣжденіе было таково, что ихъ осуждали по одному имени Христіанина безъ всякаго изслѣдованія вины *); сіе имя чернило самыя добрыя и всѣмъ извѣстныя качества человѣка. Обыкновенно говаривали: такой-то человѣкъ всѣмъ бы хорошъ; жаль только, что онъ Христіанинъ **).

---

*) Іустин. Апол. 1. пар. 3.

**) Тертулл. Апол. гл. 3.

XXIV.

НѢКОТОРЫЯ ПРАВИЛА ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ.

1. Не довольно того, чтобы дѣлать добро; надобно дѣлать оное правильно. Правильность служитъ средствомъ къ исполненію обязанностей съ большею удобностію, съ большимъ совершенствомъ, съ большею заслугою, съ большимъ постоянствомъ. И такъ старайся узнать изъ Слова Божія, какъ располагать тебѣ своими дѣйствіями и часами своихъ дѣйствій, какой долженъ быть порядокъ при исполненіи твоихъ обязанностей и внутренній духъ, одушевляющій оныя.

2. Старайся, чтобы непосредственно послѣ пробужденія отъ сна ничто не разсѣевало тебя. Возвышай умъ свой къ Богу; благодари благость Божію, что она позволяетъ тебѣ видѣть свѣтъ наступающаго дня; рѣшайся посвятить Богу въ сей день всѣ свои мысли, слова и дѣйствія; проси благословенія свыше, чтобы всякое твое

дѣло одушевлено было истинною любовію къ Богу, чтобы оно стремилось къ распространенію славы Его; проси благодати отъ Бога, чтобы она укрѣпила тебя на всякое доброе дѣло, помогла тебѣ избѣжать всякаго грѣха, запрещеннаго въ законѣ Божіемъ, и содѣйствовала тебѣ мужественно переносить всѣ несчастія, которыми Богу угодно будетъ посѣтить тебя. Іисусъ Христосъ собственнымъ своимъ примѣромъ освятилъ обязанность приносить Богу начатки дня. Поутру весьма рано Онъ удалялся въ уединенное мѣсто, и тамъ молился. (Марк. 1, 35.) Все предписываетъ тебѣ исполнять сію священную обязанность. Сколько неожиданныхъ искушеній ко грѣху можетъ случиться въ продолженіе дня! И не естественнѣе ли всего призывать на помощь къ себѣ Верховнаго распорядителя всѣхъ происшествій въ мірѣ и раздаятеля всѣхъ даровъ небесныхъ и земныхъ? Мы столь слабы! Бытіе наше столь бренно! Жизнь наша усѣяна столь многими сѣтями, печалями и превратностями! Богъ столь благъ и милосердъ! Онъ всегда близокъ къ призывающимъ Его. Наконецъ, можетъ быть,

день, начинающійся для тебя, есть послѣдній изъ твоихъ. Въ сей мысли какое сильное побужденіе представляется тебѣ къ освященію сего дня утреннимъ жертвоприношеніемъ!

3. Послѣ утренней молитвы употребляй нѣсколько времени на обозрѣніе дѣлъ своихъ въ наступающій день. Размышляй о средствахъ, какъ избѣгать случаевъ ко грѣху и слѣдовать правиламъ добродѣтели. Представляй себѣ въ Іисусѣ Христѣ божественный образецъ совершенства и рѣшайся послѣдовать Ему, сколько позволятъ силы твои. Полагай твердое намѣреніе быть, подобно Ему, кроткимъ, смиреннымъ, ревностнымъ къ славѣ Божіей, терпѣливымъ и преданнымъ волѣ Божіей. Особенно опасайся впадать въ тѣ же пороки, которымъ часто подверженъ былъ прежде. Отъ всего сердца желай исправиться въ нихъ.

4. Ежедневно употребляй нѣсколько времени на размышленіе о божественныхъ истинахъ Христіанской Вѣры. Размышляй о дѣлахъ и жизни Искупителя нашего Іисуса

Христа. Переносись духомъ въ тѣ пустыни, на тѣ берега моря, во всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ Онъ преподавалъ свое небесное ученіе. Слушай оное и прилагай къ самому себѣ. Особенно разсуждай о послѣднихъ дняхъ жизни Его. Мысленно поставляй себя въ присутствіи Его на горѣ Масличной, у Каіаѳы, въ преторіи, на горѣ болѣзней. Слѣдуй за Нимъ вмѣстѣ съ Маріею и Святыми женами; бери крестъ Его вмѣстѣ съ Симономъ Киринеяниномъ; принимай слова Его и послѣдніе вздохи. Естьли ты праведенъ: сіе размышленіе пріобрѣтетъ тебѣ новую благодать. Естьли ты грѣшенъ: оно произведетъ въ тебѣ раскаяніе о грѣхахъ и пріуготовитъ тебѣ примиреніе съ Богомъ.

5. Какое достоинство ни имѣлъ бы ты, въ какомъ состояніи ни находился бы, люби труды; занимайся ими въ духѣ покаянія, повинуясь опредѣленію правосудія Божія, которое осудило человѣка на труды, когда онъ сдѣлался грѣшникомъ. Естьли ты будешь трудиться съ тѣмъ, чтобы оказывать вспоможеніе бѣднымъ и украшать храмы Господни: то не будешь терять времени

въ праздности или проводить оное въ роскоши.

6. Принимая пищу, освящай сіе дѣйствіе, относя оное къ славѣ Божіей. Пей и ѣшь не болѣе, какъ сколько нужно для укрѣпленія силъ твоихъ. Предъ принятіемъ пищи и послѣ, приноси краткую молитву. Избѣгай невоздержанія и прихотливости. Духомъ самоумерщвленія удерживайся отъ всего, что питаетъ только вкусъ. Во время стола представляй себѣ строгіе посты Святыхъ мужей, также желчь и оцетъ, поданныя Спасителю нашему на крестѣ.

7. Ежедневно употребляй нѣсколько времени на чтеніе назидательной книги. Читай оную въ присутствіи Бога, такъ какъ бы Онъ самъ сообщалъ тебѣ тѣ полезныя истины, которыя найдешь въ книгѣ. Старайся, чтобъ прочитанное проникло въ сердце твое и выражалось въ дѣятельности. Испрашивай у Бога благодати, чтобы она помогла тебѣ исполнить тѣ добрыя желанія, которыя при семъ чтеніи родятся.

8. Во всѣхъ своихъ занятіяхъ, сколько можно, чаще обращай мысли свои къ Богу, дабы все относить къ Его славѣ, отъ Него единаго просить помощи и дѣйствовать въ Его свѣтѣ. Непрестанно обращай вниманіе и на самаго себя, дабы наблюдать за дѣйствіями самолюбія, которое вкрадывается и въ самыя лучшія дѣла наши. Возноси умъ свой къ Богу въ началѣ каждаго дѣла, и посвящай Ему оное. Пріучи себя къ той непрерывной молитвѣ, которая состоитъ въ частомъ обращеніи сердца къ Богу.

9. Жизнь истиннаго Христіанина должна быть непрестаннымъ дѣйствіемъ покаянія. Умерщвляй себя въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Для уничтоженія въ душѣ власти грѣха и утвержденія въ ней благодатнаго царства нѣтъ ничего необходимѣе самоумерщвленія. И такъ истребляй въ себѣ всякое желаніе, относящееся къ безполезному предмету; наблюдай тщательно за своими взорами, погашай въ себѣ любопытство ко всякимъ пустымъ новостямъ; не позволяй себѣ неблагопристойныхъ шутокъ и насмѣшекъ надъ другими; не произноси ни одного

слова, которое прошивно духу истинной любви, или происшекаешъ изъ самолюбія; презирай все, что льститъ чувственности; по духу покаянія воздерживайся иногда и отъ самыхъ позволительныхъ удовольствій; умѣряй излишнюю любовь къ самому себѣ; говори мало, и никогда не говори съ гнѣвомъ.

10. При помощи благодати старайся узнать въ себѣ главный порокъ, или господствующую страсть. Наблюдай за собою, куда болѣе стремится твое сердце; твои мысли и желанія, въ чемъ ты неохотно отказываешь себѣ, и въ какія погрѣшности часто впадаешь. Средства къ постепенному истребленію въ себѣ господствующей страсти суть: представленіе вездѣсущія Божія, размышленіе о духовныхъ предметахъ, молитва, исполненіе добродѣтелей, противныхъ господствующей страсти, предостереженіе себя отъ всѣхъ случаевъ, могущихъ возбуждать оную.

11. Размышляй часто о смерти; занимайся приготовленіемъ себя къ ней, и распоряжай дѣлами своими такъ, какъ бы ты

должень быль скоро умереть; изслѣдывай, въ чемъ ты сталъ бы раскаяваться при смерти, и старайся благовременно уничтожить причины будущаго, можетъ быть, поздняго раскаянія; поставляй себя на мѣсто умирающаго и питай въ себѣ тѣ мысли и чувствованія, которыя обыкновенно стараются внушить умирающему. Благодари Бога за благодѣянія, которыя Онъ ежедневно ниспосылалъ тебѣ; сокрушайся о грѣхахъ своихъ; имѣй живую вѣру въ Искупителя, уповай на Него, и люби Его всѣмъ сердцемъ. Постеля твоя должна всегда напоминать гробъ твой.

12. Съ ревностію исполняй обязанности своего состоянія, дабы благоугодить Богу, который поставилъ тебя въ оное; въ духѣ покаянія переноси трудности, сопряженныя съ исполненіемъ. Старайся пріобрѣсть точное и подробное познаніе о качествѣ, обширности и важности твоихъ должностей.

13. Естьли ты богатъ, помни, чѣмъ ты долженъ бѣднымъ. Угрозы и обѣтованія Іисуса Христа должны побудить тебя къ по-

даянію милостыни. Богъ требовалъ отъ Израильтянъ десятой части ихъ имѣнія. Это можетъ служить для тебя примѣромъ и правиломъ въ раздаяніи милостыни. Обращай вниманіе на избытокъ имѣній своихъ и на множество несчастій, удручающихъ бѣдныхъ. Ты всегда будешь имѣть средство удовлетворить обязанностямъ своимъ въ семъ отношеніи, естьли ограничишь привязанность свою къ благамъ земнымъ, умѣришь свои расходы, и тщательно будешь наблюдать порядокъ въ дѣлахъ своихъ.

14. Удовольствіями и отдохновеніемъ послѣ трудовъ пользуйся, какъ лѣкарствами. Лѣкарства не должны быть ни вредны, ни опасны, ни слишкомъ многочисленны. Удаляйся удовольствій порочныхъ, и умѣренно наслаждайся невинными

15. Крестъ бѣдствій носи терпѣливо, какъ носилъ Іисусъ Христосъ; носи въ духѣ покаянія: ибо какимъ покаяніемъ можешь загладить ты прежніе грѣхи свои? Носи съ любовію и благодарностію; ибо онъ есть дѣйствіе благости Божіей, которая посѣ-

щаетъ и наказываетъ тебя въ семъ мірѣ, чтобы помиловать въ будущемъ. Вѣрою во Іисуса Христа соединяй свой крестъ съ Его крестомъ. Чрезъ сіе только соединеніе терпѣніе твое содѣлается благоугоднымъ Богу.

16. Въ разговорахъ избѣгай во первыхъ пустословія; Іисусъ Христосъ говоритъ, что мы должны будемъ отдать отчетъ во всякомъ праздномъ словѣ: во вторыхъ злословія; оно погубляетъ душу и того, кто злословитъ, и того, кто, слушаетъ оное съ удовольствіемъ, и того, кто имѣя возможность прекратить оное, не дѣлаетъ сего: въ третьихъ вольности въ словахъ, которыя оскорбляютъ скромность, или объясняютъ предметы неблагородные, или какимъ бы то ни было образомъ раждаютъ мысли порочныя: въ четвертыхъ неприличныхъ шутокъ, когда онѣ оскорбляютъ любовь и Религію.

17. Не оставляй никогда вечерней молитвы. Благодѣянія Божіи, ниспосланныя въ продолженіе дня и нужда въ Божественномъ храненіи въ продолженіе ночи должны быть

достаточными побужденіями къ тому, чтобы молиться съ чувствомъ истиннаго смиренія, любви и упованія на Бога. Разсмотрѣніе всѣхъ своихъ поступковъ, мыслей и желаній должно быть необходимою обязанностію Христіанина, отходящаго ко сну. Оно должно сопровождаться раскаяніемъ въ содѣланныхъ грѣхахъ и рѣшимостію впредь предохранять себя отъ оныхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

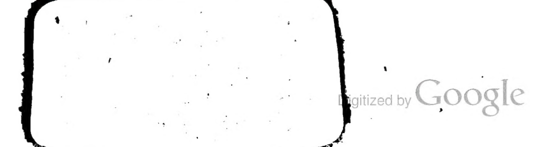
ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

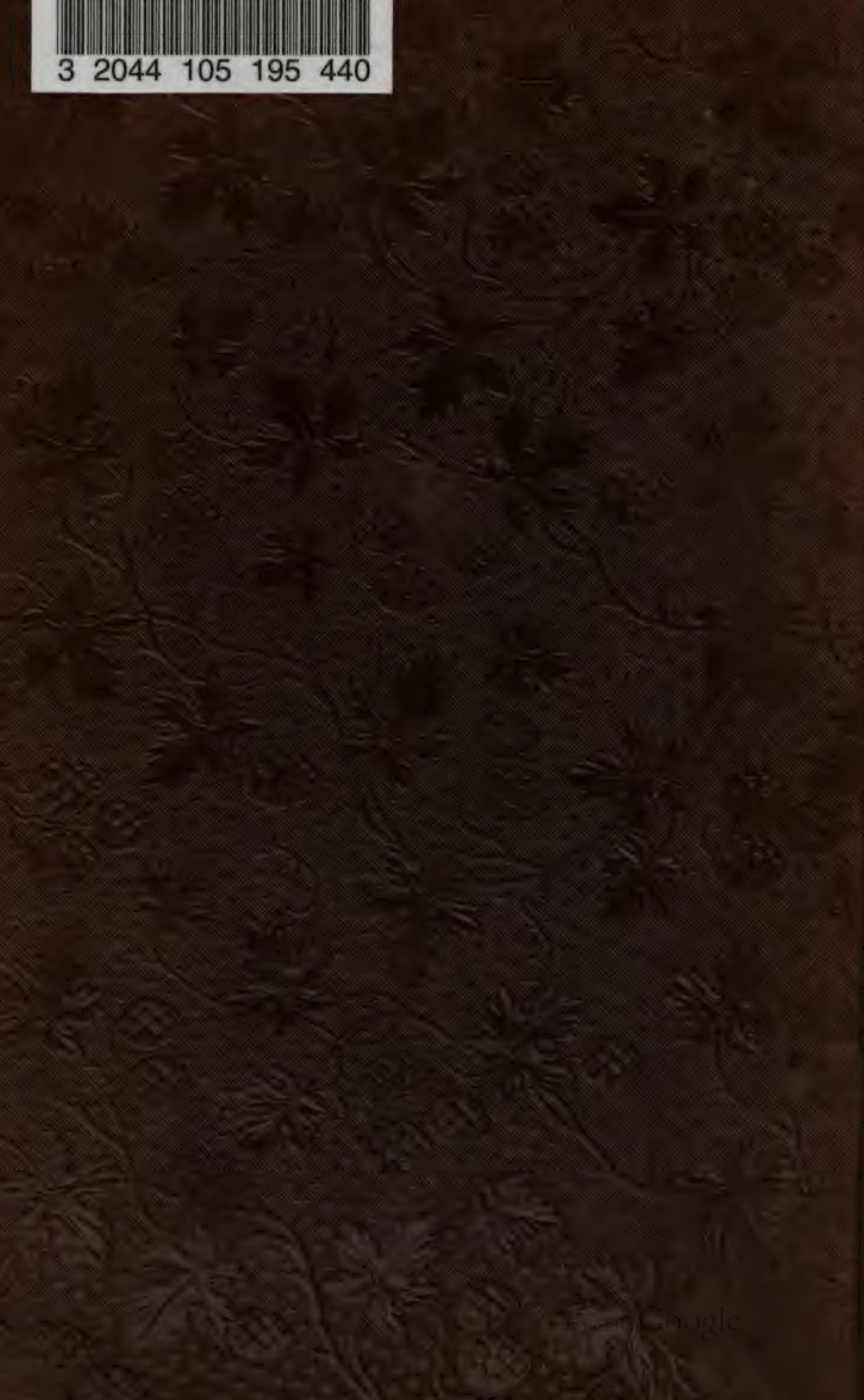
Стран.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Напечатано:			*Читать должно:*
Стран.	Строк.		
9	9	Iов. 2, 11.	Iов. 2, 5.
90	24	(2 Кор. 20, 10.)	(2 Кор. 12, 10.)
121	13	(Iак. 6, 4.)	(Iак. 4, 4.)
178	9	*рабу*	*работающему*
195	5	(1 Тим. 11, 18.)	(1 Тим. 2, 1. 8.)
240	3	познаваемаемыхъ	познаваемыхъ
242	5	органичиваемъ	ограничиваемъ
253	16	Числ. 16, 10.	Числ. 12, 10.
285	19	забываешъ	заставляешъ

3 2044 105 195 440